

Имперский ерццук: аховмедская святвйна

Дмитрий Булик

Не думал, не гадал Мих, как дуэль двух высокородных на его жизнь повлияет. Ведь пошел посмотреть одним глазком, а на следующий день — бах, явиться к обер-полицмейстеру. И ныне он не просто орчук, а коллежский регистратор при приставе-маге следственных дел по особым поручениям. И то ли еще будет.

Глава 1, в которой Мих видит самую настоящую дворянскую магию

— Поединок! Поединок!

Мимо почти пронеслась ватага из незнакомых мальчишек. Один из них, белобрысый с перебитым на бок носом, на секунду задержался, уже даже за камнем нагнулся, но Мих прорычал ему в спину.

— Лучше не надо, паря.

— Митька, да брось ты, не видишь орчук. Руки о такого только марать.

Белобрысый трусливо обернулся и умчался прочь. Много их таких бегают, всем полукровка как бельмо на глазу, каждый и норовит поддеть, унижить или просто осмеяться. Нечто мало жизнь Муха била-кручинила? Орчук поднялся на ноги, отряхнул широкие, но короткие штаны, поковырял мостовую босым пальцем и покрутил головой.

Солнца за тучами не видно, те аж будто над крышами висят, но чутьем своим звериным, за долгие года родичами-кочевниками выпестованным, знал орчук, что время к закату близится. Что то значит? Не будет больше сегодня работы. Не станет кричать половой его по мелкому поручению, не прикажет купец товар какой к дому снести, не попросит кузнец лошадь для перековки подержать. Поест, значитца, надо, да спать идти.

Мих отер пот с широкого крепкого лба. Ох, духота-то какая, разродиться бы небу дождем, а то мочи никакой нет. Пучится тучами, пучится весь день, да толку никакого. Ему-то еще ладно, привыкший к жаре, а вот барыню одну давеча сморило. Прямо тут несчастная душа упала, кабы не он, голову расшибла. Милая такая, сахарная, кожа белая, Мих сроду даже рядом с такими не стоял. А она даже «мерси» и к сопровождающему вспорхнула. Эх, как бы человеком был, так бы и приударил.

Орчук оглядел взглядом пустеющую улицу. Гордо выселись кирпичные молчаливые дома, пропахшие с парадных духами да одеколонами всякими, а с черного входа смердящие нечистотами и помоями, что прислуга прямо на ступени льет. Лениво переругивался биржевой извозчик с обычным ванькой, вставшим по ошибке на его месте, но понимал Мих, не дойдет до драки, слишком уж жарко, чтобы кулаками махать. Возвращались со службы в пыльных штиблетах и мундирах не по размеру канцеляристы низших чинов, для которых обращение «Ваше благородие» и то за счастье. Действительно, пора.

Купил Мих два калача огромных за четыре копейки. Еда хоть и черствая, залежалая, однако питательная. Да и любил орчук все самое простое, как папенька его говаривал, «незамысловатое». Репу тушеную, кисель гороховый, рассольник, щи разномастные, даже из «людской» говядины, грибы в сметане запеченные, пироги. Бывало в дни жирные, прибыльные или особливо удачливые, угощали его яствами наниматели, то ли из жалости, то ли забавы ради. Всем интересно поглядеть, как чудовище такое будет белорыбицу тушеную али артишоки фаршированные кушать. Не знали, что орчук не только этикетам разностным обучен, но даже грамоте мало-мальской. Все же папенька был человеком, и всю жизнь старался из него, Михаила Бурдюкова, человека сделать, царство ему небесное.

А может и вправду махнуть к Острожевскому тупику, поединок посмотреть? Время раннее, идти недалече, хоть какое-то разнообразие в жизни. Конечно, сошлись по обыкновению студенты меж собой, покричат, пошумят, шпагами помашут, рванятся немного,

да домой разойдутся. И то забава.

Прошел три улицы, ножищами толстыми мостовую меряя. Камень разгорячился за день, мимолетно ступать на него приятно, даже щекотно, а вот подолгу не удержишься, обожжешься. Слава Богу, в Острожевском тупике хоть и светло, но все же прохладнее. С трех сторон окружен он высокими, в три этажа, домами, с четвертой, что на Верхнеколоменскую выходит, солнце лишь под вечер, как сейчас, зыркает.

Осмотрел Мих, ох, Божья Матерь-Заступница, люду-то разного сюда набилось, как ворья на ярмарку: рабочих десятков несколько, крестьян, что в город приехало, ребятишек прорва, шмыгают туда сюда, купцов восемь человек, пришли, не побрезговали, стоят особой кучкой, служивых тоже набилось. Но самое главное, у самих зачинщиков трое высокородных, таких по лицу и взгляду отличить нетрудно.

— Плошка, хоть сюды, — увидел знакомую чумазую физиономию орчук.

— Чего тебе, Мих? — Хоть бока руками подпер, но все же подошел малец.

Махонький совсем, осмолеток, Гришки-пропойцы сынок четвертый. Всю жизнь орчук удивлялся таким людям — живут, чем Бог на день им подаст, а семьи большие. Дети в рванье, вечно голодные, однако из большинства люди настоящие вырастают. Если выживут, конечно.

Отломил половину от оставшегося второго калача и протянул мальцу. Тот не погнушался черствого хлеба, откусил.

— Плошка, а чего тама намечается?

— Нешто не видишь, поединок.

— Оно и козе понятно, что не масленичные гуляния. Ты мне скажи, людей отчего так много? Да высокородные как сюда прибились?

— Так биться будут высокородные оба, вот у них энти, как их самое, сенкунданты, вот.

— Нечто? — Удивился орчук.

— И это, ты место получше займи. Сейчас народу еще боле набежит. Поединок непростой, до Поглощения.

— Быть не может.

— Вот те и не может. Мих, побег я, а? — Умоляюще посмотрел Плошка, гадая промеж себя, сполна он рассказал за кусок калача или нет.

— Ну беги, — махнул ему орчук.

А сам начал продвигаться вперед, орудуя здоровенными руками. Зеваки недовольно оборачивались, некоторые даже словом бранным задевали, но заметив круглое недоброе лицо (а Мих даже в самом благодушном расположении выглядел устрашающе, орчья кровь она и есть орчья кровь), отступали в сторону. Так и вышел к первым рядам. А тут уж и рассмотреть дуэлянтов можно было.

Ближе к Миxu стоял рослый красавец с пышными усами в служебном вицмундире. Орчук удивленно рассматривал однобортный полуфрак василькового цвета, застегнутый на желтые пуговицы с гербом, стоячий красный воротник из сукна и такого же цвета обшлага. Высокий полицейский чин, не иначе. Под рукой незнакомец держал суконную фуражку и перчатки, из великолепно выделанной кожи. Мих окрестил его «Ваш высокоблагородие». Возле красавца стояли трое секундантов, тоже из аристократов, по всей видимости, пришедшие с ним.

Спиной к первому стоял рослый человек в хоть и хорошо чищенном, но ношенном и бедном гражданском мундире. Плечи покаты, но скорее не из-за худобы, а плохой одежды, в

петлицах три звездочки маленькие. Мих наморщился, вспоминая науку отца, стало быть, секретарь коллежский. Странно все это. Если Прошка не соврал и бой до Поглощения, стало быть, оба магией должны обладать. А это что значит? Оба из Высших семей, другие в их Славии волшебством не владеют. Так почему же который спиной к нему, всего десятого чину, даже не дворянского?

Обошел тихонько Мих по кругу, дабы получше того разглядеть. Тоже гош собой. Лицо как с картинки писано, нос длинный, глаза большие, даже бабьи что ли, рот сжат, отчего лицо все серьезное, но благолепное. Вот только бледен уж сильно и лоб в испарине... Понятно дело, коли уж до Поглощения заругались, обратного тут давать нельзя.

А народу все прибывало. Горланили мастеровые, закатывали глаза в отдалении несколько институток, даже господа во фраках сюда прибились. Не иначе с театру возвращались, али еще из мест каких, куда простой челяди входу нет.

Меж тем один из аристократов, что рядом с полицейским чином рядом стоял, подошел к «благолепному», поинтересовался о готовности. Секретарь коллежский хоть и побледнел пуще прежнего, все же кивнул, вытащил шпагу из ножен, и подошел к «высокоблагородию».

— Клянусь своими предками, — зычно начал рослый красавец.

— Клянусь своими предками, — вторил ему человек в потертом мундире, нагоняя словами противника.

— Что добровольно вступаю в схватку, что будет идти до полного Поглощения моих магических способностей, — теперь говорили вместе, будто репетировали прежде, — слово истинно и обратной силы не имеет. Ибо так сказал...

— Дашков Михаил Николаевич, — закончил полицейский чин.

— Меркулов Витольд Львович, — сказал и замолчал «благолепный».

Народ, вокруг собравшийся, ахнул. Из груди дуэлянтов, точно сердце выскочившее, свет появился. Мих глазами хлопал на диво дивное, впервые в жизни виденное, даже рот открыл. А свет, не тот, что от свечки церковной бывает, а скорее ежели на солнце долго смотреть, то потом перед глазом рябит, разошелся по двум сторонам, да обратно груди противников коснулся. Вот оно что, вроде они обещание друг другу дали, которое магия нарушить не даст.

Теперь и секунданты даже отошли, руками зевакам машут, бранятся, на дуэлянтов показывая, мол, отойдите, от греха. Мих оглобли свои выставил, да сделал шаг назад. Многих захватил, под ним толпа заворчала, застонала, однако ж послушалась. И с другого края, волнения увидели, тоже отступили.

А господа ходить вокруг стали, шпаги вперед выставили, изучают друг друга. Полицейский чин махнул разок, другой, но и «благолепный», что Витольдом назвался, хотя и бедный, все же мастерству боя обученный, оба раза клинок от себя отвел. Ясно дело, что бой тяжкий будет. Ладно на деньги, или другую глупость наживную, так на самое дорогое, что в жизни есть — на магию дерутся.

Для аристократа магии лишиться, как крестьянину руки по локоть отрезать. Бесплезным существом будет, как мышь в крынке с молоком утонувшая. Слыхивал от отца Мих, хотя редко он о магии рассказывал, что «пустехи», то бишь, люди, магии лишившиеся, все одно плохо кончают — стреляются или в петлю лезут. Оно и понятно, это как, если бы было у тебя сегодня все есть, а завтра бери суму, да иди побирайся. Только Поглощение пережить в разы труднее, оно ж все-таки магия. Тяжело к ней привыкают, а отпускает она еще мучительнее.

«Высокоблагородие» перестал ходить вокруг да около, коршуном взвился, да пошел

клевать противника. Тычет его шпагой то сверху, то снизу, иной раз с боков зайдет. А Витольд (имя какое презабавное, Мих такого слыхом раньше не слыхивал) в самый последний момент, то поднырнет, то шаг в сторону делает, но каждый выпад в сторону отводит. Как только успевает?

Тогда-то чудо и произошло. Полицейский шпагу занес, однако ж бить не стал. Постоял недвижно, чуток всего, и стал исчезать. Сначала пальцы со шпагой пропали, будто ветром легкий дымок сдуло, потом голова погулять ушла, одно тулово осталось. Народ заохал, кто-то из баб, что послабже духом, закричал, а Мих только подобрался, жутко ему интересно стало. Следом и все остальное тело истерлося, был человек и нету его вовсе. На секундантов поглядел, стоят, ухмыляются. Ага, значит, не раз такое видали.

Витольд головой крутит, озирается, пот с него уже градом льет, противника ищет. Потом сам затих, стоит, вроде слушает. И тут раз, руку вздернул вверх, и как по нутру сталь о сталь звякнула, отбил удар рубящий. А следом как пошел шпагой махать, да ладно бы без делу, так снова отбивается от «высокоблагородия» невидимого. Сам отступает к стене дома, но не сдается. У Миха даже симпатии в его сторону возникать начали. Смотри, сам низкого чину, магия у него — то ли есть, то ли нет ее — а все же бьется, капитулировать (это тоже слово, от отца орчуку в наследство доставшееся) не собирается. А потом, первый раз все время ногу вперед вставил, наклонился чутка, да шпагу вытянул.

Как то произошло Мих сам не понял, да только в момент один кончилось все. Стоит Витольд, мокрый, как мышь, а на его клинке «высокоблагородие» наколот. Аккурат из середины спины шпага торчит. Орчук по глупости своей за вицмундир сначала переживать начал, это ж, сколько рублей на него потрачено. Починить, оно конечно, можно, но все же видно будет, как искусно не выправят.

А когда «полицейский чин» оседать начал, тогда уразумел Мих, что ранен он самым серьезным образом, может даже смертельно. Секунданты тут же подбежали к нему, оттащили в сторону, один за врачом побежал. Но ничего, орчук присмотрелся, жив «высокоблагородие», даже глаза открыл. Взгляд у него одновременно удивленный и испуганный.

Тут же снова чудо. Словно дух от поверженного пошел, как у человека, что исходится, только прямо идет, по направлению к Витольду, победу одержавшему. А тот стоит и впитывает, впитывает. Вот оно, значит, что есть Поглощение!

Острожевский тупик затих, будто и не нет тут никого. Стоят мастеровые, крестьяне, рабочие, купцы, институтки, студенты, чиновники, аристократы и молчат, боясь слово сказать. Магия она штука особая, не дай Боже мимоходом тебя заденет.

Благолепному совсем похудело. Как слепой стал, руку вперед выставил, опору ищет, да все не найдет. Так и пошел на ногах шатающихся, дороги не разбирая, прямо к толпе. Кто закричал, кто отпрянул, только Мих растерялся. А Витольд совсем плохой уже, еле-еле до орчука дошел да и упал. Кабы не поймал его Мих, так чего доброго и расшибся бедолага.

— Вставайте, Ваш благородие, — пробасил Мих. А тот и не думает отвечать. Висит кулем, сознание потерявши.

Так и стоят. Орчук думает, положить его на землю, вроде как оскорбление. С другой стороны, держать его, пока в себя не придет? Так дел будто у Миха других нет, чем до ишачьей пасхи тут куковать.

Сомнения его разрешил один из господ, от «высокоблагородия» отделившийся. Подошел к орчуку, пальцем за собой махнул, три слова только сказав.

— За мной иди.

И Мих послушался, куда ему против дворянского слова. Поднял на плечо тело бессознательное, схватил поудобнее и пошел за секундантом. Вышли из Острожевского тупика на Верхноколоменскую, улицу хоть и неширокую, но оживленную. Махнул аристократ рукой, и подъехала к ним открытая пролетка. Не иначе, как одна из тех, на какой их «высокоблагородия» приехали, ибо дальше еще такая же стояла. К тому же, не заплатил дворянин извозчику, а лишь наказал вести «этого» и «господина Меркулова» в Краснокаменный переулок, дом десять.

— А ты, морда зеленая, смотри, чтоб доставил господина Меркулова в цельности и сохранности. Не приведи Господь, что случится с ним, я весь Моршан переверну, но твою шкуру крокодильную из-под земли достану. — И уже размягшись, ибо видел полную покорность и податливость орчука, добавил. — Вот держи, отдашь его домоуправительнице, — сунул он в лапищу пятиалтынный, — у которой он комнаты снимает. Пусть приглядит за ним сегодня, возможно, худо ему будет. Ну чего стоишь, черт, трогай!

Извозчик хлестнул лошадь и та, почувствовавшая за собой троих, один из которых был наполовину орк, а значит, тяжелее людского тела, с трудом побежала по мостовой.

Ехал Мих по Моршану, ветер лицо щекотал, узенькие улочки менялись на широкие проспекты, а думы были невеселые. Влип в историю за грош ломанный, как бы худа теперь не вышло. Вот «господину Меркулову» хорошо, лежит себе, забывшись, на коленях у орчука, а ему размышляй как выпутаться. Еще и пятиалтынный этот проклятый руку жег.

Сначала вовсе хотел просто свалить тело под дверь, стукнуть пару раз и убежать. Да еще больше пужался. А если извозчик остановится и будет глядеть? Или пушай уедет, а кто из окна посмотрит, да закричит, дескать, убил орк прохожего, да тикает! Зеленокожих не так много в Моршане, большинство в Захожей слободе, Миху найдут в два счета. Тем паче, скрыться ему трудно, чай не блоха на собаке, со всех сторон приметный и видный. Вот, едут они сейчас, а всякий прохожий оглядывается, иные пальцем показывают. Оно и понятно, сказали бы ему снести господина пешком, так квартала не прошел, городского крикнули. Еще бы, орк человека тащит (и то, что он наполовину зеленокожий большинству не интересно).

А так, на пролетке, так еще и извозчик не кричит: «Грабят! Убивают!», значит что? Распорядился кто. Те орки, что в Моршане живут у купцов, али на заводах, существа православные, смиренные. Ежели при человеке, груз какой за ним тащат, значит ничего, пушай живут. В другом случае, когда один ходит, да глазами по сторонам зыркает — такого прибьют, а токмо потом разбираться станут, что и как.

Солнце уже за горизонтом половину своего масляного бока спрятало, решивши, что будет моршанцев мучить. Ночной свежести, что до костей пробирает, не наблюдалось, но духотный воздух уступил место слабой прохладе. Мих вдохнул полной грудью и решил, будь что будет, а дворянский наказ выполнит. Тут и извозчик вожжи натянул, крикнул: «Ну стой же, кормилица», высокие колеса вращаться перестали и пролетка замерла, вперед накренившись.

— Краснокаменский переулок, — заключил возчик.

Мих и сам видел. Доходные дома, коих здесь пребывало в избытке, склонились над орчуком, как кот над попавшей на берег рыбехой. Высокие, пятиэтажные, уходящие далеко

вглубь, ютившие в своих бесконечных коридорах рабочих, мастеровых и чиновников средней руки, являлись здесь единственной достопримечательностью. Ну разве еще церковь Симеона Исповедника, что в квартале западнее, в которую Мих, как человек православный, хаживал.

Вот что в истинном, славийском православии орчуку нравилось, так это терпимость и смирение. Всякий мог в храм прийти: и гоблин, и аховмедец, и диковинный народ айта (последних, конечно, Мих воочию не видел, но много чего презабавного слышал). Каждый «преподобие» тебя выслушает, мудростию поделится, денег не возьмет. На то и святые люди...

С тяжелым сердцем Мих пролетку проводил и направился к самому худому из всех здешних зданий. Остальные высились гигантами, а тот, что с номером «10» (грамоте покойный отец, земля ему пухом, орчука выучил, хоть и тяжело пришлось науку в большую зеленую башку вдалбливать), сгорбился покатою крышей, того и гляди посыплется, глазенки-окна на Краснокаменский стыдливо опустил, да дверь разохшуюся чуть приоткрыл. Мол, заходи, мил человек, не взыщи.

Орчук в парадной оказался, нос брезгливо поморщил от кислого запаха щей, да стоит, не знает куда себя деть. Дом оказался совсем неказистым — внутри еще меньше, чем снаружи.

— Пансионат, — презрительно бросил Мих.

Что сие слово значило, он не помнил. Вычитал из какой-то папенькиной книги, когда тот жив еще был. Орчук любил изредка удивлять людей подобными заковырками, коих у него за пазухой было в достатке. Однако сейчас было не время и не место. Пора и с его благородием что-то решать.

Мих подошел к ближайшей двери и тихонько постучал по ней. Впрочем, как заметил орчук давно для себя, мебель и прочую безделицу деревянную стали делать в последнее время дрянную, ибо несчастная, чуть не слетела с петель.

— Ах вы окаянные! — раздался скрипучий голос.

Дверь отворилась, обнажив в утробе проема небесное создание лет семидесяти в белом чепчике, и тут же попыталась закрыться. Но с Михом такие номера не проходили. Он выставил ногу и вежливо, насколько ему показалось, поинтересовался.

— Благородие куда снести?

Только теперь старушка разглядела, что куль на руках у орчука и не куль вовсе, а ее давний знакомец, снимавший квартиру на самом верху, мужчина обходительный и вежливый. Хозяйка испуганно ойкнула, но дверь закрыть по-прежнему мешала нога зеленокожего незнакомца.

— Приказано его благородие до дому снести. Скажете куда положить, я и пойду, — напирал Мих.

Хозяйка, за минувшую минуту перебравшая в голове все виды смерти, которые могут с ней произойти, мучительные в особенности, пребывала в состоянии тихой истерики. Но и незнакомец отступать не намеревался. Напротив, в своей требовательности он становился все сердитее.

— Живет где благородие? — Рыкнул он.

Справедливости ради, Мих все еще пытался вести себя учтиво, но в глазах одинокой пожилой женщины уже плескалось такое море отчаяние, что появившись здесь сам Государь Император, то на хозяйку это не произвело бы ровно никакого впечатления. Однако короткий вопрос все же возымел действие.

— Наверху. Последняя комната справа.

Зеленая босая ножища наконец убралась с порога и дверь, с удивительной для старушки прытью, захлопнулась. Огромная туша с бездыханным, а скорее всего уже и убиенным Витольдом Львовичем, направилась наверх, натужно скрипя ступенями.

Мих поднялся на третий этаж, и наученный советом доброй женщины, направился к нужной двери. Шарить по карманам благородия орчук не стал, воспитание не позволило, он лишь тяжело надавил на дверь, и замок, бывший совсем плохеньким, податливо скрипнул и полетел вместе с щепой от косяка на пол.

«Квартиры», о которых обмолвился дворянин, представляли собой две комнатки. Первая, ее Мих окрестил приемной, имела стол в середине, заваленный книгами и картами, старый продавленный диван и два гнутых стула. Вторая, совсем темная, вследствие чего орчук ударился коленом о нечто твердое, была спальней с пружинистой панцирной кроватью. Туда Витольда орчук и свалил. Походил вокруг, нашел и запалил лучину и вернулся к забывшемуся аристократу.

Орчук потрогал лоб и поцокал языком. Его благородие охватил лихорадочный жар. Бедняга все время намеревался куда-то устремиться, дергал ногами и руками, пришлось Миху попридержать его. Когда высокородный немного успокоился, орчук осмотрел комнаты тщательнее и обнаружил пузатый чайник с изогнутым носом. Оторвал от своей рубахи кусок холстины, промокнул его и положил на горячий лоб Витольду Львовичу. Приподнял голову и в довершении всего напоил несчастного водой. После этого его благородие забылся окончательно, изредка беспокоемый короткой и внезапной судорогой, что проходила так же быстро, как и проявлялась.

Пока Мих суетился, в дверь, что была прикрыта, постучали. Звук вышел негромкий, но очень уверенный. Не ТУК-ТУК, как костяшками пальцев обычно обозначаются соседи, а тук-тук-тук, говоривший о самом серьезном намерении пришедшего.

— Не заперто, — сам орчук вышел в переднюю, подняв руки и прижавшись к стене.

Предчувствие его не обмануло. В дверях стоял околоточный надзиратель с городовым. В руках, низенький даже по сравнению с обычными людьми, чиновник держал самый настоящий револьвер. У его помощника тоже кобура была, однако гулял там один лишь ветер. Про то каждый мальчишка знал, что низшим полицейским чинам вроде как и положено огнестрельное оружие, но возможностей всех снарядить пока у власти не было. Так и ходили с одними пашками.

Миху повезло, околоточный оказался хоть и сердитым стариком, но все же с разумением. Пистолета с зеленого здоровяка он не свел, но рассказ о дуэли выслушал. Более того, сам в спальню прошел, пощупал пульс и послушал дыхание его благородия. Орчук все это время перед городовым стоял ни жив, ни мертв. А как иначе, эти обучены враз пашку из ножен доставать, почти все из отставных солдат и унтер-офицеров. Дуру включи, да дернись, тут тебе конец и придет.

Как раз, когда самый страх пошел, Миху в голову мысли опять глупые полезли. Вот убьет его сейчас городской, как есть мундир испачкает. Аж жалко. Черный, ладно пригнанный, не иначе на заказ сшитый. Вон у него какой рост — почти три аршина, выше самого орчука.

— А это не ты ли часом Терентия, присяжного поверенного сын? — Вернулся околоточный.

— Истинно так, Ваше благородие, — отозвался Мих.

— Хороший был человек. Значит, звать тебя Михайло. Слышал я о тебе, слышал, да не думал, что встречу. Вы же с отцом где-то на Старых Вешках жили?

— Да, у папеньки там контора была. Сейчас я на Никольской обитаю.

— Эх, тебя занесло, — крикнул околоточный. — А я Артьемий Кузьмич. Твой отец в свое время моего брата... Ну да ладно, — он собрался, справившись с нахлынувшими чувствами, и продолжил с некоторой суровостью. — Раз уж взялся за его благородием смотреть, остаешься с ним. Утром я зайду справиться. Это ж надо чего учинить, дуэль до Поглощения?! Скандал будет, скандал.

— Но я...

— И не спорь, Михайло, не спорь. Только в память об отце тебя в участок не забрал. Замечательный был человек, тебя вот вырастил.

Околоточный не слушая возражения, махнул городовому и уже из парадной крикнул.

— Зайду утром!

Мих уселся на стул и сложил могучие руки на скатерть. Что ж, действительно, как говаривал его отец: «утра вечера мудреннее».

Глава 2, где Мих становится ярыжкой, а Витольд Львович и того больше

Утро не принесло ни мудрости, ни облегчения. Напротив, началось с крика, что возвестило как минимум об убийстве или намерении оного.

Хозяйка, за семь часов вовсе не сомкнувшая глаз, затаилась в парадной у затворенной двери с разбитым замком. Она несколько раз посылала ночью за околоточным, но вскоре явился Тишка-городовой, которого она с детства знала, и сказал, дескать, «если она, ведьма старая, не отстанет от Его благородия, то он ее за седые волосы оттаскает да в околоток заберет».

А ей, бедной душе, все казалось, что ходит вокруг кто-то. В окна заглядывают, будто даже внутрь сунулись, но она себя обозначила. Выругалась со страху, как обычно только чертей бранным словом поминают, да лопату, Бог весть каким образом у нее подле двери оказавшюся, поближе прижала.

Так и вздрагивала от каждого шороха несчастная. А утром, как только половицы заскрипели да рожа зеленая вышла прочь, взметнулась наверх, позабыв про преклонные года. Думала, загубил проклятуший Витольда Львовича. По правде сказать, даже немного надеялась, чтобы потом околоточному вместе с Тишкой под нос пальцем ткнуть да изречь: «Я же говорила». Но разочаровалась, а одновременно с тем успокоилась — хоть и бледный, обессиленный, но Меркулов все же еле слышно дышал. Хорошо к себе успела вернуться, как крокодил обратно воротился. Нос хозяйки уловил приятный дух каши, и она справедливо решила, что образина намерился отравить ее постояльца. Прокралась к самой двери, заглянула в щелку, что после поломки замка образовалась. Только стала наблюдать, как раздался крик.

Меркулов, пошатываясь, стоял в ближней к выходу комнате, опираясь плечом о стену и прикрыв рукой рот. Его лицо выражало крайнюю степень смущения от своего испуга, вырвавшегося наружу. Зеленокожий возвышался перед ним, покорнейше опустив голову.

— Кто вы? — Спросил Меркулов. Его голос, удивительно звонкий, как у мальчишки, разорвал тишину, окутавшую комнату после вскрика.

— Михайло Бурдюков, Ваше Благородие. Но все кличут Михом.

— Орчук? — Заинтересованно то ли спросил, то ли вслух подумал Витольд Львович.

— Истинно так, Ваше благородие, — обрадовался зеленокожий. — Обычно не все разницу видят. Говорят, зеленый, значитца, орк и есть.

— Ну какой же орк. Клыков у тебя выступающих нет, комплекция, опять же... Михайло, простите великодушно, но как вы здесь оказались?

— Так Его высокоблагородие наказал вас до дому снести. А потом вы так забылись тревожно, я и остался. Думаю, не приведи Господь, что произойдет.

— Его высокоблагородие?

— Секундант, — удовлетворенно кивнул Мих.

Лицо собеседника преобразилось. Казалось, за одно мгновение, пролетевшее со стремительной скоростью пьяного извозчика, он все осознал и вспомнил. Настороженно поднес руку к окну, нервно сглотнул и стал смотреть на нее. Диковинка заключалась в том, что чем больше Меркулов глядел на конечность, тем прозрачнее она становилась. А когда

вовсе исчезла, Мих перекрестился и стал что-то невнятно бурчать себе под нос. Видимо, молитвы помогли, ибо рука вернулась на место.

— А что это за запах? — Вдруг повел носом Его благородие.

— Каша из полбы, — радостно отвечив орчук, пододвигая ладонью, размером с большой кузнечный молот, котелок вперед. — Да попробуйте, Ваше благородие, не сомневайтесь. Очень вкусно.

Хозяйка хотела было в этот момент вскрикнуть, кинуться внутрь да сбросить окаянный котелок на пол, однако ж внизу послышались шаги. Тяжелые, грузные, добра не предвещавшие. Насилу успела бедная женщина поддеть ключом замок ближней к лестнице двери да вжаться внутрь. Благо, тут недавно студент повесился и ныне никто не жил. Нет, конечно, что бедняга руки на себя наложил — это плохо, но что более важно — самым скорбным образом сказалось на благосостоянии несчастной женщины. Мерзавец задолжал оплату за полтора месяца. Хотя о мертвых либо хорошо, либо ничего...

Однако именно в этот самый момент, хозяйка поблагодарила Господа и Матерь-Заступницу, что апартаменты (говоря про свои комнаты, она предпочитала обозначать их именно так, а не иначе) пустовали. Ибо в другом случае почтеннейшая владелица меблированных комнат рисковала столкнуться нос к носу с не менее уважаемым околоточным Артемием Кузьмичом, за которым шествовал треклятый Тишка. И они двинулись в направлении обиталища Витольда Львовича.

Не сказать чтобы хозяйка боялась полицейских чинов, особенно Артемия Кузьмича. Напротив, последний третьего дня кушал у нее сладкую настойку на бруснике, обещая «всенепременнейше» и «решительным образом». Однако ж, когда появилась нужда — натека. Тишку с цепи спустил да еще в околоток пригрозил доставить. Нет уж, извольте, подобной милости и дружбы более не требуется.

Старушка ожидала криков, даже стрельбы (Матерь-заступница, всю побелку ведь собьют, аспиды), однако вопреки всему со стороны соседних «апартаментов» донесся еле различимый бубнеж. Удивительное дело — разговаривают. Сейчас бы брать под руки орка, пистолетом мерзавца подгоняя, да в околоток. А еще лучше в острог, чтобы неповадно было женщин пугать до смерти.

Додумать не успела — снова шаги. Только теперь торопливые. На бегу незнакомец через несколько ступенек перепрыгивал. Поднялся — и юрк в знакомую комнату. Хозяйка даже возмутилась. У нее тут не проходной двор, а сурьезное заведение, и бегать подобно козлам на майском солнышке, она не позволит. Так она все подумала. Вслух ничего не сказала, лишь к стенке плотнее ухом прижалась.

Перегородки тут совсем дрянь были. Порой внизу у выхода слышно, что в дальней комнате под чердаком происходит. Но пришедший говорил тихо-тихо. Насилу смогла разобрать лишь пару слов: «ожидают-с» и «обер-полицмейстер».

Схватила старушка за голову. Все, пропал Витольд Львович. Через орку эту проклятую пропал. Что же теперь будет? Опять постояльца надо искать. Да что же такое происходит?

Пока сокрушалась почтеннейшая, вся процессия вышла из комнаты, спустилась по лестнице и выбралась наружу. Хозяйка опомнилась, выскочила следом, да поздно. Лишь спины увидела удаляющиеся.

Солнце набрало уже полную силу и теперь со всей яростью сошедшего с ума светила пекло двух нечаянных, но одновременно с этим прелюбопытнейших спутников,

шествовавших подле друг друга. Впереди них на значительном расстоянии, будто не желая быть причастным к этой паре, торопился мелкий полицейский чин.

Один из попутчиков был весьма раздосадован, что, впрочем, на его широком, мясистом и зеленом лице слабо выражалось. Сокрушался Мих о каше, которую Его благородие лишь едва успел попробовать, прежде чем к ним ввалился околоточный.

Лицо второго спутника было серо, губы плотно сжаты, а глаза выражали ту степень отчаяния, которая бывает у проигравшихся в пух и прах подпоручиков, ранее взявших в долг более ста рублей. Видел свое будущее Витольд Львович вовсе не в радужном свете. Суток не прошло со времени дуэли, а про нее уже прознал обер-полицмейстер, вследствие чего вызвал к себе.

О том, что его не арестовали, а следовательно, все могло обойтись, Витольд Львович особых надежд не питал. Меркулов был хоть и захудалой ветви, почти оборванной, но все же дворянской. Поэтому и «попросили» его должным образом. Попробуй он рвануть к вокзалу, тут к нему сразу отношение бы и поменялось. Убежать Витольд Львович не намеревался, да и пустое это все — за ними в любом случае филер какой приставлен. Дело и вправду выходило громкое.

Случилось все, как обычно это бывает, из-за глупости. По бедности своей Меркулов путешествовал с работы домой исключительно пешим ходом, оправдывая этот факт дополнительной физической подвижностью, так необходимой для организма. И на углу у Поварской улицы Витольд Львович чуть не был сбит пролетающим фаэтоном. Страшно подумать, что бы случилось, если бы не его определенные особенности...

Следом из фаэтона высыпали нетрезвые господа, во главе которых и выделился усатый молодчик. Он накинулся на Меркулова чуть ли не с кулаками, грозно рявкнув, дескать, «всякая шваль вовсе не смотрит, куда идет, и так и норовит под копытами оказаться». На это Витольд Львович, несколько смутившийся, все же ответил, что он лично хоть и лишен дворянского звания, но его род довольно древний и уходит корнями к самому Ковчегу. Самое интересное, что эти слова сначала развеселили усатого, а потом, напротив, разозлили. Слово за слово, и кончилось тем, что кто-то крикнул о дуэли: «раз два высокородных не могут решить дело миром», другой подхватил. В хмельном угаре компания веселилась и насмехалась над Меркуловым, но не таков человек был Витольд Львович, чтобы пойти на попятную. Вызов он принял, а что стало потом уже общеизвестно.

Но за каждый выбор рано или поздно приходится платить. Господину Меркулову, всю свою жизнь рассчитывавшемуся за дела отца, было не привыкать. Однако на душе скребли кошки. Только ему казалось, что можно начать все с чистого листа, так попал он как кур в ощиц.

Околоточный, только услышавший имя глубокоуважаемого обер-полицмейстера, ретировался со скоростью, коей позавидовали бы многие жеребцы главного Моршанского ипподрома. Оно и понятно: тут дело такой важности, что при рубке полетят не только щепки, а, возможно, и чины.

Единственно жалко было Меркулову за Миха, оказавшемуся в лишнем месте в плебельное время. И отвертеться теперь не получится, ибо посыльный так и сказал: «явиться вместе с орчуком».

— Ваше благородие, вы не будоражьтесь, авось и обойдется, — заметил Мих волнения собеседника, написанные на лице.

— Не обойдется, Михайло. Такое зря не проходит.

— Вы не стесняйтесь, меня полным именем давно не кличут. Мих и есть Мих. А по поводу расстроенности, я вам так скажу: у Бога на каждого свой план есть.

— И на тебя тоже?

— Конечно, Ваше благородие.

— И какой?

— А вот про то я пока не знаю. Я ж человек, то есть орчук, темный. Бог даст, пойму со временем.

Они помолчали совсем недолгое время, меряя шагами мостовую: орчук неторопливо и размашисто, точно шел по удобному и веселому для себя делу, а Меркулов собранно и пружинисто, как заводная гоблинарская кукла.

— Так ты, Мих, значит, православный? — Спросил в скорости Витольд Львович.

— Знамо дело, Ваше благородие. Как и папенька был.

— Так у тебя отец... — Меркулов слегка поколебался, но все же закончил, — человек?

— Истинно так, — кивнул орчук, ничуть на вопрос и паузу не обидевшийся. — Папенька мать очень любил, первые года, когда я махонький был, даже по Орколии вместе с кочевниками скитались.

— А что потом?

— Расстались они. Я с папенькой уехал, ведь не чистокровный орк. А у их женщин главное что — чтобы сын сильным воином был, а я эвона какой хлюпик. Мать замуж второй раз вышла, за орка, знамо дело...

Меркулов с сомнением оглядел мускулистые руки, которые под свободной рубахой ходили буграми. Таких даже у цирковых борцов не встретишь, орчья кровь и есть орчья кровь. Однако заинтересовало его одно обстоятельство — про зеленокожих кочевников Мих говорил «они», соответственно, «мы» для него были люди. Прелюбопытный факт, весьма прелюбопытный.

— А занимаешься ты чем?

— Разным, Ваше благородие. Иной раз перенести что попросят, другой — в конюшне убраться. Я никакой работы не чураюсь... — Мих замолчал, но все же посчитал нужным добавить. — Вы не подумайте, я и грамоте обучен. Писать, читать, считать. Все папенька втолковал.

Меркулов не без удивления посмотрел на орчука, но ничего не ответил. Время разговоров прошло, ибо они достигли конечной цели, оказавшись в середине Столешникова переулка. Казенный четырехэтажный дом, покрашенный в самый паршивый серый цвет, какой только можно было придумать, смотрел на них своими маленькими подслеповатыми окнами. Случайные прохожие не обращали на здание ровно никакого внимания, не подозревая, какая прямо перед ним драма разыгрывается в душе молодого человека.

— Прощу-с за мной, — сказал сопровождающий.

Коридоры, сменяющие друг друга, стали мелькать в глазах с такой скоростью, с какой бегают спицы в колесе при движении коляски. Встретилось Меркулову несколько пожарных, во главе с брандмейстером, несколько самых обычных арестантов — угрюмых злых мужиков — и полицейских без числа. Они поднялись на второй этаж, где Витольд Львович лишь краем глаза заметил общую канцелярию, и взобрались еще дальше — на третий.

Путники вновь пересекли коридор, прошествовали через помещение для просителей, где сидело семь человек самой разной наружности, и оказались в приемной.

Сопровождающий доложил и поспешил удалиться с такой скоростью, будто здесь болели чумой, а об пришедших уже докладывали «самому».

— Пусть заходит! — услышал Меркулов зычный голос, от которого кровь в жилах заледенела и отказалась течь дальше.

— Ваше превосходительство, а орчук?

— В приемной обождет.

Витольд Львович выдохнул и вошел.

Обер-полицмейстер Александр Александрович Муханов был тучен ровно настолько, насколько должен быть грузен и корпулентен человек его чина. Давно известно, что худой человек, да еще, скажем, четвертого класса, вызывает искреннее недоумение. Доверия к таким, отказывающимся от прелестей и удовольствий жизни, нет никакого. Поэтому все чиновники от статских и выше да военные, с бригадира начиная, всегда отличаются сочностью и плодородием.

Лицом Александр Александрович оказался самой приятной наружности: простая сундырская, как бы сказали в народе, физиономия, пышные баки, которые он носил по старой моде, и гладко, до синевы, выбритый подбородок. Только взгляд очень уж грозный, заранее карающий и никаких оправданий слышать не желающий.

Меркулов с замиранием сердца обратил внимание на «Моршанские ведомости», раскрытые на четвертой странице. Хотя заголовок и был перевернут, но он смог разобрать выделенное жирным слово «Дуэль». Это что же такого важного должно было произойти, чтобы поединок до Поглощения отодвинули так далеко?

— Явился, голубчик, — вместо приветствия бросил Муханов, облокотившись кулаками о стол.

Его черный мундир при этом незамысловатом движении напрягся и даже попытался затрещать, но все же ему удалось удержать внушительное тело внутри себя. Меркулов заворожено поглядел на погоны из серебряного галуна с оранжевым просмотром и кивнул.

— Говорили мне, говорили, что от Меркуловых добра не жди. Ко мне же перед приездом вашим из шестого отделения приходили. Предупреждали. А я, доверчивая душа... — Муханов махнул рукой, словно они договорились о чем-то прежде с Витольдом Львовичем, и тот его значительно подвел. Обер-полицмейстер достал папку из стола, развязал тесемки, раскрыл ее и сел. — Меркулов Витольд Львович, двадцати шести лет от роду. В возрасте восьми лет выслан вместе с отцом из столицы за измену последнего. Год назад волею Его Императорского Величества помилован. Три месяца назад вернулся в Моршан.

Муханов листал мелко и убористо исписанные страницы, не читая, а пересказывая содержимое Меркулову. Обер-полицмейстер не сводил внимательного взгляда с молодого человека, явно ожидая увидеть его реакцию на произносимое, но Витольд Львович еще минуту назад посерел и более в лице не менялся.

— Плохо начинаете. Очень плохо. Государь Император вас простил за грехи батюшки, в Моршан позволил вернуться, статский чин вам дарствовал, причем не последний. А вы, господин коллежский секретарь, эдакую свинью подложили. Вы хоть знаете, кого вы в Острожевском тупике проткнули?

— Дашкова Михаила Николаевича, Ваше превосходительство, — дрожащим голосом отвечал Меркулов.

— А кто был Дашков Михаил Николаевич? Ну полно, полно, не был, а есть. Жив он

утром справлялся. Укол серьезный, но выкарабкается. Вот только тут главная незадача... Михаил Николаевич был у меня приставом следственных дел по особым поручениям. Его, может, Бог в темечко не поцеловал, но человеком он являлся исполнительным. Опять же, дворянского рода, который к Ковчегу восходит. Соответственно, с особенностями. А вы, голубчик, раз — и дуэль на Поглощение.

Обер-полицмейстер пожевал свои толстые губы и изучающе смотрел на собеседника. Но Меркулов молчал, а лицо его выражало самый виноватый вид, на какой только могло быть способно.

— И что, молодой человек, сработало?

— Что сработало, Ваше превосходительство?

— Ну... Поглощение.

Вместо ответа Витольд Львович выставил руку перед собой, нервно сглотнул подкативший к горлу ком и внимательно посмотрел на конечность. Вена на его виске вспухла, а по носу потекла капля пота. Но влияние свое действие возымело. Сначала пальцы, потом уже и сама рука вместе с мундиром растаяли в воздухе.

— Ох, святые угодники, — заключил Муханов.

Подождал, пока рука появится снова, достал платок с вензелями и оттер шею.

— Я сам из простой дворянской семьи. Из молодой совсем. Дослужился вон оно, до генерал-майора, но к магии до сих пор настороженно отношусь. У меня под началом из истинных семей-то и людей немного, которые ну это... — он сделал несколько пассов в воздухе. — Гоблинаруцы вон, вовсе без магии обходятся, и ничего: паровозы строят, каких в Славии и не видали, пароходы. Ну да ладно...

Лирическое настроение Муханова прошло так же быстро, как исчезла и появилась рука молодого человека. Он прочистил горло, побарабанил пальцами по газете и посмотрел в окно.

— Мне нужен такой человек... По особым поручениям, каков был Дашков. С определенными способностями, — сказал он будто бы сам себе. — Правда, он по чину выше был, но это ничего, до титулярного советника вытяну... Отчитываться ни перед кем не будете, только передо мной. С жалованием не обижу.

Он резко повернул голову и посмотрел на Меркулова.

— Ну что скажете, Витольд Львович?

— Простите, я, право, не понимаю...

— Мне нужен пристав следственных дел по особым поручениям... Для особо щекотливых ситуаций. Судя по всему, — он хлопнул ладонью по раскрытой папке, — человек вы неглупый, сметливый. С вашей биографией выше титулярного на обычной службе подняться будет трудно. У меня можно и до надворного советника вырасти, дворянство вернуть.

— Я не к этому... Я просто слегка растерян.

— Ну так это пустое. Не время уши развешивать, когда беспокойно вокруг. Так это «да»?

— Да, Ваше превосходительство.

— Ну и славно. Кабинет тебе подготовят, хотя, между нами, работа не сидячая, свою хм... новую магию частенько придется применять. Смекаешь, о чем я, Витольд Львович? Я, с твоего позволения, на ты, коли уж ты теперь у меня в подчинении.

Меркулов кивнул, отвечая на вопрос и одновременно соглашаясь с новыми правилами

игры. Ему хотелось сорваться с места и бегом пуститься на улицу, радостно крича и обнимая прохожих. Наказание, которого он так боялся, обернулось карьерным взлетом. И пусть прочие дворяне гнушались работы в полицмейстерстве (оставалось загадкой, по какой причине сюда прибился Михаил Николаевич, поверженный на дуэли), Витольд Львович подобному обстоятельству исключительно обрадовался. Служить Государю Императору, развеять дурную славу о фамилии, делать Моршан и всю Слaviю чище, расправляясь с преступниками. Что может быть лучше?

— Ваше превосходительство, а что с Михом?

— С кем? — Искренно удивился Муханов.

— Михайло Бурдюков, орчук.

— А... — брови обер-полицмейстера сдвинулись. — По-хорошему, его в острог, чтобы не болтал чего лишнего, так не за что. Вышлю, думаю, из Моршана. Да, вышлю, — кивнул он сам себе.

— Ваше превосходительство, столько хлопот будет. И ему, и вам.

— Не понимаю, куда клонишь, Витольд Львович, но ты ежели чего предложить хочешь, то предлагай. Я к инициативам всяким отношусь с интересом. Порой бывает, действительно что дельное предлагают.

— Ваше превосходительство, вы поправьте меня, если ошибаюсь. Но титулярному советнику по должности требуется подчиненный. Для разных нужд.

— Ну за этим не беспокойтесь, письмоводителя я тебе выделю.

— Так и не нужно. Мих грамоте обучен, писать умеет. Слишком много беспокойства будет, если его отсылать. А так и при деле, и под присмотром.

— Орчук в полицмейстерстве? — Изумился Муханов. Поднял голову на портрет Государя Императора, а потом громко расхохотался. — А ведь это будет презабавно. Орчук и сын ссыльного. Уж прости, Витольд Львович, но весьма презабавно. Будь по-твоему. Станет Мих ярыжкой при тебе, точнее уж коллежским регистратором, — новая идея поистине веселила обер-полицмейстера. — Как его там?

— Михайло Бурдюков.

Муханов заскрипел пером, что-то себе записывая.

— Ну а теперь надобно о делах поговорить. Есть одно щекотливое поручение. Не сказать чтобы государственной важности, но и так его оставлять нельзя. Слушай, Витольд Львович. Ты, верно, знаешь, что аховмедцы с дрежинцами, а через них и с нами, объявили перемерие. Делегации прибыли с первыми лицами... Ну и такой карамболь произошел. По пьяной лавочке одного из аховмедцев зарезали. Хорошо хоть прислужника какого-то, а не принца, но и то легче не становится. Надобно разобраться со всем, очень как бы это...

— Тактично, — подсказал Меркулов.

— Вот именно, Витольд Львович, тактично. Я уж сомневаюсь, что там что-то серьезное. Поди, мужик какой дворовой увидел козлоногова и прирезал. Но ты разберись. И магии не гнушайся, пользуйся. Твоего предшественника она часто выручала. Самому этим заниматься несподручно, да и некогда, тут вишь что.

Он сложил газету и хлопнул ладонью по главной странице.

— А где расположилась аховмедская делегация? — Тщетно пытался разглядеть первую полосу вверх ногами Меркулов.

— Так где же им быть. В Захожей слободе. Адрес Константин Никифорович выдаст.

— Тогда разрешите откланяться, Ваше превосходительство?

— Экая вы, молодежь, быстрая пошла. Это что ж, Витольд Львович, вы изволите к первым лицам аховмедского королевства в таком виде явиться?

Обер-полицмейстер придирчиво оглядел потертости на мундире своего подчиненного и покачал головой, явно неодобряя общую заскорузлость одежды. Меркулов в этот самый момент было готов провалиться сквозь землю, напрямик до первого этажа, где аккурат в этом самом месте находилась арестанская.

— Ты, Витольд Львович, давай горячку не пори. Съезди к нашему портному. Обшлагов из золотой нити и узорные воротники не гарантирую, но на человека станешь похож. И это... Константин Никифорович!

Дверь открылась, будто покорнейший помощник только и ждал окрика своего начальника, и на пороге появилась высоченная фигура третьего полицмейстера города. Еще недавно Константин Никифорович был рядовым исправником в обычном захолустье, но лично Александр Александрович, будучи проездом, его заметил да и перевел в столицу. Положительных качеств у полицмейстера была масса. Самое главное, помимо исполнительности и почти собачьей преданности, Константин Никифорович не пил.

— Голубчик, приказ надобно составить на титулярного советника Меркулова Витольда Львовича. Назначением в приставы следственных дел по особым поручениям... как там дальше?

— Сысского управления при Моршанском обер-полицмейстерстве, — подсказал полицмейстер.

— Именно. Хотя не приставом, а исполняющим обязанности пристава. Все-таки, надобен хоть какой-то испытательный срок, — постучал Муханов по газете пальцем. — И орчука его...

— Михайло Бурдюкова, — настала пора подсказывать и Меркулову.

— Именно, — вновь согласился обер-полицмейстер, — его личным помощником по четырнадцатому чину. И проследи, чтобы и на Витольда Львовича и на Михайла этого одежду хорошую справили. Чтобы понятно было к какому они ведомству приставлены.

— Будет исполнено, Ваше превосходительство.

— Вот и ладно. А ты, Витольд Львович, что узнаешь, сразу ко мне. И привыкай, у тебя должность особенная, могу и среди ночи с мягких перин выдернуть.

— Не приучен к мягким перинам, Ваше превосходительство, — повеселел к концу разговора Меркулов. Он тут же спохватился, взял себя в руки и закончил, — чуть что, прибуду в самый краткий срок.

— Ну вот, вроде, и договорились. Еще одно, Витольд Львович, ты хоть и у меня в подчинении, однако ж полную защиту я тебе дать не могу. А у тебя теперь недоброхотов вдоволь будет. Семья Дашковых достаточно влиятельна, любому кровь попортить смогут. Поэтому старайся лишний раз особо не выпячиваться. Понимаешь, о чем я?

Меркулов торопливо кивнул.

— Ну вот и ладно. Константин Никифорович, проводи молодого человека, а потом возвращайся. Еще об ограблении потолковать надо.

Полицмейстер кивнул и отошел от двери, приглашая Меркулова пройти вперед. Витольд Львович, довольный как дворник, получивший на чай полугривенник, вместо вполне справедливого наказания обретший неожиданный презент, шагнул вперед, в новую жизнь.

Глава 3, где Мих едет в Захожую слободу и видит много диковинного люду

Мих повернулся на пятках, пузо втянул и опять не смог скрыть своей радостной улыбки. Вот ведь как бывает: вчера был он Мих — орчук с Никольской, а теперь вон оно что — Ваше благородие, Михайло Терентьич. Скажешь кому — не поверят, однако ж правда. И мундир ему выдали, подумать только, самый настоящий мундир! Даром что ношенный, с какого большого и обрюзглого человека — на животе мешком висит, даже ремень не особо помогает, в плечах узок до неприличия, руку повернуть тесно, да все ж мундир. Обуви, правда, не нашлось, сказал портной, что такого размера у них сроду ни сапогов, ни шпиблетов не было. А Витольд Львович, широкая душа, из выделенного ему полицмейстером авансу заказал. Не иначе как на следующей неделе обзаведется Мих и обувкой. Эх, подумать только.

Сначала все опасался. Думал, насмежаются над ним господа, юродствуют. В своей жизни орчук ко многому привык, потому и не злобствовал особо. Это у людей особенность такая — очень они не любят тех, кто непохож на них. Что славийцы и дреженцы православные, что католической ветви транкльванийцы. Да и как тут поверишь, что всерьез говорят? Коллежский регистратор хоть и самая что ни на есть низкая ступенька, однако ж классный чин. На него первого встречного-поперечного не берут. Нужно заведение учебное заканчивать или, на худой конец, экзамен в программе уездного училища сдавать. А Миху раз — и без всяких предисловий взяли. А это, на минуточку, первый орчук на государственной службе.

— Михайло, ну будет любоваться, — окрикнул его Меркулов.

Орчук нехотя отвел взгляд от залитой солнцем стеклянной витрины с надписью «Императист. Товарищество А. Ралле и КО» и обернулся на новоиспеченного титулярного советника. Витольд Львович тоже преобразился. Только в отличие от Миху двубортный мундир сидел на господине как влитой, будто и дожидался все это время достойного хозяина. Не портила Меркулова даже легкая сутулость, скорее придавая последнему некую загадочность. Мих упрашивал Его благородие купить трость, с какой господа устраивали променады по вечерним улицам Моршана, или пенсне для пущей убедительности, на что титулярный советник отвечал только одно слово: «Лишнее».

Витольд Львович тем временем уже договорился с извозчиком. Тот несколько недовольно поглядывал на Миху, явно раздумывая о тяжести последнего и надежности рессор своей пролетки, но отказать уже не мог. Новая одежда и чин придали Меркулову ту твердость, которая находится аккурат между самоуверенностью и чиновничьей наглостью.

— Мих, ехать надо, — сурово повторил Витольд Львович, хлопнув себя по бедру свернутой газетой.

Орчук заторопился. Подбежал к экипажу, рьяно взобрался и уселся аж на полтора места. Меркулов чуть подвинулся, благо комплекции он был невнушительной, и раскрыл газету. Извозчик чересчур ретиво хлестнул лошадей, сам на себя раздосадованный за неприятных попутчиков, от которых не смог отказаться, и покатил вперед.

— Эх, день-то чудесный какой, — не мог сдержаться Мих. Даже тесный на груди мундир не удерживал распирающего изнутри чувства.

Витольд Львович глянул на него поверх газеты, призадумался, пожал плечами и вернулся к чтению. Мих покряхтел, посмотрел какое-то время на проносившиеся мимо улицы, а потом искоса стал поглядывать, чем так заинтересовался Его благородие.

«Преступление века! Ограблен Первый императорский музей».

Мих так удивился и вместе тем заинтересовался этим событием, что против своей воли придвинулся к Витольду Львовичу, чуть ли не выталкивая его из пролетки.

— Михайло! — Недовольно встрепенулся Меркулов, ухватываясь в последний момент за орчука.

— Прошу прощения, Ваше благородие. Эк я неловок сегодня.

— Ничего, — сложил газету пополам титулярный советник, — и вообще давай уже на ты. Можешь называть меня просто по имени, Витольд.

— Как так можно, Ваше благородие?

— Вот заладил, Ваше благородие, Ваше благородие. Ты пойми, для работы так неудобно.

— И пуцай неудобно. Просто странно будет, ежели орчук будет девятому классу тыкать. Не поймут люди. Ежели вам удобно, могу звать господин, вроде как я же к вам лично приставлен.

— Ну хоть так, — согласился Меркулов.

— Ваше бла... господин, а что там про ограбление?

— Ничего особенного, — ответил Витольд Львович, но его задумчивый взгляд говорил ровно об обратном.

Мих попытаться не стал: не хочет говорить, так зачем клещами из него тянуть. Надумает, так скажет. Но все же газетку решил попозже достать и прочитать. Он же теперь по полицейскому ведомству проходит, надо соответствовать.

Пролетка меж тем вкатилась в Захожую слободу и, кряхтя и скрипя, пошла вдоль по набережной. Улицы здесь Мих плохо знал, ибо бывал здесь редко по причине засилия орков. Да и не сказать чтобы сородичей набивалось битком. Однако тут и одного бы хватило. Не любили орки полукровок, а уж если ты христианскую веру принял, да от Орды отрекся...

Вот и теперь смотрел Мих опасливо на редкие широкие юрты, стоявшие обособленно, вдруг кто полог откинёт да выйдет. Зыркнет злобно, щелкнет ногтем по клыку (это, значит, кочевники так презрение свое выказывали), да рыкнет. Всю веселость и воодушевленность точно ветром сдуло. Но обошлось. Не выбрался никто наружу, не обронил бранного слова, не заметил путников.

А когда в Толмачевский переулок свернули, орчук и вовсе выдохнул. Тут пошли уже дома: эльфийские, найские, катайские, аховмедские, генерийские, транкльванийские и прочие. Дреженцы, как православные и народ близкий к славийцам, по правам ограничены не были и могли селиться, где захотят.

— Как гоблинарцев много, — тихо заметил Мих.

И то было правдой. Невысокие, самый большой доставал до плеч обычному человеку, тоже зеленые, но не болотного цвета, как орки, а скорее изумрудные, с большими носами и здоровенными ушами. Свой самый главный недостаток — неспособность и невозможность использовать магию, гоблинарцы компенсировали удивительной изобретательностью. Один взрывчатку придумал чудовищной силы. Главное, шнур запалить да укрыться — такой тарарам будет. Другой вообразил молоко кипятить, после чего оно портилось дольше (а ведь и вправду дольше — Мих об прочитанном бабке Клавдии рассказал, охотницы до всякого

веселья, она и прокипятила. Вкус стал дрянной, орчуку не понравилось, но с чаем ежели пить или кашу варить — ничего). Третий выдумал, что и орки, и гоблинаруцы, и люди произошли от одного предка — дикого существа. И в процессе «эволюции» (Мих слово на удивление легко запомнил, от «эвона, люди, что делается») каждый стал похож на себя и каждый отличия заимел. Но вместе с тем, все мы часть единого целого, от того и полукровки существуют. Церковь, знамо дело, объявила гоблинаруца еретиком, а Мих для себя заключил, что жителей туманного острова хлебом не корми, дай какую-нибудь выдумку сделать.

— Много, — согласился Витольд Львович. — Недавнее окончание войны дает большой простор для торговли, а жители Велигоблинаруии не только хорошие инженеры, но и неплохие купцы. До эльфов им, конечно, далеко, но все же...

— Эльфийцам да, палец в рот не клади, дьявольское отродье, — подтвердил орчук. — Главное, как что получается, ума не приложу.

— Психология, — важно проговорил Витольд Львович.

— Это еще что за зверь? — Удивился Мих.

— Наука такая, эльфийцами придуманная. Вот смотри, у них же много лавок в Моршане, и ты всяко к ним заходил?

— Заходил, — опустил голову орчук, явно переживая не самые лучшие воспоминания.

— И что они делают сразу?

— Голову морочат. «Посмотри, какой сильный, какой большой. Такой большой нужен самый лучший плащ», — передразнил эльфийца Мих.

— Правильно. Они делают сначала комплимент, тем самым снижая уровень твоего критического мышления, — поднял палец Меркулов. — Дальше...

— Плащ этот чертов в руки всучил.

— Именно, — загнул второй палец титулярный советник, — теперь ты почувствовал себя хозяином вещи. И наконец...

— Второй выбежал, стал первого ругать. Мол, этот плащ отложил себе такой-то господин, нельзя его продавать.

— И теперь ты боишься потерять вещь, — загнул третий палец Витольд Львович. — Каков итог?

— Купил я этот треклятый плащ. Дрянь, а не материал. И нужен он мне был как собаке пятая нога. Продал потом совсем за копейки.

— Да, эльфийцы — торговцы от бога, — согласился Меркулов.

Они как раз проезжали мимо одного типичного представителя этого ленивого, но очень гордого и обидчивого народа. Толстый, как приземистая трактирная бочка, эльфиец сидел вразвалку на большущем мешке, раскинув в разные стороны ноги и почесывая короткое заостренное ухо. Его большие васильковые глаза говорили о честной и чистой душе, а колючая щетина и по-бандитски засунутая меж зубов спичка убеждали в обратном.

Прошло несколько транкльванийцев, высоких, худых. Внешне от славийцев не отличишь, разве что волос более темный, да сами они все прямые, от осанки до носов и скул. Воевать с ними толком давно уже не воевали, а кабы не католичество, так и вовсе вместе с православными против кого-нибудь замирились. Следом пара генерийцев прошла. По Миху, так люди как люди, только в одеждах пестрых. Подобные в Моршане на рынках часто встречаются, очень любят мальчонки их обирать.

Вот катайцы сидят полукругом. Шаровары такие широкие, что в каждую штанину можно по выводу взрослых кур спрятать. Лицом смуглы и загорелы, глаза хищны, у каждого

на боку ятаган. Слышал о них орчук, этих кто обидит — нарочно или по недоразумению, все равно головы не сносить. Сначала клинком машут, потом разбираются. И казнили бесчинцев за смертоубийства, и ссылали, только проку мало. Кровь у них горячая, что катайцев, что найцев (признаться, Мих в этих «халифатах»-«каганатах» не шибко разобрался, да и загорелых друг от друга не отличал).

Орчук иной раз все силится считать, чьих народов больше: человеческих или прочих. И каждый раз выходило по-разному. Помимо Дрежени и Транкльвани на западе, до гоблинарцев, было несколько мелких людских государств. Это ниже, к югу, уже аховмедцы, эльфийцы (или эльфарицы, как они требовали себя называть), за ними далеко за морем Найский халифат, тоже люди, к востоку катанайцы, за ними орки, а после — великая пустыня Нииба. Вот, вроде бы, и все. На первый взгляд выходило, что человеческого рода вроде бы больше. Но потом шел пересчет за тех, кто земель своих лишился и теперь жил, к примеру, у тех же козлоногих. Говорят, там тоже существ презабавных достаточно. Или взять диковинный народ Айта, полуптиц-полулюдей, которые, по слухам, живут далеко-далеко за пустыней на множестве островов и другие народы не жалуют. Редко когда к ним торговый корабль заплывет, но от них — ни-ни.

Вот и получалось — половина на половину. Ежели по численности смотреть, то людей, конечно, больше. Нет, козлоногие и орки тоже довольно плодовитые, семьи у них большие, но вот эльфийцы, к примеру, вовсе вырождаются. Все меньше и меньше их. У гоблинарцев легче, там даже полукровки более на них похожи, нежели на людей. Кстати, а если смешанных кровей всех учитывать, то их куда относить?

Додумать Мих не успел. Качнулась пролетка и замерла подле трехэтажного дома, единственного на здешней улице.

— Только лишний раз не дергайся, пока стражников проходить будем, — шепнул ему Витольд Львович, подходя к двери.

Мих хотел было спросить, каких-таких стражников, но господин уже ударил костяшк пальцев в дверь, и та почти тут же открылась. На его хозяина гневно зыркнул человек, который вдруг стал выше. То бишь, вот был обычного росту — не более девяти вершков, а тут в какое-то мгновение раз — выше пятнадцати вымахал. Орчук ниже посмотрел и ахнул. Не было у привратника ног, как есть не было, ниже тулова начинался толстый и длинный, свернутый в два кольца, змеиный хвост.

— Витольд Львович из полицмейстерства к Его Высочеству Бруу То Вайлу.

Змеехвостец что-то сказал, не оборачиваясь, на диковинном языке, и внутри что-то зашуршало. Стало ясно, не один он тут такой. Мих тем временем внимательнее разглядывал незнакомца. Сроду таких не видывал. Сверху чин чинарем, одет как подобает, даже на славийский манер, на поясе меч с пистолем висят, а вот ниже... Страсти какие. Если не видеть хвоста, то обычный человек. Хотя нет, глаза тоже странные, зрачок в них вытянутый, змеиный.

Позади стражника послышался голос, и привратник отошел, точнее уж одним движением отполз в сторону. Витольд Львович зашел внутрь, Мих за ним. Шагнул и замер от такого великолепия. Под ногами куда не ступи ковры, на столах подносы золотые, сама мебель резная да гнутая. И посреди всего этого великолепия орчук.

Второй змеехвостец повел их наверх, на второй этаж. По коридору, мимо нескольких комнат, пока не оказались они в крохотной зале.

— Здравствуйте, признаться, мы вас очень давно ждем! — раздраженно бросил

козлоногий, сидящий в большом кресле в центре.

Собственно, ничего такого, обычный аховмедец — крупный, чуть больше обычного человека, но меньше орка, лицо человеческое, разве что вытянуто немного. Ноги ниже колен чуть отходят назад и превращаются в волосатые козлиные, с копытами на концах. Единственное отличие от остальных представителей своего рода — на голове у него были крупные резные рога. Что-то значит? Высокородный перед ними. Это их, бедолаг, заставляют накладные рога носить, будто раньше у всех аховмедцев такие росли.

Рядом с Его Высочеством стояло еще несколько козлоногих и змеехвостец. Они, как и Бруу То Вайл, с интересом смотрели на прибывших.

— Прошу прощения, Ваше Высочество. Мы прибыли сразу, как только смогли, — сначала поклонился Меркулов, а потом отвечивал.

Орчук, ранее не бывавший при высоком обществе, попросту решил повторять за господином, чай спина не переломится.

— Мы требуем, чтобы вы в скорейшее же время нашли убийцу Рее Ол Дейна!

— Конечно, Ваше Высочество. Мы предпримем все возможное. Скажите, пожалуйста, как это произошло?

— Рее Ол Дейн возвращался из города, — раздраженно ответил козлоногий, — по своему делу. И уже в Захожей слободе, в квартале отсюда, его прирезали. Как паршивую собаку!

— По своему делу? — Удивился Витольд Львович.

— Рее Ол Дейн прислужник, но не слуга. Он вольный. Слуга вот этот, — аховмедец ткнул пальцем в змеехвостца.

— Кто обнаружил Рее Ол Дейна?

— Маар То Кин, — указал Его Высочество на старика-аховмедца, стоявшего рядом, и тот вышел вперед.

— Расскажите, пожалуйста, что видели, — попросил Витольд Львович.

Мишу показалось, что высокородный козлоногий нервно застучал копытом об пол. Но старик, вроде, не обратил на это обстоятельство ни малейшего внимания и стал рассказывать.

— Уже почти смеркалось. Я возвращался по мелкому поручению господина, — копыто при этих словах буквально застрекотало. Маар То Кин сделал паузу и продолжил. — И тогда увидел несчастного Рее Ол Дейна. Он уже был мертв.

— И никаких свидетелей?

— Ни одного живого существа.

— Может, вы что-то заметили?

— Заметил, мертвого Рее Ол Дейна, — огрызнулся старик.

— Тело Рее Ол Дейна сейчас...

— В вашем городском морге, — презрительно бросил Бруу То Вайл. — Ваше ведомство прислало какое-то предписание о «судебном осмотре и вскрытия тела в случае совершения злодеяния». Нам надо завтра сжечь его тело и отослать прах на родину. Я прибыл сюда от лица Его Величества обсудить вопросы мира, а моего соотечественника убивают на улицах Моршана!

— Мы обязательно найдем виновника. И я поспособствую, чтобы сегодня же вам отдали тело для «хаол ото».

Взгляд Бруу То Вайла изменился, в нем внезапно проступило уважение.

— Я буду вам очень признателен, — тон аховмедца потеплел. — Прошу прощения, я не запомнил, как вас зовут.

— Меркулов Витольд Львович.

— Вы мне нравитесь, Витольд Львович. Прошу вас, найдите преступника и пусть его смерть будет долгой и мучительной.

— Я приложу все силы, — поклонился Меркулов.

Мих повторил движения господина, а пока нагибался, думал: «это к чему хозяин все силы приложит: чтобы найти душегубца или убить его наиболее мучительно?».

Уже оказавшись в послушно ожидавшей снаружи пролетке, орчук отер лоб и почувствовал, как взмокла спина. Не его это дело вести переговоры, хоть и молчал, а вон как утомился.

— Любезнейший, в городской морг.

Извозчик выпучил глаза, но ума промолчать хватило.

— Что, Михайло, думаешь? — когда пролетка побежала по мостовой, спросил Меркулов.

— А что тут думать, — деланно беззаботно отвечал орчук, хотя в голове у него все закипело. Как же, его сам господин спрашивает, — не говорят всей правды. У этого старика, как бишь его... Макар...

— Маар То Кин, — подсказал титулярный советник.

— У него глаза бегали. И рожу он два раза тер, верный признак.

— Так ты у нас физиогномист? — Удивился Меркулов.

— Вы, господин, если обижать хотите, обижайте, я привычный, — потупился Мих. — Только просьба одна, на людях не поносите.

Витольд Львович рассмеялся, наверное, впервые за все время их знакомства. Ладно смеялся, по-мальчишески, закидывая голову и хлопая себя по колену. Вроде как ни старался быть холодным и сдержанным, а жизненный ключ все равно бил изнутри.

— Физиогномика — наука чтения человека по лицу. То есть, посмотрел и сразу понимаешь, каков перед тобой собеседник, добр ли, зол, болен-здоров.

— Экие вы все слова придумываете заковыристые, — изумился большому уму господина Мих.

— А в общем ты прав. Маар То Кин волновался. Но говорил правду. Только ту, которую ему разрешил поведать Бруу То Вайл.

— Как же он говорил, ежели молчал?

— У аховмедцев, помимо своего языка, есть диковинный метод общения, придуманный чуть меньше ста лет назад неким Морз Эс Эмом. Это своего рода способ кодирования. Ну, то есть... — Меркулов увидел озабоченное лицо Муха и задумался, — смотри.

Он четыре раза постучал костяшкой пальца о деревянный обод сидения, причем после второго удара сделал небольшую паузу.

— Это на морзянке буква Л. А из букв можно складывать слова и общаться друг с другом. Выглядит лишь трудно, на деле ничего особенного. Один из гоблинарцев недавно и вовсе придумал передавать подобным образом сообщения по проводам.

— Чего только в мире не делается, — пошла у орчука от обилия сведений кругом голова.

— Другие пробовали передавать сигналы подобным образом с помощью света... — Витольд Львович вдруг запнулся, поняв, что его занесло куда-то не туда. — Так вот, Его

Высочество сказал Маар То Кину, чтобы он не говорил о положении убитого. О каком положении, спрашивается?

— А спрашивал этой перестукивалкой на каком языке? — Поинтересовался Мих.

— На аховмедском. Я умею на нем бегло разговаривать, знаю несколько их обычаев, отец научил, — сразу пресек дальнейшие расспросы Меркулов. — Еще вопрос: Толмачевский переулочек, один из самых проходных, после смерти аховмедца вдруг пустеет. Это на закате! А ведь Захожая слобода...

— Стоит до утра, — закончил известную в народе присказку орчук.

— Именно. Знают, кто это сделал, точно знают, но очень боятся. Ладно, с этим мы еще разберемся. Есть у меня пара идей. Вот только посмотрим, что там с Рее Ол Дейном. Человеческое тело, то есть, тело всякого существа, даже после смерти может многое о себе рассказать. Или ты противишься мертвым?

— Да бог с вами, господин, чего их противиться? Покойники самые незлобивые существа, что аховмедец, что человек. Другое дело живые. Вот кого опасайся. Я к другому. Покушать бы чего, господин. Вы не думайте, мне Его высокоблагородие Константин Никифорович авансу дал, я заплачу.

— Да, признаться, несколько забыл о еде, — смутился Витольд Львович.

— Вы, господин, не обижайтесь, я орчук простой, но вам бы с едой как раз дружить надобно. Любую пищу, что пожирнее, понаваристее, похлебки разномастные, каши явствовать. Мясо, опять же, но не жареное на катыйский манер, когда весь сок из него выходит, а в супе, чтобы с бульоном. Можно картошку попросту отварить, натереть чесноком да зеленью посыпать...

— Понял, понял, — нетерпеливо отмахнулся Витольд Львович, раззадоренный рассказами орчука, вследствие чего у Его благородия призывно заурчала утроба. И правду ведь, почти ничего не ел сегодня. — Но сначала в морг, а то чего доброго замутит еще.

— Вы зря это, господин, я не впечатлительный. Бывало и в мертвецких подрабатывал: мыл, убирал...

Они выкатились из Захожей слободы, пересекли Яулу, с ее вечно темными и дурно пахнущими водами, и оказались обратно среди людей. Ровным счетом ничего не изменилось, скорее уж тебя здесь могли приголубить сталью чаще или на худой конец попросту утянуть что из кармана, однако ж извозчик заметно успокоился. И сам орчук чувствовал себя «там» в стесненном расположении духа. Попривык он к людям, а те, хотя зачастую и шарахались его, но виде, что Мих смиренный да не буйный, постепенно привыкали.

— Ваше благо... господин, у меня к вам вопрос один.

— Говори, — кивнул Меркулов.

— Уж больно интересно, — признался Мих. — Я об магии слышал, конечно. У орков она шаманская, у катыйцев с джиннами связана, я аховмедцев с кровью. А вот о людской...

— Что ж, — Витольд Львович нахмурился, раздумывая с чего начать. — Про Ковчег ты уж слышал поди?

Мих согласно кивнул. Кто ж про Ковчег не слышал? Надобно либо дремучим совсем быть, либо человеком, к этому миру вовсе не привязанному.

— Так вот, дворянские семьи, вместе с Его Величеством Иоанном Васильевичем, с Ковчегом связанные, получили от него силу. Магию то есть. У всех она различная, разной полезности и важности. Кто-то после этого стал известен, как, например, Аристовы,

Телепневы, Лазаревы или Волжины. Другие, напротив, ушли в тень, хотя силы своей не потеряли. Третьи — слишком расплодились и практически исчерпали магию. Ты ведь знаешь, чем больше отпрысков в дворянской семье, тем слабее способность.

Мих о том не ведал, куда уж ему, орчуку, до таких таинств, но на всякий случай кивнул.

— Наша фамилия тоже из древних, — голос Меркулова при этом стал безрадостным, — но мы долгое время старались не участвовать в политических кознях, не пытались залезть наверх, поближе к Кремлю, но все равно попали под жернова заговора...

Витольд Львович замолчал и посмотрел на выступавшую из-за домов башню Моршанского детинца, обители славийских царей, а уже позже императоров. Мих проследил за его взглядом и чуть не перекрестился. Очень уж он этого Кремля боялся, да и на Пальной площади, не только для славийцев открытой, но и для всего иноземного люда, был всего один раз. И ладно бы причина какая была, но вот сидело внутри него что-то, то звериное чувство тревоги от кочевников по крови переданное.

— После Отречения от магии отца, вся его сила распределилась между остальными Меркуловыми. Нас вообще никогда много не было...

— Я слышал, господин, в полицмейстерстве болтали, будто его сослали.

— Сослали, после Отречения. Магию можно добровольно передать, как было на дуэли, даже продать или отречься от нее, — совсем грустно ответил Витольд Львович. Даже Мих теперь видел, что разговоры про родителя доставляют ему большое душевное беспокойство, но сам не знал, как повернуть разговор вспять. — Если уж говорить о моей магии, о магии семьи Меркуловых...

Он достал монету и молча протянул ее Миху. Орчук, недоумевая, аккуратно подобрал ее двумя пальцами и положил на здоровенную ладонь.

— Подбрось и поймай, — предложил Витольд Львович.

Орчук послушно подкинул мелкую деньгу, расставил пальцы, не сводя глаз с монеты, раз и хлопнул ее в кулаке. Прислушался к ощущениям и понял, что ничего не холодит кожу.

— Держи, — протянул Меркулов, протягивая ему копейку. — Я с детства очень быстро бегал, обладал отличной реакцией. А с четырнадцати лет, когда семейная магия стала проявляться, понял, что намного быстрее любого человека.

— Так вот вы как на дуэли того высокоблагородие одолели, — смекнул Мих.

— Невидимость хорошая способность, но он не стал бестелесным. На моем уровне восприятия биться с ним было нетрудно.

Мих от множества умных слов смешался, но общий смысл понял. Его благородие на любой удар может прежде ответить, потому что особой магией обладает. Другой на его месте майданщиком карточным стал в любом кабаке при подобной ловкости или бретером на худой конец. Слышал орчук, что есть особые люди, которым огромные деньги платят, лишь бы они на дуэль неудобных людей вызывали и убивали их. Но куда там. Витольд Львович дворянского имени, Ковчег все же. Мих тут подумал, что, может, потому только дворяне магией и обладают, что воспитаны самым замечательным образом и потому свои способности на низменные потребности не используют.

— Приехали, Ваше благородие, — повернулся извозчик.

Пролетка встала перед широким двухэтажным зданием с потертыми дверьми. Мих попытался было прочитать табличку, но Витольд Львович уже расплатился со свойственной ему быстротой, которую теперь орчук хотя бы мог объяснить.

— Ну давай, Михайло, посмотрим, что это за аховмедец такой был Рее Ол Дейн.

Извозчик натянул поводья, издал губами звук «тпру» и остановил экипаж. Хотел обернуться, но рука, облаченная в черную перчатку, прервала его, упершись в щеку.

— Ну не балуй. Предупредил же.

Голос был неприятный, низкий, совсем неподходящий облику пассажира. Точнее уж фигуре, плотно закутанной в дорожный плащ с ног до головы, которую все же удалось разглядеть при очередном лихо закрученном повороте. Росту невысокого, точно гоблинец, эльф худой (хотя такого не бывает) или карла человеческая, но в руках сила недюжанная. И ловкости был необыкновенной, так быстро в повозку вскочил да ткнул под ребра, приказал не останавливаться и следовать «за господином в пролетке».

Та, кстати, уже с минуту как остановилась. Высокий господин поговорил с извозчиком, дал ему денег и вместе с орчуком, наряженным не иначе как в мундир (для смеху что ли?), вошел в здание. Извозчик тут же почувствовал, как клинок, который он ощущал под ребрами всю дорогу, исчез.

— Ваше высокоблагородие, — перестраховался ванька, сразу повысив незнакомца аж до шестого чина. — Как и просили, впоследствии за пролеткой. Она вона что, уезжает. Вы расплатитесь и уж тоже...

Под ребра опять уперлось твердое и неприятное, заставившее извозчика замолчать.

— Жди.

И без того день был жаркий, а от постоянного напряжения рубаха на извозчике вся вымокла. Десятки дум уже перебрал, поклялся себе не стоять больше у Захожей слободы. Да, пускай иногда богатые иноземцы встречаются, которые города не знают, вози их кругами да переулками хоть до двух часов кряду, а потом ломи цену, но жизнь своя дороже. Ведь встречается и такой лихой люд, вернее нелюд.

Не разберешь его, и ведет себя странно. На лихоимца не похож, на филера тоже. Вот ведь, следуй. Конечно, извозчику тоже было интересно, что там за орчук такой, однако пассажира, по всей видимости, больше интересовал высокий господин.

— Давай к Столешникову переулку, — решил наконец незнакомец.

— Ваше высокоблагородие, переулок большой, уж скажите куда именно.

— Болтаешь много. Ты правь, я покажу куда.

Извозчик с досадой скрипнул зубами и зло хлестнул лошадь. Только начал надеяться, что сейчас вот-вот отделается от ужасного пассажира, как снова здорово. Повозка бойко набрала ход и, выскочив на Михайловскую, чуть не столкнулась с крестьянской телегой.

— Охлонись, не на пожар спешишь, — спокойным ровным тоном шепнул незнакомец.

Ваньке пришлось кивнуть и послушаться. Уж очень упорно под ребрами холодила острый предмет, не иначе синяк останется. А неназвавший свое имя знай спокойно сидит, не шелохнется. Выдержка у него, как у транкльванийца какого. Те тоже вечно холодные, смурные, ничем не возмутимые. Живут головой, а не сердцем.

— Не гони, — сказал пассажир, хотя ехали они и так не шибко скоро.

Таким макаром они протряслись еще пару домов, и только достигнув Столешникова переулку, даже не въезжая в него, остановились. Быстро и по вполне понятной команде, когда давление на спину ослабло, а шеи коснулась холодная сталь.

— О поездке нашей никому не обмолвишься. Уйду, в сапог левый заглянешь и деньги найдешь. Больше, чем следует. Вякнешь кому обо мне, найду. Веришь?

Извозчик хотел было кивнуть, но уперся подбородком в клинок. Однако незнакомец все понял.

— Ну вот и ладно.

Мгновение, и сталь исчезла. Ванька дрожащей рукой потрогал кровавую полосу на шее, и, вздрогнув, обернулся. Никого. Сунулся в сапог, сначала в правый, потом в левый и вытащил бумажную «канарейку». Это когда он рубль успел засунуть? Смял банкноту и хлестнул лошадей. Чтобы еще раз он в Захожую поехал, да не приведи Господь!

Глава 4, в которой Мих узнает об аховмедском Логофете и еще больше про Ковчег

Вспомнилась вдруг орчуку фраза, которую папенька его говаривал, поутру холодной водой обливая: "В здоровом теле здоровый дух". Так, вроде, кто-то из древних эльфицев говорил, Увенал его звали, что ли. Хотя странно, посмотришь на этих остроухих островитян и задумаешься, правда ли кто из них такое придумал? Все толсты, низкорослы, одышливы. Ни стати, ни красоты.

А поговорку Мих вспомнил не просто так, а к месту. Каков бы умен не был Витольд Львович, как бы быстр и ловок, но здоровье ему необходимо подтягивать. Во-первых, питаться правильно и часто. Во-вторых, физической активностью заниматься. В-третьих...

— Ну, господин, возьмите еще, — протянул он резко пахнущую марлю Меркулову, которую им выдал анатомический врач.

— Прошу прощения, — схватил спасительную ткань титулярный советник и судорожно вздохнул.

Дух тут и правду был тяжелый. У непривычного к таким ароматам обывателя обычно через пять минут начинало колоть в висках, через четверть часа голову протыкал железный прут и темнело в глазах. Хотя орчуку было спокойно. К мертвецам он был спокойный, да и особенной впечатлительностью не обладал. А запах? В канавах Никольской порой так смердит, что дух морга может показаться легким цветочным ароматом.

— Прошу вас, пожалуйста, продолжайте, — попросил Витольд Львович, не отнимая марли от лица.

— Так вот, удар произошел снизу вверх, — заунывно забубнил покойницкий врач, которого Меркулов обозвал странным словом "патологоанатом". — Прямо в сердце. Весьма неплохой удар, по моим предположениям, потерпевший скончался мгновенно. Собственно, наносили удар чем-то вроде шпаги, посмотрите, какое крохотное отверстие.

Витольд Львович булькнул и стал белее полотна, а вот Мих напротив, принялся с интересом разглядывать голого аховмедца. Стати тот был необыкновенной, даже будучи покойником — огромное тулово со странным рисунком на нем, крепкие руки (разве что чуть меньше, чем у самого орчука), мощные поднятые в коленях ноги, чуть уходящие назад и заканчивающиеся копытами. Портила общий вид лишь крохотная прореха на груди, уже омытая от крови.

— Что это? — указал Витольд Львович вовсе не на ранение, а на рисунки.

— Наколка нательная, — объяснил врач.

— Это ясно, — Меркулов заволновался и отдернул было руку со спасительной марлей, но тут спохватился и тут же прижал ее обратно. — Что она означает?

— Ну это, Ваше благородие, не ко мне. Я в них не специалист. Еще что?

— Да, тело необходимо доставить сегодня вечером Его Высочеству Бруу То Вайлу для соблюдения аховмедских церемониальных обычаев. Адрес я напишу.

— Сделаем. Все документы мы уже подготовили, только вас ждали, то есть человека по вашему ведомству.

— Ну и замечательно. Позвольте листок бумаги и чем-нибудь зарисовать татуировку.

Врач принес ему восковку с огрызком графитного карандаша, и Витольд Львович

быстро скопировал рисунок. Мих глянул из-за спины своего хозяина и подивился, насколько похоже вышло — черный круг, а к нему сверху присобачена перевернутая луна.

— Благодарю вас, — пожал Меркулов руку врачу. Тот в ответ кивнул, замешкался, но протянул ладонь и орчуку.

— Душно там как, — глубоко вздохнул Витольд Львович, оказавшись на улице. Он сложил лист на четыре части и убрал во внутренний карман. — Есть у меня предположение, что один человек может нам пролить свет на этот странный рисунок.

— Ваше благородие... — исподлобья посмотрел Мих.

— Мы же, вроде, договорились без всей это церемониальности.

— А еще, господин, мы договорились, что отобедаем после морга вашего.

— Ах ты, — досадливо всплеснул руками Витольд Львович, вспомнив о данном слове. — Ну пойдем. Вон, смотри, ресторация.

И правда, через улицу на них смотрели витрины "Серебряного якоря". Швейцар при входе недоуменно покосился на босые ноги Мухи, но далее оглядел орчука полностью, осмотрел его сопровождающего и открыл дверь. Из-за относительно раннего времени — до обеда было еще далеко — народу внутри почти не было. Лишь несколько богатых студентов, из тех самых повес, которые являются богатыми отпрысками, но каждый день упражняются не в получении знаний, а в спускании родительских денег.

Витольд Львович, полный тревожных дум, сел за ближайший столик, а орчук не без определенных трудностей, заключающихся в огромных размерах тела, присоединился к нему. Тут же к ним подскочил лощеный официант, с залезанными волосами и вздернутыми кверху тонкими усиками.

— Прошу-с, меню, — вручил он им по картонке и удалился, чтобы издали перешептываться с такими же холуями о странных посетителях.

Миху было хоть и неловко, но он все же постарался обособиться от направленных на него взоров и заправски, точно каждый день на протяжении последних тридцати пяти лет этим и занимался, стал читать картонку.

— Консоте из дичи

— Пирожки: диавль-пай, буше, волованы, гренки

— Филе с трюфелями

— Осетры разварные и лососина

— Зелень

— Жаркое из дичи и индейки

— Эльфарийский розбив с гарниром

— Стерляди паровые

— Фломбер ананасное с маседуаном

— Фрукты

На напитки даже смотреть не стал и без того тошно стало. Нет, конечно, подобное чтение аппетит расшевелило, орчуку даже захотелось попробовать всяких необыкновенностей, но вместе с тем родился страх опростоволоситься. К слову, из всех перечисленных пирожков он знал только гренки, то бишь попросту хлеб с яйцом обжаренные.

— Господин, — наклонился он вперед. — Вы уж заказ сделайте, а то для меня тут половина слов будто на гоблинарском написаны.

Меркулов согласно кивнул и деланно непринужденным жестом подозвал официанта.

— Любезнейший, мне и моему другу волованов четыре порции, эльфарийского розбива... три порции, стерлядей паровых по две и фломбер один. Я сладкого не приветствую, — объяснил Меркулов Миху.

— Апперетиву не желаете? — Склонился над господином официант.

— Минеральной воды, — отвечивал титулярный советник.

Официант несколько скривился, но исполнил все в лучшем виде. А всего через треть часа, когда Мих уже заметно заскучал, началось действо.

Как выяснилось, по две порции Витольд Львович брал орчуку. Лишь волованов, смешных махоньких корзинок с начинкой, удивительно нежных и тающих во рту, взял вдоволь. Хотя Мих и не заметил, как смолотил их. Но то баловство. Вот ростбиф (и с какого ляду вдруг эльфарийский), поданный с зеленью, хреном, капустой и горошком, да еще в двойном размере, уже проходил в желудке орчука по вполне серьезной статье. А за ними еще и стерлядки отправились, опять же, сложенные не раз, благодаря щедрости хозяина. Но вершиной всего обеда стал тот самый загадочный фломбер — крохотная фигурька, но вкуснящая до безобразия.

— Ну что, Михайло, наелся? — Спросил Меркулов, вытирая рот салфеткой.

— Наелся, господин, — больше всего орчуку сейчас хотелось ослабить ремень и развалиться на стуле. — Давненько так не откушивал.

— Вот и ладно. Теперь мы можем ехать в Императорский Моршанский университет?

— А на что она нам?

— Там должен быть человек, который сможет нам помочь, если, конечно, он еще преподает.

И обед, по мнению Муха, уже вполне прошел самым лучшим образом, пока Витольд Львович не стал расплачиваться. Глядя на шуршащие банкноты, к горлу орчука подступил ком, казалось, со всей той едой, которую он проглотил. Уже оказавшись на улице, потомок ордынских кочевников не стал сдерживаться и возмутился.

— Если каждый раз за обед столько отдавать, то и недели не протянешь. Вы, господин, извините, но лучше уж в трактирах, что для "чистой публики", питаться будем. Там, может быть, всяких фломберов не имеется, но хотя бы по карману все.

— Да, признаться, давно я в приличных заведениях не был, — сконфузился и Меркулов. — Но ничего, будет уроком. Я как в Моршан приехал и у Антонины Леопольдовны поселился, так у нее же и столовался.

— Выжига эта ваша Антонина Леопольдовна, — недобро хмурясь, отвечивал орчук, — поди обворовывала вас как липку?

— Почему же, пятьдесят рублей я ей за постой и еду платил, а двенадцать у меня еще оставалось.

Мих вслух ничего не сказал, но головой укоризненно покачал. О начальнике у орчука уже стало складываться свое мнение. Человек несомненно самых высоких моральных качеств, умный, вон сколько вещей про аховмедцев знает да и про другие народности, а вот по бытешкой части — ну чисто ребенок. Его любой облапошит, а Витольд Львович и слова не скажет, потому что не заметит. Вот если его чести коснется, то оно конечно...

В мрачном настроении Мих пребывал весь путь до Сокольничьей горы, где располагался Императорский Моршанский университет. Орчук тут сроду не бывал, так, шпиль на главном здании (который оказался совсем невероятных размеров) издалека видел. Публика тут всегда собиралась чинная, из благородных — и не подступишься.

Витольд Львович без стеснения зашел в главный корпус, пошушукался о чем-то своем с привратником и махнул Миху рукой. Они проследовали по пустым коридорам (студиозусы, по всей видимости, грызли тот самый клятый гранит науки) мимо закрытых лекционных, поднялись выше и остановились у одной двери. Меркулов толкнул орчука, и тот заглянул. Засунул голову внутрь и обомлел.

А как было не удивиться, когда перед тобой опять магия самая настоящая происходит. Нет, кабы Мих каждый день по одной всякой способности видел, так может бы, и по привык, но сейчас все в диковинку было.

Зал забился полным полно, яблоку негде упасть. И что удивительно, не галдят вихрастые студенты, не шумят, а сидят затаив дыхание и смотрят вперед. Там, подле сухонького старичка с белыми космами по бокам и плешивой макушкой, все действие и разворачивается. На одном месте застыл то ли туман, то ли облако. И среди него проступают очертания людей, слышны голоса, звуки посторонние. И чем больше и внимательней глядишь, тем понятнее становится. Затягивает тебя.

— Ваше Высочество, — к худому всклокоченному отроку лет шестнадцати, в замызганном платье и никак на звание Его Высочества не претендовавшего, прокрался дюжий мужик. — Гонец прибыл. Транкльванийцы Моршан взяли.

— Прочь иди, — устало и почти мертвой интонацией отвечал парнишка. — Сколько у нас войск?

Непонятно, у кого спросил. Но вот вопрос задал, и сразу в тумане вторая фигура выплыла — дородная, низенькая, с клочком бороды.

— Да какое войско, Ваше Величество? Слезы все выплакал давешней ночью. Больше двух третей сбежало. Платить нечем, дворяне уже роптать стали, что никакого Ковчега нету, и ведет нас старец на погибель.

— Я ему верю, — тихо ответил парень, но очень уж грустно.

И тут Миха проняло. Понял он, что отрок этот не иначе как Иоанн Васильевич нашедший Ковчег и открывший славийцам магию. Ведь его папенька так и описывал — молодой совсем, мудрый не по годам, умер девятнадцати лет от роду и возведен в ранг святых. Так, а это, стало быть, тот самый поход за Ковчегом.

Да, время было трудное. Славия только-только власть орков-кочевников с себя сбросила, как с запада новая беда — позарились транкльванийцы на земли плодородные. И мало того что последние в войсках более богатые были, так существовал у каждого вражеского полководца "артефакт", дарующий им мощь. И помощи ждать было неоткуда. С дреженцами тогда больно не дружились, да и кроме того их столица — Галия, гоблинцами была осуждена, куда там соседям помогать. Вот тогда и явился светлый старец Инокий пред царем. Откуда взялся, никто не знал. Одни считали, что он всю жизнь близ Пудоги отшельником прожил, от того и святости такой набрался. Другие говорили, что в прошлом Инокий богатый купец, который вдруг услышал слово Господне, имущество свое отдал да в монахи постригся. Версий много было, и нигде правды не было.

И молвил Инокий, что в час трудный пусть царь-батюшка войско собирает, а уж он отведет его к Божьему Ковчегу, великой хранительницы силы и знаний, что спасет весь славийский народ.

— Царь-батюшка, — появился в тумане крепкий мужчина лет сорока в порванной робе. — Пришли.

— Неужто, Инокий? — восторженно воскликнул отрок. — Ну и где?

— Вон, посреди того болота кочка с кустом. Там куст, под ним и есть он, Ковчег.

Туман вдруг дрогнул и стал таять. Звуки стали тише, а очертания расплывчаты. Совсем чуть-чуть — и облако пропало, а по лекционной пронеслось неодобрительное "Ууу", кое-кто даже застучал кулаком о деревянную парту.

— Ну полно, полно, — развел руками профессор, поправил свои космы с боков и добавил, — будет. Вы учитывайте, дорогие мои, что я старик, сил у меня немного. Нахождение Ковчega покажу на следующий раз, но, — его махонький морщинистый палец взметнулся вверх, — намеренно сделаю несколько ошибок. Кто определит их, получит допуск к экзамену. Поэтому владейте предметом, господа. Можете быть свободны!

Его последние слова потонули в гвалте и общем шуме. Но то была не обычная веселость, с которой студиязусы бегут с университета, а скорее, возбужденное восхищение. Витольд Львович потянул орчука за собой, продираясь против бурного течения распахнутых мундиров, вложенных под руку фуражек и расстегнутых на несколько пуговиц сорочек. Жара, будь она неладна.

— Витольд Львович, а что это за магия такая?

— Визуализация мыслей, очень редкая способность. Признаться, многие считают ее бесполезной, но я думаю, они ошибаются.

Что за "визуализация" такая, Мих спросить не успел. Они спустились пред светлые очи старика, и тот мягким дружеским взглядом ощупал их.

— Разрешите представиться, Меркулов...

— Да вижу, вижу, молодой человек, не трудитесь, — в один миг тень пробежала по лицу профессора. — Сильно на отца похожи. Он ведь чуть старше был, когда они вместе с Мишкой...

— Вы же не верите, что мой отец и ваш сын были причастны к заговору? — Чужим голосом спросил Витольд Львович.

— Не надо, не надо, — поднял руку старик, будто защищаясь. Небольшая часть студиязусов, еще не вышедшая из лекционной, обернулась и задержалась у двери, — я вас прошу, умоляю, не ворошите прошлое.

— Прошу меня простить, Виталий Арсеньевич, я не хотел сделать вам больно.

— Тогда не будем затрагивать более эту тему, — он порывисто схватил Меркулова морщинистыми руками за ладонь и несколько раз потряс. — Ох, что за чудный экземпляр! — Обратил он наконец внимание на орчука, отпустил Витольда Львович и стал напрашиваться на рукопожатие. — Галахов Виталий Арсеньевич.

— Бурдюков Михайло Тереньтевич, — неожиданно для себя выдал Мих. Подумал чуточку и добавил, — к вашим услугам.

— Подумать только, а мне сколько говорят, что орчья кровь, как ее не смешивай, все равно дикой остается. Еще и на государственной службе, четырнадцатого чину. По полицейскому ведомству?

— Виталий Арсеньевич, — прервал его Витольд Львович, — мы к вам по очень важному делу.

— Ну еще бы по неважному. К старику уже давно просто так никто не ходит.

Но все же обращение возымело действие. Профессор повернулся к Меркулову, а тот вытащил сложенный листок и протянул Галахову.

— О, — расширились глаза старичка. — О. Это... очень занимательно. Даже не буду спрашивать, где вы подобное увидели, не хочу слышать вранья. Но это... это...

— Что это? — решил вернуть Витольд Львович разговор в конструктивное русло.

— Рогатый бог. Так его называют аховмедцы.

— Виталий Арсеньевич, сердечно прошу, расскажите мне все, что знаете об этом рогатом боге.

— Ну-с... — Профессор сделал театральную паузу, но было видно, ему самому не терпится рассказать обо всем. — Это самый главный культ аховмедцев.

— Разве у козлоногих вера какая есть? — Вмешался Мих, имевший некоторое представление об разных народностях.

— Не козлоногих, а аховмедцев. Или сыновей Матара, на худой конец, — укоризненно заметил Виталий Арсеньевич. — Вам ли говорить, молодой человек, что нельзя судить людей и прочих по внешнему признаку, — орчук сконфуженно потупился, а профессор продолжил. — Есть тайный культ, в который посвящают лишь достойных.

— И предмет поклонения тот самый Рогатый бог? — Понял Меркулов.

— Именно. Кровавый воин, родоначальник всех аховмедцев.

— Вот почему все правители у них носят рога, — изумленно открыл рот Витольд Львович.

— Именно, — кивнул профессор. — Так вот, о Рогатом боге. Культ очень древний, со своими обычаями и традициями. И насколько я знаю, этот знак имел право носить только один из них.

— Поясните, Виталий Арсеньевич.

— Смотрите, культ ведет очень замкнутое и нелюдимое существование. Для них Рогатый бог священен, и любое упоминание о нем среди других народов является кощунством. Не спрашивайте, как это знание пришло ко мне, за него пролилось уже немало крови.

— Я все же не понимаю, куда вы ведете, — нахмурился Меркулов.

— Сейчас покажу.

Профессор склонился над столом, вытащил чистый лист и поставил на нем девять точек.

— Девять аховмедцев имеют право носить на груди Рогатого бога, они называются Уосы, что в очень вольном переводе можно обозначить как Сыновья. Какова их функциональность в культе и чем конкретно они занимаются, я не знаю. Но! — Виталий Арсеньевич поднял уже перепачканный чернилами палец. — У каждого из них Рогатый бог полый, то есть пустой. То есть изображение производится лишь по контуру. И лишь один из аховмедцев имеет право носить на себе полного Рогатого бога — Логофет.

— Верховный жрец?

— Там все гораздо сложнее, — покачал головой профессор, как бы оценивая перевод Меркулова, — скорее хранитель. Не спрашивайте, что и зачем он хранит. Фигура Логофета сокрыта такой же тайной, как и сам культ, что, согласитесь, не так уж и странно. Но, как я понимаю, по иерархии хранитель культа Рогатого бога не подчиняется даже самому королю Аховмедии.

— Вот почему Бруу То Вайла возмутило, когда я назвал убитого его слугой, — подумал вслух Меркулов.

— И не считите меня параноиком, молодые люди, но сдаётся мне, что Логофет мертв.

Мих сдуру кивнул, только потом опомнившись, а Витольд Львович отвел взгляд.

— А значит, ничего хорошего не жди. Крови пролито будет много, аховмедцы — народ

горячий.

— Спасибо большое, Виталий Арсеньевич, — заторопился Меркулов. — Мы вынуждены откланяться.

— Всего хорошего, молодые люди.

— Витольд Львович, случилось чего? — Спросил Мих, едва на мостовую вышли.

— Странно все, весьма странно, — все более хмурился Меркулов. — Эй, стой. До Столешникова переулка, двенадцатый дом. Да побыстрее. Михайло, не зевай.

Они расположились в пролетке. Извозчик залихватски свистнул, ударил вожжой по лошади, прибавив нечто матерное, и помчал их вниз.

— Странно... — бормотал Витольд Львович, потирая указательным и большим пальцами подбородок. Мих даже не стал справляться, что именно показалось хозяину чрезвычайно удивительным, и Меркулов чуть помолчав, принялся рассуждать вслух. — Убили Логофета, но аховмедцы вместо мести и кровопролития лишь спокойно ожидают расследования.

— Король ихний шибко недоволен был.

— Не король, а принц, — поправил его Витольд Львович. — И надо знать взрывной нрав козлоногих, чтобы понимать, они сильно себя сдерживают. Опять же, могли сказать, что убит очень высокий по положению сановник, не говоря, кто именно, да скрыли.

— Зачем?

— Думаю, они ведут явно двойную игру. Если они пожертвовали фигурой Логофета, продолжают оставаться для переговоров о мире, чтобы не обострять конфликт, боюсь даже предположить, какова цена всей партии.

— Может, и вправду замирились хотят?

— Нет, как раз от мирного договора меньше других выигрывают аховмедцы. Если верить газетам, дрежинцы будут вынуждены отдать часть территорий, выплатить контрибуцию, а мы выступаем гарантом всего этого. Но в случае продолжения войны, аховмедцы получают гораздо больше. Нет, тут все не так просто. Ищи козлоногии простую выгоду, они бы воспользовались убийством Логофета и остановили переговоры. Более того они позволили забрать тело хранителя, не воспротивившись славийским законам и поставив тем самым весь свой культ под угрозу раскрытия.

— Так говорил же Виталий Арсеньевич, что об этом Рогатом боге среди нас никто не знает.

— Все-таки вероятность раскрытия существует. Причем, не малая. Следовательно, если размышлять гипотетически, — он поглядел на Муха и добавил, — то есть, если думать образно, существует нечто намного ценнее жизни Логофета и огласки существования культа.

— Оружие какое, пицаль зачарованная.

— Что-то намного масштабнее.

— А мы, господин, в полицмейстерство теперь?

— К Его превосходительству. Он говорил докладываться обо всем. А мы с тобой, Михайло, за один день столько узнали, на неделю вперед хватит.

И то правда. Вообще нравилась орчуку его новая служба. Такую и работой язык не повернется назвать. Знай, едешь себе полдня туды-сюды, с людьми разговариваешь, ну и с прочими, естественно. И каждый к тебе по-серьезному относится, на мундир смотрит, беседы ведет, ежели не как с равным, то не меньше как с достойным. Даже совестно вроде.

Вот идет побирушка: голова опущена, в глаза боится взглянуть, только рука вперед

выставленная торчит. Вместо одежды рубище сплошное, лохмотья, а не платье. Или следом несколько фабричных следуют. Бороды закопчены, лица грязны, руки мозолисты, спины согбенны. Мужик, может, и рад выпрямиться, да поди уж забыл, как с прямой спиной ходят. Им дорогу половой перебегают. Этот лицом чист да и платьем ухожен, но и у него жизнь не кусок рафинаду. Попадется какой норовистый гость, так не преминет в зубы дать, а хозяин потом и рублем накажет. Нервов на подобную работу не напасешься.

Тяжело жить простому люду в Славии, кого не возьми. И то в Моршане, в столице, еще полегче. Тут, как слышал рассуждения двух мужиков, "возможностей больше". Может, оно и так: Мих вон из рядовых сразу в дамки выпрыгнул.

До полицмейстерства ехали долго. Не близкая дорога с Сокольничьей горы до Столешникова переулка. Не один час пешего ходу. Это на пролетке, конечно, быстрее.

Подумалось Мишу, надо бы как-нибудь дельце обстряпать, чтобы деньги, извозчику данные, потом обратно возвращались. Ведь если посмотреть, Витольд Львович по службе ездит, а деньги свои тратит. Сам господин до того не додумается, голова у него особливими мыслями занята. Вот и сейчас сидит, поди, все об аховмедцах все размышляет.

А меж тем и к Столешникову переулку поворотили. Так завернул извозчик, аж колесо от камня оторвалось. Ежели не Мих сидел, а другой, похлипче, то и вовсе перевернулись. Так же только дух захватило. Захотелось орчуку отходить лихого ваньку — не за себя, за господина. Не ровен час покалечил бы.

— Стой, оглашенная.

— Ты и есть оглашенный, — недобро молвил Мих, ступая на мостовую.

Покачал головой, наблюдая, как хозяин дает вдвое больше, чем следовало бы заплатить пройдохе. Хотел о том сказать, но Витольд Львович строго посмотрел на подчиненного и произнес лишь ему понятное: "За экспресс". На том и остановились.

Мих к двери пошел, да по причине своей огромности, неуклюжести и ротозейства чуть не задавил коротышку. Незнакомец был малого роста, ежели даже судить по человеческим величинам, но все же чуть выше гоблинца. Это ничего, бывают люди разные, лишь бы с головой дружбу водили. Именно этот с умом серьезно рассорился, как иначе объяснишь — на улице жарынь стоит невозможная, даже эльфийцы, к ней привычные, из лавок носа не кажут, а этот стоит как есть полностью в плащ завернутый да с накидкой, лица вовсе не видно.

Впрочем, может, чумной? Слышал Мих, что ранее, на самом конце мира, что севернее Великогоблинии, страна была — Перигалия. Размерами, само собой, нечета Славии, но по численности их превышавшая. Люд там селился плотно, строили дома высотные, каких в Моршане сроду не видывали, через то и погибли. Пришла чума и за седмицу половина страны вымерла. Ближайшие же государства границы тут же закрыли, чтобы болезнь не распространять. Даже козлоноги, на что они охотники до завоеваний, в сторону Перигалии не смотрели. Вот и получилось, что у самого море-океана, самой лакомой и плодородной земли Чумные просторы образовались. И, поговаривают, что те, кто выжили там, точно также, как этот незнамец, ходят сплошь в плащи завернуты.

Хотя несуразица это все. Чтобы сюда с Чумных просторов добраться, нужно проследовать через мелкие людские государства, потом сквозь Аховмедию, Дрежинию или Транкльванию, либо по морю, с заходом в Гоблинию. Но никто такому скитальцу помощью не поспособствует, тут к гадалке не ходи. Может, филер? Шпионов Мих сроду не видывал, так почему они не могут выглядеть подобным образом?

— Прощу прощения, господин, — сразу обозначил свою виноватость Мих.

А в плаще даже головы не поднял, быстрым шагом, чуть пружинистым, точно на шарнирах двигается, мимо проскочил. Станный, не то слово. Еще деталь одна орчуку в глаза бросилась — трость дивная тонкая, сплошь черная, как совесть гоблинарца. Единственно что — ручка на солнце блеснула, прямо по очам прошла, заставив зажмуриться. Потер Мих глаза, а незнакомца уже и нет. Куда свернул, непонятно?

Тут уже и подошедший Витольд Львович отвлек. За плечо тронул, Мих даже встрепыхнулся от неожиданности.

— Пойдем уже.

Они вошли внутрь полицейского участка, поэтому не увидел орчук, как на другой стороне улицы вдруг оказался тот самый "черный" человек, завернутый в плащ. Нет, не появился магическим образом, образовавшись из пустоты, не материализовался чудесами всеблагото электричества и электромагнитного воздействия, о котором много писали газеты, но в жизнь эти идеи не могли привести даже гоблинцы, а попросту выскочил из какого-то закутка.

Погоды стояли самые что ни на есть духотные и бездождливые, однако незнакомец в полной мере игнорировал погодные условия. На его коже, которую он тщательно скрывал, не проступила и капля пота. Он постоял всего несколько секунд, глядя на дверь, за которой скрылись титулярный советник со своим верным помощником, постучал в раздумьях тростью о камень, причем звук от удара чрезвычайно напоминал лязг шпальной стали, а потом резко развернулся и пружинистой походкой пошел прочь.

Глава 5, более подробно рассказывающая о дворянских семьях

— Так, — вновь с самым зловещим тоном сказал обер-полицмейстер, когда Витольд Львович сделал паузу, дабы набрать дыхание.

Этими «таками» Его превосходительство рубил рассказ титулярного советника на части, будто обдумывая каждый услышанный кусок. Мих все это время стоял ни жив, ни мертв. Он вообще удивился, каким образом мелкому чину, каков орчук был, разрешили присутствовать при таком заседании, да еще, когда члены все сидят в парадных мундирах. Во-первых, господин обер-полицмейстер самой внушительный наружности, во-вторых, помощник его, сухой, длинный как жердь, Константин Никифорович, с которым Мих уже был знаком, в-третьих, еще один полицмейстер, какого ранее орчук не видал. В диковинных очках, сам толстенький, румяный, как рогулька творожная. Как зашли, так заулыбался, на орчука все любопытственно поглядывал, но после первых слов, сказанных Витольдом Львовичем, посерьезнел.

Может потому и не вывели орчука, что попросту забыли о нем? Забавно, конечно, о такой дуре запомнить. Но стоял Мих недвижно, тем более титулярный советник так ладно сказывал, что заслушаешься.

Пока Его превосходительство «такал», Константин Никифорович все более мрачнел, недовольно поглядывая то на орчука, то на его господина.

— Дела, — выдал Александр Александрович, когда титулярный советник замолчал. — А я-то думал пустяковое дело. — Вечно с вами, Меркуловыми, всякие неприятности происходят. Ну да ладно. Я сейчас к светлейшему князю Кириллу Николаевичу, он обед благотворительный дает. Поедешь, Витольд Львович со мной, все равно об ограблении докладываться императору через Его Высочество, заодно и тебя покажу. Ты поди и не знаешь, что пошел слушок уже о молодом человеке, только из ссылки вернувшемуся, что успел на дуэли подраться и в полицмейстерстве особое место занять. Заодно и поговорим дорогой, как дальше жить и что делать. Пойдемте, господа, пойдемте, время поджидает.

Несмотря на торопливость, они чинно и несуетливо спустились с лестницы, образуя в местах, где проходили затор, ибо все служащие и просители старались поздороваться, поклониться, а кое-кто и облобызать руку обер-полицмейстера. Обиженный общим вниманием Мих (что, к слову, случалось довольно редко и теперь орчук был очень рад такому обстоятельству) следовал позади, не слишком близко, но и не довольно далеко. Лишь оказавшись на улице, потомок ордынцев на секунду замер, не зная, что же делать дальше.

Причиной тому было ландо с открытой крышей, то есть четырехместная повозка с кучером. Мих был сообразительным не только для орчука, но и против того, для обычного человека, поэтому сразу смекнул — он не едет. Подумал о том и его господин, так как повернулся к обер-полицмейстеру.

— Ваше превосходительство, а как же Михайло?

— Кто? — Александр Александрович обернулся и, увидев орчука, хлопнул себя по ноге. — Вот ведь. Куда ж мы его такого денем? Хотя, Его Высочеству бы понравился, — он подумал долю секунды, но отрицательно покачал головой. — Ты уж Михайло не взыщи,

некуда тебя... Если только бегом, — пошутил обер-полицмейстер.

— Это можно, Ваше превосходительство.

— Что можно?

— Ну... бегом.

— Сам смотри, — недоверчиво усмехнулся Александр Александрович, усаживаясь в ландо.

Господа последовали его примеру, занимая места. Еще минута и экипаж тронулся с места. Не сказать, что шибко, все-таки повозка длинная, не беговые дрожки, свое понятие имеющая. А за ними, на почтительном расстоянии, но все ж не отставая и придерживая на ходу ремень, меряя огромными шагами мостовую, неся орк. Нет, размером только как ордынец, но ни клыков, ни длинных волос в хвост собранных, да одет в самый что ни на есть мундир. Единственно только — бос.

Один из пассажиров, в котором многие прохожие угадывали Его превосходительство генерал-майора Александра Александровича Муханова, время от времени поворачивал голову, восхищенно смотрел на сопровождающего, удивленно покачивал головой и что-то говорил своим спутникам. Обер-полицмейстер, как впрочем, и большинство славийцев, относился к оркам и полукровкам от них же, с большим предубеждением. Собственно, жителей самого большого человеческого государства можно понять, сложно любить существ, которым приходилось платить больше трехсот лет дань, пока могучее государство кочевников не разрушилось изнутри под гнетом внутренних противоречий и ссор.

А если бы Александр Александрович немного интересовался особенностью орков, пусть не их шаманской магией, полностью стреноженной с окружающей мирской сущностью, а телесными свойствами, то знал: нет быстрее бегуна, разве что кроме полулюдей-полуконей с далекого материка Кентрстралия. Но существовали ли последние, а может то глупые сказки — неизвестно, а вот про кочевников любой, кто раз видел их хотя бы на быстром шаге мог сказать: быстры, черти.

С одной стороны странно, грузны, огромны, как им бегать? Однако ж вон что. Порой бывало, что и лошадей, отбившихся от стада, пешими догоняли. Пусть скакуны у них, по причине размеров и широкой кости, способной нести на себе больше девятнадцати пудов, менее тихоходны человеческих, но все же.

Вот и Мих, хоть и был не в лучшей форме, даже клял про себя чуть расплывшийся живот, но за всю дорогу не отстал от экипажа. Вспотел как мыш, дышал часто-часто, но сдюжил. А когда ландо наконец остановилось у обширного особняка, глубоко уходящего назад, согнулся пополам, стараясь с непривычки не выплюнуть собственную печенку.

— Силен, ох силен! — Восхищенно потирал ладоши обер-полицмейстер, спустившись на мостовую. Он повернулся к Константину Никифоровичу, на лице которого была самая кислая мина, и добавил. — Ведь ни разу не отстал. А я уж как на Ильинку выехали, я Климу говорю, гони, давай, гони. А этот не отстал.

Александр Александрович еще немного повосхищался, после чего оправил мундир Муханова, затянул ремень, пробормотал нечто несвязное о том, «что можно было и получше одежду найти», и качнул головой в сторону особняка. Орчук пошел за всеми, смешанный от внезапных треволнений и невозможности как следует отдышаться. Но уже поздно, дверь открылась, пахло роскошью и богатством, и босой Мих вступил совершенно в другой мир.

Высоченные, даже для орчука, сводчатые потолки невыносимым образом давили сверху, парадные лестницы уходили с двух сторон наверх, а расположенная чуть дальше гостиная,

которую Мих назвал не иначе, как зала, одновременно восхитила и растоптала потомка кочевников окончательно. Разглядывал он узорные пилястры в виде ангелов, завитушки лепные, которыми сверху все украшено, мраморные полы, босые ступни холодящие. Глядел и удивлялся.

Вот странно, всего в десяти шагах улица. Люд там разный, помимо благородных, можно и рвань всякую распоследнюю встретить, а тут яркий свечной свет, прислуга одета так, как Мих и желать не мог, простору, аж дышать тяжело и повсюду взоры, взоры. Смотрят мужчины вместе с дамами пышно разодетыми, всех фигура орчука ажиотирует. Мих сам смешался. Покраснел, что, впрочем, на его зеленом лице не шибко заметно было, голову опустил и за господами-полицейскими идет.

— Вот это Телепневы, те самые, что водой управляют, — шептал обер-полицмейстер на ходу Меркулову, кивая встречным. — Большую помощь оказывают Моршану, один из них дюжины пожарных стоит. Сплошь все брандмейстеры, ну а Виктор Семеонович, глава рода, брандмайор, хотя тоже генерал-майор, но сам понимаешь, способности. Вот Лазаревы, их мало, всего трое в Моршане, при Государе Императоре. Шпионы, но не шпики обычные, а самого верху, магия у них... как бы сказать.

— Сквозь стены проходят, — подсказал Меркулов.

— Точно, — кивнул обер-полицмейстер. — Знаком?

— Ну что вы, Ваше превосходительство. Попросту наслышан.

— Да, фамилия известная. Вон Волжинов двое, этих не проткнет никто. Кожа у них после магии будто железная становится. Попробуй с такими на дуэль пойти, — хохотнул Александр Александрович, продолжая продвигаться вперед. — Дашковых ты знаешь, — кашлянул он, одновременно кивнув хмурому сухому старику с грозным видом. — Лубяновские, если эти рядом, тише говори. Хотя все равно услышат. И сейчас поди уши греют.

Судя по покрасневшему лицу молодого франта, так оно и было.

— Неверовичи, в ночи светятся как те светляки, но на этом все. Скучная у них магия. Усовы, они летают. Или попросту парят, не очень это отличаю. Тарбеевы сами свет производят, никаких свечей не надо. Руку протянул и все. Экономно, а? Приклонские все могут запомнить, что хоть раз увидят или услышат. Вместо книгохранителей у Государя Императора на службе. Галицкие, вот, в стороне двое, за версту, говорят, муху разглядят. Как понимаешь, на военной службе. А вот...

Шел Мих, слушал шепот обер-полицмейстера (он не Лубяновский, но орчье чутье не самое последнее — иной раз и сородичам выжить помогает), да удивлялся. Нет, знал он про дворян, Ковчег, магию. Сказывал ему отец поверхностно. Те, кто с царем-батюшкой Иоанном Васильевичем (хотя трудно теперь было того юнца безусого, которого профессор показывал, так величать) за Ковчегом отправился и великую силу получили. В каждую семью по одной магической способности. Кому-то повезло, как вон Волжинам или Лазаревым, другим менее, а третьим вообще ветошь всякая досталась, в хозяйстве бесполезная. Хотя вроде тоже, магия! Но одно дело слышать обо всем, и совсем другое воочию лицезреть. А перед Михом теперь все великие семьи, к Ковчегу восходящие.

А дальше еще больше. Они полностью прошли большую залу и оказались в игральной комнате. Все помещение находилось в сигаретном дыму, отчего у Муха защипало в глазах и было полным полно мужчин, чувствующих себя более чем свободно. Об этом говорили расстегнутые воротники, покрасневшие шеи и довольные лица. Посреди всей этой

беззаботной вакханалии возвышался мрачного вида господин в мундире с различными орденами. Мих разглядел Св. Андрея Первозванного, Св. Георгия, Белого Орла и конечно же Анны. Так вот каков великий князь.

Лицом Его Высочества был не живописен: маленькие тусклые глаза, ввалившиеся щеки, крохотные губы, лишь нос прямой и красивый, императорский. Вот только на этом осунувшемся лице он смотрелся нечаянным гостем, стеснявшимся своего положения.

— О, Александр Александрович нас присутствием своим облагодетельствовал, — крикнул кто-то со стороны стола. И продолжил шутливо, — Ваше превосходительство, давайте к нам.

— В стуколку? — Прищурился обер-полицмейстер, разглядывая карты, на столе. — Нет, благодарю господа. Я давеча и так проигрался в пух и прах, повременю.

— Ваше Императорское Высочество, — поклонился Его превосходительство и все полицейские чины, с ним пришествовавшие сделали то же самое, Мих в том числе.

— Здравствуй, Александр Александрович. Гляжу, ты в прелюбопытной компании.

Лицо Его Высочества оставалось вялым, но вот взор приобрел неожиданную подвижность. Он пробежал сначала по орчуку, как не старался Мих сутулиться, дабы сделаться меньше, данный прием не имел особенного успеха, а следом прошелся по новому приставу следственных дел.

— Так, значит, вы и есть та отчаянная голова, которая несмотря на запрет моего брата о проведении дуэли, вызвала Дашкова на дуэль? — Голос Его Высочества был до невероятности холоден, но в глазах плясали веселые чертята.

— Меркулов Витольд Львович, Ваше Высочество, — смешался господин Миха. Разговор начался явно не с того, чего он ожидал. — Дело обстояло не совсем так. Это Михаил Николаевич вызвал меня на дуэль.

— А Дашковы твердят ровно об обратном, свидетелей приводят, требуют сатисфакции. Если бы не Александр Александрович, — кивнул он на обер-полицмейстера, — вам бы пришлось совсем худо. Очень плохую стратегию вы выработали для жизни в столице, — сказав это, Его Высочество улыбнулся. — Тем интереснее будет понаблюдать за вами. Тем более в компании такого здоровяка, — он кивнул на орчука. — Орчук с классным чином, изумительно... Ну ладно, Александр Александрович, потешил ты мое любопытство, теперя давай о делах поговорим. Твой подчиненный новый тоже ограблением занимается?

— Нет, он расследует смерть аховмедца в Захожей слободе, — не стал распространяться обер-полицмейстер о положении убиенного.

— В таком случае... — Его Высочество развел руками.

— Витольд Львович, ты погуляй пока, мы сейчас, — повернулся к Меркулову обер-полицмейстер.

Титулярный советник кивнул и отошел в сторону. Орчук потянулся за ним. Не успел Мих и рта раскрыть, как рядом с ними появилась фигура незнакомца. Орчук недовольно оглядел незваного гостя: немолод, но ухожен, красив, и что самое приметное — рыж. Мих сразу догадался, кто перед ним, что дворянин тут же подтвердил.

— Аристов Павел Мстиславович, к вашим услугам, — несколько развязно представился подошедший.

— Меркулов Витольд Львович, к вашим услугам, — к приветствию титулярный советник присовокупил небольшой поклон.

— Наслышан о ваших приключениях, наслышан, — кивнул Аристов, доставая крупный

портсигар. — Сигару?

— Благодарю, не курю.

— А я с вашего позволения, — новый знакомец не сводя внимательных глаз с Меркулов поднес к сигаре палец и на его конце заплясал огонь. Пока Мих стоял с открытым от изумления ртом, дворянин прикурил. — Как я и говорил, наслышан о вас. Во всем салонах и домах аристократии только и разговоров: кто такой этот Меркулов?

Витольд Львович стал пунцового цвета, но промолчал. Аристов поднес сигару к губам, но задумавшись, отнял руку и продолжил.

— Хоть прошло и много лет, но фамилию Меркуловы помнят. Ровно как Галаховых и Стрельбицких. Было бы очень неразумно сейчас ворошить прошлое.

Он задымил сигарой, ожидая реакции, но Витольд Львович по-прежнему молчал.

— Не подумайте, я не тот ретроград, что плачет о былых временах, когда царская власть была жестче и справедливее. Я живу настоящим, и все нужные связи создаю именно исходя из этих соображений. Поэтому, если вы намереваетесь идти своим путем, не оглядываясь на дела отца, то можете многого достигнуть. В том числе, не без моей помощи. Надеюсь, мы поняли друг друга.

Витольд Львович пожал протянутую ему руку. По всей видимости, Аристов удовлетворенный неразговорчивым и согласным собеседником, уже собрался уходить, когда высокие резные двери, ведущие в большой зал, с грохотом распахнулись. На пороге появился взерошенный рыжий юноша, судя по дорогой одежде — из благородных (с другой стороны — каким бы образом он попал сюда?). Если не брать во внимание яркий, точно полыхающий в ночи яркий костер, цвет волос и рассыпанные по лицу веснушки, а оценивать исключительное по физиогномической схожести, то родство ворвавшегося паренька и замершего с сигарой Аристова было несомненным. Дворянский сын это сразу подтвердил, огласив игральную комнату тонким, ломающимся голосом.

— Отец! Я с утра ищу тебя! — Он быстро направился к Павлу Мстиславовичу. Теперь с каждым шагом можно было все лучше разглядеть его красивое, но надменное и вместе с тем капризное лицо. Такое бывает у молодых девиц богатого рода при виде попрошаек у церкви. — Мне нужны деньги!

Со стороны главной залы показались преследователи — трое рыжих мужчин, старшему из которых было лет двадцать три, а младшему не больше девятнадцати. Они чуть ли не бегом устремились к брату, а тот взвился, в одно мгновение оказавшись рядом с отцом.

— Что ты себе позволяешь? — Побагровел Аристов-старший. Мих даже оробел, вдру сам сейчас полыхнет.

— Мне нужны деньги. Срочно! Или я за себя не отвечаю.

В затихшей игральной комнате, где все господа прекратили партию и разговоры, прозвенела с пронзительностью удара кнута пощечина. Юношу, схватившегося за щеку, уже сгребли в объятия братья и против его воли утаскивали прочь. Лишь у самой двери тот пришел в себя и крикнул.

— Смотри, отец, доведешь! Дар родовой продам! Покажу тебе добровольное Поглощение!

— Прошу прощения, — добродушно улыбнулся Аристов. — Четырнадцать скоро, магия в тело входить начала. Вот и валяет дурака, все за ум взяться не может.

Мнение господ разделились.

— Ох, паршивый возраст. Чисто дьявольские создания, никаких авторитетов у них.

— Аристовы без огня и скандалов не могут. Всем давно известно.

— Слишком балуете его, Павел Мстиславович. Оно понятно, младшенький, но уж больно много ему позволяете.

— Возраст, чушь! Средство давно известно — розгами пройти до полного исцеления. Порка уму завсегда прибавляет.

Аристова обступили со всех сторон, осуждая и ободряя, давая советы и слушая его ответы. Меркулов с Михом несколько отстранились, не желая находиться в общей сутолоке. И весьма вовремя, ибо отошедшие побеседовать полицейские чины вместе с великим князем возвращались.

— Два дня сроку, Александр Александрович. Чтобы все похищенное через два дня было возвращено. В целостности и полнейшей сохранности. Не заставляйте меня и Императора гневаться.

— Сделаем, Ваше Высочество. Прямо сейчас отправимся. Витольд Львович...

— Меркулова зачем дергаете? — Холодно поинтересовался великий князь. — Он у вас по другому делу. Да и нужды нет его вовлекать. Неужто сами не справитесь?

— Ну что вы, справимся.

— Вот и поезжайте, а мне с молодым человеком парой слов перекинуться надо.

— Так точно, Ваше Высочество.

После того, как обер-полицмейстер с помощниками скрылся в общей зале и даже еще не затихли их шаги, великий князь взял под руку Меркулова.

— Дело у меня к вам есть, молодой человек. Вы в полицмейстерстве человек новый, взгляд у вас свежий, незамыленный. Если что по данному ведомству вредительское заметите или попросту странное, знаете, есть у меня определенные опасения... Нет, что вы, — заметил Его Высочество удивленный взгляд Меркулова, — сидеть и наушничеством заниматься, а потом кляузы по всякому пустяковому поводу писать я вас не прошу. Но все же Александр Александрович там один, да и немолод уже, всякая гниль могла прорасти. Понимаете меня?

Некрасивое лицо Его Высочества оставалось безучастным и не выражало ни одну эмоцию. Весь его вид говорил, что данный разговор дело давно решенное и только присущее чувство такта заставляет его сказать об этом Меркулову.

— Конечно, я вас не неволю. Выбирать как поступать исключительно ваше право. Но, если до меня дойдут сведения, что вы знали о чем-то, угрожающем Короне и не предприняли никаких действий, то не взыщите, поступлю по совести. Мы друг друга поняли, Витольд Львович?

Мих заметил, как на щеках господина проступил румянец. Не тот, здоровый, появляющийся после катания со снежных горок на деревянных салазках, и даже не похожий на смущенный, возникающий, когда молодого человека застают не в самое удобное время со смущенной барышней в помятом платье. А другой, злой, опасный румянец. Гневная алость, наливающаяся перед большой бедой.

Но Витольд Львович сдержался. Только теперь орчук подумал, что господину поди за всю жизнь не раз приходилось ограничивать свою ярость — дворянину без дворянства и подданному без прав. Тут волей-неволей научишься смирению. А Витольд Львович против всего не только стерпел, но и ответил.

— Да, Ваше Императорское Высочество.

— Замечательно. Павел Мстиславович, — повысил голос великий князь, но ровно

настолько, чтобы его слышали. Гомон вокруг Аристовых утих, и тот, спасенный от раззадоренной толпы аристократов, поспешно подошел, — говорят, у вас чудо какие сигары из Койна привезенные.

— Да, Ваше Высочество, — с лукавой улыбкой поспешно достал рыжий дворянин порсигар и выудил оттуда первую попавшуюся. Великий князь кивнул и принял дар, после чего Аристов привычным движением поднес палец к кончику панателлы и вдруг смешался. — Прошу прощения.

Павел Мстиславович засуетился, похлопал по карманам и достал коробок фосфорных спичек. Торопливо зажег одну из них и дал прикурить Его Высочеству.

— Вот вам самый главный урок, молодой человек, — сказал, дымя, великий князь, — что бы ни случилось, никогда нельзя рассчитывать исключительно на магию. Потому что, чем больше ваша сила, тем более без нее вы беспомощны. Жалко, что я могу нейтрализовать дар Ковчегу лишь на видимом расстоянии. Думаю, для всей Славии было бы полезно, лишись дворяне на день своих способностей.

— Как и для врагов Короны, Ваше Высочество, — заметил Меркулов.

— Верно, — усмехнулся великий князь лишь уголками губ, — но нельзя проехать по степям Орды, не убив орка.

При этих словах он взглянул на орчука, явно ожидая его возмущения, но тот благоразумно промолчал. Посмотрел бы Мих на великого князя на северной дороге от Оленска, пуцай хоть зараз всю магию потушит как фитиль намоченный (и вопрос еще, это он людской дар может убрать или орчий тоже), крепкий топор он и без способностей в голову прилететь может. А вывести Муху из себя едва ли получится. Конечно, оскорбления тонкие, вроде как и не ему сказанные, они острее бьют, чем прямая ругань. Но орчук к тому привык, мог и про себя, не вслух то бишь, тоже чего ответить. А что? Это только Государь Император мысли читать умеет, а остальные члены царской семьи лишь дар дворян блокируют.

— Павел Мстиславович, у меня к вам просьба.

— Все, что пожелаете, Ваше Высочество.

— Проводите пристава следственных дел, я вижу по глазам молодого человека, что он мечтает покинуть это несомненно высокое, но вместе с тем скучное общество. Александр Александрович с присущей ему прямолинейностью взял Витольда Львовича с собой, нисколько не заботясь о его положении и безопасности. Думается мне, не так просто будет проскользнуть мимо Дашковых.

— Будет исполнено, Ваше Высочество.

— Тогда не буду вас больше отвлекать, пойду на правах хозяина следить за игрой. А то сдастся мне, Галицкий уже минут пять как безнаказанно мухлюет. Точнее, пользуется даром Ковчегу.

Великий князь так стремительно ушел, что Меркулов успел лишь открыть рот для изъявления благодарности, да так и остался стоять. Аристов почесал нос и обратился к собеседнику.

— Ну что, Витольд Львович, пойдете тогда. Ваш ручной орк с нами?

— Михайло с нами, — поправил его Меркулов.

— Держитесь поближе, — с этими словами Павел Мстиславович двинулся в сторону главной залы, а орчук с господином последовали за ним.

Не понял Мих, что произошло, как только они оказались в гостиной. Аристов лишь

громко щелкнул пальцами, как какой-нибудь фабричный мужик, и воздух шагах в четырех от них поплыл от невидимого зноя. Сначала орчук думал, мерещится ему. Но когда засмотревшись на марево подотстал, то на собственной шкуре ощутил нестерпимый жар.

И, как оказалось, не только он. В середине залы из ниоткуда вдруг выскочил дюжий молодец, отряхивая фрак, от которого шел пар. Он тревожно огляделся и сделал пару шагов назад.

— О, Святослав Николаевич, — с фальшивым удивлением спохватился Аристов. — Признаться, не заметил вас.

— Виделись, Павел Мстиславович... — Рослый мужчина чуть поколебался, но добавил. — Всегда думал, что вы умный человек, а вы вон каких странных друзей выбираете.

— Как вы нелестно о Его Высочестве Константине Николаевиче говорите, — укоризненно поцокал языком дворянин.

— Да при чем тут...

— Ведь Его Высочество попросил меня проводить молодого человека до выхода, дабы тот не заблудился. А вы понапраслину такую разводите. Эх, страшная вещь, сначала старший брат умом тронулся, теперь средний перестал с головой дружить.

Дашков скрипнул зубами и под любопытные взгляды дворян, кое-что слышавших из общего разговора, широкими шагами направился к игральной комнате.

— Павел Мстиславович, прошу прощения, старший сын — это Михаил Николаевич?

— Да, Мишка Дашков, ваш предшественник в полицмейстерстве, — кивнул Аристов. — Был бит на дуэли до Поглощения неким малоизвестным дворянином, — лукаво подмигнул он Меркулову.

— А что касательно его...

— Душевного благополучия? — Спросил Павел Мстиславович и, дождавшись кивка продолжил. — Все весьма плачевно. Быстрая физическая поправка компенсируется развивающимся умственным недугом. Вы же знаете, что при потере дара все реагируют на это по-своему. Но не было еще ни одного человека, кому стало лучше после Поглощения. Прогневали вы старика Дашкова, у него на старшего были большие планы, не зря же он его в полицмейстерство засунул.

Какие намерения Аристов не сказал, потому что они дошли до дверей особняка. Жар, по мере приближения к выходу, ослабевал, пока вовсе не исчез.

— Будьте готовы к провокациям, — сказал он напоследок. — Дашковы будут стараться выставить вас в дурном свете. Очередная дуэль вряд ли вам грозит. Если только с Николаем, отцом Мишки, он посильнее в магии. Но я бы так не поступил.

— А как бы вы поступили?

— Застрелил. Сомневаюсь, что Меркуловы быстрее пули, — усмехнулся Аристов, и уже разворачиваясь, произнес. — До скорой встречи, Витольд Львович.

— Всего хорошего, Павел Мстиславович.

Они выбрались наружу, и Мих с удовольствием вдохнул смердящий, даже в столь богатом квартале, и привычный дух улицы. Полуденный зной перетек в вечернюю духоту, но теперь хотя бы солнце не пекло с дьявольской силой. Орчук повернулся к Меркулову.

— Ну что господин делать будем? Домой?

— Рано еще домой, — покачал головой Витольд Львович. — Александр Александрович несколько дельных мыслей подкинул. Надобно еще раз в Захожую слободу съездить, свидетелей поискать. Не верю я, что уж никто не видел, как аховмедца...

Договорить он не смог. Неведомая сила резко и основательно скрючила Меркулова, заставляя вытошнить дорогой обед. Витольд Львович упал на четвереньки, отплевываясь и тяжело дыша, а спазмы тем временем нарастали, заставляя пристава следственных дел исторгать из себя все новые и новые остатки пищи. Мих, оторопевший внезапной сменой самочувствия хозяина, не сразу нашелся что сделать. А когда придумал, произошла новая оказия — Витольд Львович взял и исчез, полностью.

Мих слышал, как негодуяще отзывается организм хозяина на новые приступы, но ровно самого господина не наблюдал. Провел рукой вперед и вниз, ощупал худую спину и почувствовал накатывающий на Меркулова спазм. Мгновение, и Витольд Львович появился, прямо под пятерней орчука. Тошнота постепенно сходила.

— Как вы, господин? Встать можете?

— Да, минуту, — Меркулов в последний раз опорожнил свой желудок и выпрямился.

— Вы меня извините, но мы домой едем. Здоровьем вашим заняться надо, а как выправитесь, так и в Захожую слободу.

Не слушая более никаких возражений, Мих придерживая под руку Меркулова, вышел на мостовую, и махнул стоящему вдалеке извозчику.

Глава 6, в которой Мих снимает мундир, с трудом прячется в купе и выпытывает у эльфийца сведения

Нет ничего хуже безделицы, когда не знаешь, куда себя приложить и за что взяться. Слышал Мих, что дворяне подобное называют щегольским словом «сплин», однако не одобрял. Канайского верблюда хоть коровой славийской обзови, больше молока с него не выдоишь. Это хорошо в первый день было чем заняться — за доктором сбегал, с хозяйкой немного полаялся, в полицмейстерстве о внезапном недуге господина сообщил. На последнее от самого Константина Никифоровича (к обер-полицмейстеру все же не пустили) получил облегчительное позволение лечить титулярного советника «до полного выздоровления и не торопиться, у Витольда Львовича ныне бессрочный больничный».

Повезло все же с начальством. Что Его превосходительство — умный, хватку не растерявший, что Его высокородие Константин Никифорович — кренделя не выписывает, не выслуживается, льстивости в нем нет, даже холодность порой видится, но из деловых людей. Редко такое бывает. Обычно чем больше у человека (прочих, кстати, тоже касается) власти, тем он дурнее становится. А ежели с самых низов в верхушку внезапно забрался, то совсем плохо дело. Этого орчук повидал.

Вот и выхаживал Мих, значит, по приказу вышестоящего чина своего господина (признаться, он бы и без всяких распоряжений так поступил — Витольда Львовича не оставишь, тот же как ребенок). И ладно, если знать чего делать. Ходил орчук за чахоточным стариком, что все же преставился, земля ему пухом, видел лихорадку, знавал и холерных. Но доктор отрезал — болезнь магического свойства, даже вон симптомы (у Витольда Львовича к тому времени рука баловалась — то исчезнет, то появится). А как такие лечат? Никак. Должно время нужное пройти.

Ну хоть к вечеру Меркулову полегче стало. Забылся тревожным сном. Изредка проснется, пить попросит, так Мих из того большого чайника, что в хозяйстве господина нашел, и поднесет. Наутро засобирался, но орчук отрезал — никаких походов, даже слова Константина Никифоровича передал о «полном выздоровлении». Витольд Львович был сопротивляться стал, но тут на шум прибежала и карга старая, в лице которой Мих неожиданно нашел самого преданного союзника. Более того, пока хозяйка ругалась с титулярным советником, орчук успел сбегать в трактир и принести самой разной еды: наваристых щей, пожарских котлет, парной телятины, максуна и даже остаток молочного поросенка (но это уже для себя). Вышло не пример дешевле, чем в той же ресторации. Витольд Львович пощипал отовсюду совсем по чуть-чуть и снова спать лег, а Мих, удовлетворенный хоть таким скудным аппетитом, с удовольствием отобедал всем остальным.

К вечеру и вовсе случилось чудо — прибыл посыльный от сапожника с большим сверток. Вручил и отбыл. Орчук осторожно развернул пакет и охнул, даже глаз повлажнел от чувств. Настоящие сапоги, чуть потертые, явно переделанные из старой кожи, намного шире обычных, но настоящие сапоги. Его, Муха. Красота, да и только. Голенище высокое, подобное от чего только можно и нельзя защитит — и от порохового ожога и от удара несильного, опять же, ноги всегда в сухости. Примерил прям так, по-босому. Чуток жмут, но ничего. Бог не выдаст, свинья не съест, разносим. Теперь лишь бы господин быстрее

поправился.

Господь будто услышал невысказанную просьбу полукровки. К утру третьего дня Меркулов встал на ноги и с невероятной твердостью в голосе заявил, что полностью поправился. Мих провел проверку, сбегав все в тот же трактир. И глядя, как Витольд Львович с невероятным аппетитом уплетает горку горячих румяных блинов, заедая пирогом с осетриной, пододвинул тому кувшин с квасом и заключил — здоров.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

После завтрака, который Витольд Львович назвал «плотным», Меркулов взялся за газету (это было самое странное, но неукоснительное правило господина: даже в период его слабосилия необходимо было покупать «Моршанские ведомости»).

— Мальчишка сказал, только напечатали.

— Вижу, — пробежал глазами Меркулов по первым строчкам, и на губах его заскользила мимолетная улыбка.

— Нечто об чем интересном прочитали, господин? — Спросил Мих.

— Вот ведь, двух дней не прошло, а Александр Александрович уже все исполнил. Слушай... «Все ценности были обнаружены на складах, принадлежащих некоему фабриканту Н. Последний объявлен в розыск. В ближайшее время все похищенное будет перемещено в главное хранилище при Моршанском полицмейстерстве и потом уже возвращено в Первый императорский музей».

— Его превосходительство большого ума человек, — согласился Мих, — он и Его высокородие Константин Никифорович.

— А мне, признаться, полицмейстер не нравится. Настораживает он меня.

— Чем же, господин?

— Не могу объяснить, вроде предчувствия.

— Надумываете, Витольд Львович. Я с ним общался мало-мальски, а уж Михайл Терентьев в людях разбирается.

Меркулов неуверенно пожал плечами, но было видно, остался он явно при своем мнении.

— Ты вот что, Михайло, сбегай к старьевщику, возьми себе одежды самой плохенькой.

— Это еще зачем, господин? Хороший мундир.

— Вот именно что и мундир. Сбегай, говорю. Хорошо, возьми обычную одежду, не слишком плохую, но и недорогую.

— Так у старьевщиков разве есть дорогая? — Нахмурился Мих, но приказание исполнил.

Через четверть часа стоял перед Витольдом Львовичем в портках и залатанной льняной рубахе, с тоской глядя сапоги — для них он даже портянки заготовил.

— Замечательно, я бы сказал изумительно. Эх, жалко клыков у тебя нет, ну ладно.

— Вы хоть скажите, чего делать?

— Дорогой объясню. Теперь вот что, давай в трактир, возьми водку какую-нибудь.

— Какую, господин?

— Я не разбираюсь, да и какая разница.

— Не скажите, их видов она сколько. Есть ангеликовая, анисовая, бадьяновая, вересовая, зорьяная, карлуковая, что чистоты особенная, кориандровая, лимонная, померанцовая...

— Да понял, понял, возьми любую, что покрепче и подешевле.

— Значит, хинную, — кивнул Мих. — Дале что?

— Жди меня на улице у трактира.

Сказано — сделано. Сходил орчук туда же, где давеча завтрак для господина брал, взял бутылку хинной, даже передернулся, представив запах оной, и вышел наружу. Ждал долго, пока не подкатил закрытый экипаж купейного типа.

— Михайло, давай внутрь.

Орчук открыл дверцу и оторопел. Поклясться мог, что голос господина слышал, однако внутри никого не было. Посмотрел на кучера, тот ответил не менее недоуменным взглядом, не понимая, чего полукровка на него пялится.

— Извини, — внутри вдруг обнаружился сидящим Витольд Львович, причем на его лице сияла редкая для вечно озабоченного титулярного советника улыбка, — не смог удержаться. Я вот новую способность практикую.

— Это замечательно, — хмуро ответил Мих, влезая внутрь и с трудом закрывая за собой дверцу. Вышло в купе тесновато. — И давно вы это... полностью исчезать стали?

— Да вот только что. Шел мимо стеклянной витрины и подумал, почему бы нет.

Витольд Львович качнулся от резкого толчка, и экипаж сорвался с места.

— А зачем купе взяли? Бричка дешевле.

— Во-первых, никто не должен видеть, что ты въезжаешь в Захожую слободу. По моей легенде, ты вообще в колясках и каретах не едешь. А если пешком пойдешь, неровен час на орков полнокровных нарвешься. Я слышал, они орчуков православных не очень жалуют. Во-вторых, чтобы меня не видели. Это тоже немаловажно. В-третьих...

— Что за легенда-то?

— Итак, слушай основное, Михайло.

Говорил Витольд Львович много, но все по делу. Как обычно выходило все у него ладно, Мих бы до подобного сроду не додумался, а Меркулов, светлая голова, — воно что, запросто. И ведь самое интересное, опыта у него в полицмейстерском деле никакого, но все же размышляет здраво, точно по полкам в лавке все раскладывает.

— Самое важное, — заметил он, когда они вкатили уже в Захожую слободу. — Не называй эльфийца эльфийцем.

— Да как же этих ушастых пройдох называть еще?

— Эльфариец, эль-фа-ри-ец, — медленно повторил Меркулов. — И еще вот что, откупори бутылку.

Витольд Львович чуть побрызгал горькую на рубаху, потом протянул орчуку. Как не любил Мих хинную, но пришлось сделать несколько глотков. Занюхал успевшей пропотеть рубахой и шумно выдохнул.

— А то пойдешь к эльфийцу с целой бутылкой. Лучше сразу сказать, что из полицейского ведомства. Ну давай, я здесь встану, а ты чуть что, возвращайся.

Витольд Львович постучал, и кучер остановил экипаж. Мих тяжело выбрался и закрыл за собой дверь. Это они удачно сюда свернули. И не проспект вовсе, скорее закоулок, далекий от важных домов. Да и в Захожую въехали ныне с другой стороны, от орков противоположной, дабы не допусти Господь чего.

Вышел Мих на одну из улиц, тут он плохо ориентировался, вроде Лаврушенская, и начал оглядываться. Эльфийцев, точнее эльфарицев, здесь было в избытке, но надобно было найти подходящего. Этому Витольд Львович тоже научил. Позыркал орчук по сторонам и заметил одного, безобразно толстого, со спутанными волосами, в грязной одежде. Хоть и

трезв, но по общим признакам болезненное состояние. К нему и направился.

— Эльфариец, не знаешь, в какую сторону дом аховмедской делегации, что с человечешками приехали мир заключать?

Сам бы так Мих никогда не сказал. О людском роде орчук никогда пренебрежительно не отзывался. Как бы плохи не были, так он часть их. И пусть говорят об орчьей крови, так и Терентьевская жила в нем есть. Но это Бог с ним. А вот как заметил Меркулов, сразу бы допустил промашку, назвав длинноухого эльфийцем, за что они уж это прозвище не взлюбили? И теперь, только он нужным приветствием обозначился, длинноухий ноги подобрал, осмотрел его всего, разве что глазами не раздел, уцепился за рубаху оттянутую, где бутылка схоронилась, да ответил.

— Недалече. А зачем же тебе, добрый сын Орды, эти козлоногие?

Про себя Мих усмехнулся — эльфийцы такие: и нашим, и вашим за копейку спляшем, но вместе с тем никого не уважающие. За глаза и его бы назвал зеленокожим болваном.

— Слыхал, работники им требуются моего размера.

С этими словами орчук нарочито медленно вытащил горькую, выбил пробку и сделал плоток. Глаза остроухого надо было видеть. Напоминал он купца, у которого разом решили скупить весь товар в небазарный день. Такая жажда в оном, жуть.

А ведь, кабы не эта злосчастная особенность, то стали эльфарицы первыми среди прочих и людей. В торговле и законному стяжательству равных им не было, в чем орчук сам убеждался. Но редко кто из длинноухих боролся с пагубной привычкой пьянствовать. Как они только не ополчались на нее. Слышал Мих, что в самой Эльфарии отворотные слова от зеленого зелья придумали, а еще поговаривали, вроде под кожу даже что вшивали, мол, выпьешь и умрешь сразу. Только помогало мало.

Говорили так же, что до того, как эльфийцам проклятушие люди брагу, водку и прочее паршивое пойло открыли, они и внешне были другие. Вроде как рослые, стройные да жили по сотни и больше лет. Конечно, может, и сказки, но Мих подобные рассказы одобрял. Потому что многие беды от попок происходили.

Были, конечно, и те, кто вовсе дьявольского пойла не употреблял. Такие становились первыми купцами, что в своем государстве, что в других. Только подобных эльфийцев было ох как мало, даже в Славии коробейничавшие любили и в православные праздники, и на шаманские, и на свои попить. В общем, ни одного знатного повода не пропускали. А бывали и такие, что без причины были горазды налакаться. Как этот вот.

— Так скажешь, куда к аховмедцам идти? Или, может, о самих что молвишь?

— Хорошему орку отчего не сказать. Только горло бы промочить.

Бутылка оказалась в цепких руках эльфийца, и тот неторопливыми глотками стал пить хинную, будто настойкой сладкой наслаждался. Миха аж пробрало.

— Хороша, — на четверть «пригубил» бутылку длинноухий. — Аховмедцы, говоришь. Не ходил бы ты туда, сегодня хотя бы.

— Отчего ж?

— Хмельных больно не любят. Палками поколотят или кнутом угостят.

— Да? Вот не знал, — удивленно почесал затылок Мих.

Врал орчук сейчас спокойно. Только дурак полный не слышал, что козлоногие резких запахов на дух не переносят, если только вино горячее, сладкое, так где его в Славии такое найдешь? В другой раз, перед другим прочим, может, и засовестился Мих так врать, но перед ним был эльфиец, к тому же самого дрянного пошиба.

— Смотрю, ты ничего, зря на эльфариЙцев наговаривают, — подал бутылку Мих.

Длинноухому только того и надо было, схватил и тут же снова приложился. Уже не такими большими глотками, да и выпил меньше.

— Почему же хороший эльфариец хорошему орку помочь не может. Тем более если это ничего не стоит, — язык длинноухого стал немного заплетаться, а глаза заблестели.

— Да я вот все думал, идти не идти, слышал, одного из них тут недавно зарезали.

— Было дело, — кивнул эльфиец, глядя, как Мих сделал глоток горькой (пить орчуку вовсе не хотелось, но Меркулов наказал себя не выдавать), — вечером шпагой проткнули.

— С чего решил, что шпагой-то?

— Так Элариэль убийца видел, — длинноухий получил бутылку и снова приклеился к ней, — говорит, шел козлоногий. Тут к нему в черном этот метнулся.

— В черном?

— Ага. Весь завернут, хотя погода видал какая. Ростом вроде из наших, только двигается очень уж странно. Вот, значит... — эльфиец удрученно посмотрел на хинную, оставшуюся на доньшке, — и глядит Элариэль, на груди козлоногова блестяло что. Потом уже понял, кончик шпаги наружу вышел. Ну и все... аховмедец завалился, захрипел, а этот, в черном который, юрк — и нету его уже.

— А походка у него не такая, будто подпрыгивает при каждом шаге?

— Я откуда знаю? — Эльфиец пожал плечами. Будь он чуть потрезвее, подивился, откуда орчук может знать, как убийца ходит, а теперь лишь отмахнулся. — Я ж не видел.

— Думается, влезли эти аховмедцы куда не следует... — подтвердил эльфиец.

За те несколько минут, пока они чесали языками длинноухий успел не только почти допить бутылку, но и довести себя до крайне непотребного состояния. Орчуку горькая была поверхностна, все же с его комплекцией упиться такой мерой тяжело, а вот эльфийцу даже с лихвой. Понял Мих, что разговор почти заканчивается.

— А где этот Элариель?

— Так в... Толмачевском и сидит... ик, прошу прощения. У крайнего дома, что на Никольский переулок выходит.

Мих оставил совсем уже осоловелого эльфийца и двинулся в нужном направлении. Заходяя Слобода жила своей размеренной жизнью. Ее обитатели, пришлые прочие, большей частью двинулись в город: на заработок, решать деловые вопросы или попросту, как некоторые эльфы, чиграшить. Хотя те называли это не иначе как «заниматься карманной выгрузкой лишнего добра». Опасался орчук, что и Элариель окажется не столь ленив, возьмет да отправится заниматься мелким воровством.

Но повезло, аккурат на углу Толмачевского и Никольского переулков стоял, облокотившись плечом о стену, эльфиец с самым вороватым видом, какое можно было придумать. Других представителей ушлого народа не было, потому Мих направился напрямиком к нему.

— Элариель, старый хрыч, еле нашел тебя.

— Может, для вас, орков, мы все на одно лицо, — презрительно ответил тот, — но для нормальных народов все же отличаемся. Да и как меня можно перепутать с Элариелем, у нас нос свернут, от вашего брата, кстати, глаз правый на половину всегда прикрыт.

— Да, обознался, — понял Мих, что перед ним явно не свидетель преступления. — А Элариель куда запропастился?

— В город ушел. Вечером будет или к ночи ближе.

Орчук удрученно покивал головой и, не прощаясь, поплелся обратно. Добрался до стоящего в отдалении купе, покрутил головой — никто ли за ним не наблюдает — открыл дверь и забрался внутрь. Витольд Львович терпеливо пододвинулся, хотя занимал не так много места, и Мих уселся. Сразу и без обиняков принялся рассказывать все, что удалось выведать.

Само собой, даром повествования, какой у господина был, орчук не обладал. Постоянно сбивался, запинаясь, подыскивая нужное слово, и вспотел с ног до головы, пока все поведал. После уже добавил, как столкнулся с закутанным в черное человеком (хотя человеком ли?) подле полицмейстерства.

— Интересно, — тихо стал рассуждать Витольд Львович, — стало быть, одно из двух: либо этот Инкогнито следил за нами до самого казенного учреждения, либо прибыл туда по своему делу. Тут тоже много странностей.

— Каких?

— Если он следил за нами, а такое возможно, интересовался расследованием, то зачем путался под ногами?

— Наушничал или стащить чего хотел.

— Не отвергаю эту версию, но мне она кажется уж слишком надуманной.

— Так почто ему в полицмейстерство наведываться?

— А вот это очень хороший и интересный вопрос. Помнишь, о чем сказал великий князь?

— Он о многом говорил, — уклонился Мих.

— Обмолвился Его Высочество, что Александр Александрович немолод уже, и всякая гниль могла прорасти. И это он явно не случайно, не выдумал.

— Думаете, убивец к сообщнику наведался, а тот из...

— Пока подозреваемый, — поправил его Витольд Львович. — Гоблинаруцы, охочие до всяких выдумок, создали особый закон, по которому, если вина человека или прочего существа не доказана, то он считается невиновным.

— Скажут — хоть стой, хоть падай. У нас в Славии половина таких аспидников тогда в колодки не посадишь.

— Ладно, оставим пока эту тему. Теперь к личности Инкогнито. Что ты можешь о нем сказать?

— Ну такой, — показал орчук на себе, — может чуть выше эльфийца. Походка у него странная, будто как козел скачет. Ну и, как говорилось, весь в черное обернут. О, еще тросточка у него была, такая худенькая, точно игрушечная.

— Трость? — заинтересовался Меркулов. — А ножны шпажные не заметил?

— Нет.

— Интересно, — затеребил подбородок титулярный советник.

Заметил за господином орчук привычку забавную — чуть задумается, так пальцам волю дает, а они, забавники, бегать начинают или перебирать, что под руку попадет.

— Мне интересно только, в чем заключается его особенность? Почему он так быстро исчезает и появляется, магия?

— Не дай Бог, господин. Вот уж чего не хватало.

— С другой стороны, слышал я, что у тех же гоблинаруцев есть особый вид войск, вроде наших филеров. Только там асы из асов. Могут не есть по несколько дней, появляться и исчезать в любое время, убивать одним движением.

— Неужто из них? — Больше удивился, чем испугался орчук.

Не сказать чтобы он тонких и маленьких гобливарцев боялся. Давно уже времена прошли, когда одною силою можно было любого одолеть. В Орде или Аховмедии, может, и по старым порядкам заведено было, но это там, куда зеленые коротышки соваться не любили. А в местах, гоблинцами излюбленных, те если не все, то многое могли в свою пользу извернуть. Против такого супротивника иной раз и не знаешь, что делать.

— Нам придется как минимум встретиться с этим Инкогнито, чтобы выяснить. Любезнейший, в Столешников переулочек, к полицмейстерству, — отодвинул шторку на раскрытом окне и высунулся Витольд Львович.

Купе ловко покатило по мостовой, проехало Захожую слободу и выбралось на набережную. Уже тут Мих почувствовал странный прогорклый запах, но виду не подал, мало ли чем может вонять от воды. Но чем дальше они ехали, тем горелый дух становился сильнее, пока наконец Меркулов, не обладавший восхитительным орчьим обонянием не подтвердил догадку потомка кочевников.

— Пожар!

С этими словами Витольд Львович высунулся из окошка и стал наблюдать. Орчуку, которому тоже было страсть как интересно, пришлось довольствоваться лишь затылком Меркулов. Впрочем, недолго.

— Любезнейший, останови, — послышался голос титулярного советника, явно обращенный к кучеру.

Экипаж вздрогнул и встал. Витольд Львович выбрался наружу, а следом вывалился и Мих. Огляделся — оказались они на Гончарной, местечке хоть и не дрянном, но мало живописном. С одной стороны, тут до Кремля рукой подать, с другой — строения сплошь худые, многие из них составляют кособокие склады, на которые плюнешь — развалятся. Конечно, стала сюда рука генерал-губернатора дотягиваться, те убожества, что ближе к центру города стояли, уже снесли, площадку расчистили и собирались там строить не иначе как добротные дома по последней моде.

Но вот остальные постройки, раскинутые без всякой последовательности и ума, продолжали угнетать взоры благороднейшей публики, которой, к слову, тут было не особо много (а что им тут делать?). Заняться огнем такому безобразию — даже стараться не надо, кинул кто папиросу возле сухой доски или опрокинул невзначай керосинку, и баста.

Мих не понял, что же именно произошло тут, ясно только, что умышленность злодейская — в противном случае не собралось бы столько служивых из его ведомства, полицейских то бишь. Немногочисленных зевак от пожара в сторону отодвинули, хотя уняли красного петуха довольно быстро (разглядел орчук среди пожарных знакомого дворянина, что у великого князя на обеде видел — Телепнев, кажется). Однако недолгое пламя оставило немалые разрушения: будто родилось в центре деревянных строений, проворно съело несколько зданий и, насытившись, успокоилось. Конечно, не без водной магии, по всей видимости.

Посреди этого безобразия стояли знакомые фигуры: Его превосходительства и сразу все три высокородия. Первого полицмейстера, уважаемого Константина Никифоровича, Мих знал; второго, того румяного в очках, видел раз всего, когда к князю ездили. А вот третьего, дюжего молодчика с пышными усами, широкой грудью и красивым мужественным лицом, видел впервые. Ну гусар, чисто гусар, под натиском такого ни одна женщина не устоит. Хотя форма у всех одинаковая, полицмейстеры и есть, ближайшие помощники Его

превосходительства.

— Витольд Львович, ты как тут?! — увидев вначале орчука, а потом уже подчиненного, крикнул обер-полицмейстер.

Господин не стал надрывно кричать в ответ, прошел по черной от гари земле и, уже оказавшись достаточно близко, сказал.

— Проезжали, из Захожей.

— А ты все с аховмедцем...

Голос Александра Александровича выразил всю ту небрежность, какую только мог. По всей видимости, смерть козлоногова действительно представляла не такой большой интерес для Его превосходительства, как нынешняя беда. Мих заключил по обеспокоенному виду обер-полицмейстера, что случилось тут нечто весьма неприятное. То бишь пожар он сам по себе мало хорошего несет, но тут было нечто большее.

— Ваше превосходительство, — подскочил тут городской старшего оклада, выглядевший немолодо да не особо внушительно, ростом даже ниже румяного полицмейстера в очках, но на груди серебряная медаль «За усердную службу», а подобная награда дорого стоит. — Старушка одна, что в хибаре неподалеку живет, говорит, что видела человека, отсюда шествовавшего.

— Понятно, что человека, или ты думаешь, я поверить должен, что только обнаружили все похищенное, а оно случайно возьми да вспыхни? Ты главное скажи, человек был пламенем объят или нет?

— Вот это неясно. Старая она, зрением слабая. По ее словам, вообще все вокруг в огне было.

— Толку нам от подобного свидетеля. Николай Соломонович, — обратился Его превосходительство к бравому полицмейстеру, которого про себя орчук все же стал называть «гусаром», — езжай до Павла Мстиславовича, вежливо, но настойчиво пригласи в Столешников переулочек. Нет, лучше сопроводи, скажи: к Александру Александровичу для срочного разговора.

— Ваше превосходительство, у нас и доказательств никаких против Аристовых нет, — вступился Константин Никифорович, — подумайте, каким скандалом дело обернуться может.

— Ой, да куда уж больше? У меня за спиной Его Императорское Высочество стоит и после каждого шага велит отчитываться. Езжай, Николай Соломонович, за Аристовым, езжай, а уже потом что-нибудь придумаем... Петр Андреевич, — это он уже к «румяному», — оставайся здесь, может, что найти получится еще или свидетелей найдешь.

Пока он это все говорил, заметил Мих одну странную штуку, которую Витольд Львович выкинул. Вот господин вроде стоял, стоял, а потом быстро, как не всякий человек может, наклонился да с земли что-то поднял. Точнее оторвал, запекшееся, в остов сгоревший вросшееся. Орчук разглядеть не успел, только понял, что малозначительная по размерам вещица, не более пяди, серая, сажей покрытая. Но то ладно, увидел что и увидел, но вот потом...

Сунул в карман, ловко, уверенно, как тать заправский, будто всю жизнь только тем и занимался. У орчука аж челюсть разинулась, и глаза на лоб поползли, а Витольд Львович на него взглянул и палец ко рту приложил, мол, помалкивай. Что тут оставалось?

Давеча, еще когда в трактир ходил, думал дорогой Мих, что прикипел вроде к господину. Тот без орчука, как человек из деревни несмышленный, первый раз в городе

оказавшийся. Еще подумал и о том, как сможет и закон преступить за Витольда Львович. Славийский закон он что — дышло: куда повернул, туда и вышло. Не всегда со справедливостью водится, порой наоборот. Главное — закон Божий, чтобы по совести жить.

Но теперь орчук смешался. Видел прямо сейчас, что непотребное господин делает, против совести и разума, да промолчал. Тогда и пропал. Кончился Мих как честный человек, как отцом воспитанный, не было его более. Может, стоило еще рот открыть, воспротивиться, да теперь Его превосходительство заговорил, к титулярному советнику обращаясь.

— Поедешь со мной, Витольд Львович, до полицмейстерства. Сейчас со всей этой кутерьмой разберусь, а потом вернемся к нашим баранам. А так с нами посидишь, человек ты неглупый, может даже, подскажешь что. Сейчас Аристова Николай Соломонович привезет, такой кордебалет начнется...

Взял Александр Александрович Меркулова, как доброго приятеля под руку, и повел прочь, после Константин Никифорович пошел, а уже совсем позади Мих. Причем орчук плелся с самым угрюмым выражением лица и твердым решением в ближайшее же время крепко поговорить с Витольдом Львовичем и объясниться.

Глава 7, в которой у Миха от всего происходящего кружится голова, а Витольд Львович проявляет себя с неожиданной стороны

— У, нечистая сила, натоптал-то, натоптал, бесстыжий, своими ножищами.

Поломойщица, старая высохшая бабка, яростно выжала тряпку и расстелила ее прямо перед Михом.

— Ноги вытирай, подлая душа.

Орчук послушался. Зря она так, ему самому совестно было. Хоть и не один он тут грязь развел, с того злосчастливого пожара людей хаживало порядочно, но свою осязаемую лепту внес. Не стал роптать или оправдываться, чужой труд Мих уважал, ноги вытер, а после еще и поднял, пока под ним вытирали.

Сидел орчук в приемной самого обер-полицмейстера, аккуратно напротив кабинета. Внутрь не пошел, там вдоволь людей важных набилось. Тем паче от постоянного хлопанья и беготни дверь не плотно затворили, и помимо того, что в щелочку многое видно, еще и слышно все в лучшем виде.

— И что теперь, каждый раз, когда красного петуха увидите, сразу на Аристовых будете думать? — Возмутился, причем, как показалось Миху, искренне, привезенный глава дворянской семьи.

— Павел Мстиславович, давайте не будем нервничать, — голос Его превосходительства звучал ровно, но вместе с тем твердо. — Поймите, надо мною сам великий князь, вечером все газеты трубить будут, что найденные сокровища Имперского музея сгорели при пожаре. Вынуждены отрабатывать все варианты.

— Могли бы попросту спросить, а не везти сюда. Не думали же, что убегу? Александр Александрович, — Аристов повысил голос, заметив, что его шутка не произвела должного эффекта, — побойтесь Бога, ну какой я преступник?

— Никто не говорит, что именно вы.

— Ага, но кто-то из моих, — даже смотря на спину дворянина, Мих понял, что тот улыбнулся, — нет, боюсь, что разочарую вас, Ваше превосходительство.

— Почему же?

— Потому что Аристовы ездили на званый ужин к Приклонским. Уж можете у последних спросить, они на память никогда не жаловались.

— Все ездили?

— Все, владеющие даром. Надеюсь, мои внуки-груднички вне подозрений.

Александр Александрович досадливо крикнул. Как понял орчук, не потому что Аристовы оказались не причастны к пожару, сколько по другой причине — он на виду не только у своих подчиненных, те будут молчать, а вот перед самым острым на язык аристократом сел в лужу. Последний этого точно не спустит.

— Прошу прощения, Павел Мстиславович, — совершенно бесцветным голосом закончил обер-полицмейстер, — Николай Соломонович проводит вас.

Аристов встал, слегка поклонился сначала Его превосходительству, потом каждому Константину Никифоровичу, пожал руку Меркулову.

— Честь имею, господа. Ежели что еще полыхнет, вы знаете, где меня искать.

Он вышел в приемную, скорчил рожу оторопевшему Миху и сопровождаемый «гусаром» направился к лестнице. Секретарь Его превосходительства, молодой прыщавый юнец, сидевший за столом в двух шагах от орчука, притворил дверь, но сделал это не очень прилежно, оставив ощутимую щель. Орчук встретился с ним взглядом, после чего служивый вдруг пошел краской, и потомок кочевников чуть не улыбнулся — так этот тоже подслушивает.

— И что же, спрашивается, за человек там был?

— Кто угодно, — ответил оставшийся полицмейстер, — я вот в цирке полгода назад видел, как один дуралей завернулся в несгораемый плащ, облил себя керосином и поджог. Потом скинул его, а на теле ни одной подпалины.

— Да и мало ли, могло померещиться старухе сослепу, — впервые подал голос Меркулов.

— Эх, что ни день, то загвоздка. Ладно, Витольд Львович, давай теперь ты рассказывай обо всем по порядку. Что там выяснить удалось?

Меркулов рассказал все в считанные минуты. Орчук слушал, восхищался слогом хозяина, но из головы не выходила та вещица, которую господин поднял. Будто жучок в голове какой появился и тревожит, и тревожит, мочи никакой нет.

— Ну это успех, Витольд Львович, какой-никакой. Всего и делов-то, теперь накажем филерам в Захожей этого Элариэля арестовать. Это так, чтобы подозрения не вызвать, — объяснил он Меркулову, — думаю, за этим эльфийцем грешков водится порядочно. Какие, говоришь, у него особые приметы?

— Нос свернут, и глаз правый на половину прикрыт.

— Не иголка в стоге сена, сыщем, Витольд Львович, будь покоен. Ты давай, бери своего Михайло, уж больно у тебя орк чудной, нам бы таких штук десять хоть помощниками городских низшего разряда, я бы во всех питейный быстро порядок навел. А потом народ и сам перестанет баловать, когда знает, что такая громила их... Эх, ладно. Нигде полукровок столько не возьмешь, да и там, — он показал пальцем наверх, — по голове не поглядят. Так, Константин Никифорович, давай трех филеров, выписывай на них бумаги, и пусть дуют на пересечение Толмачевского и Никольского. Увидят этого эльфийца — за шкуру и сюда.

— Будет выполнено, Ваше превосходительство.

— Ну и ладно, — тяжело поднялся обер-полицмейстер и подошел к окну, — теперь идите, идите, я немножко передохну и к великому князю.

Мих, когда Витольд Львович вышел, вскочил, призывно в глаза заглянул, но тот прошел мимо, даже головы не подняв. Так и вышли из полицмейстерства, пошли по мостовой в сторону дома, но опять же безмолвно.

— Господин...

— Позже, Михайло, — не слишком ласково оборвал его Витольд Львович.

Зашел за угол, и, потянув орчука за собой, побежал. Мих удивился, но послушно зашлепал босыми ногами по камням. Они завернули снова, и теперь Меркулов прижал его к стене, орчук даже удивился невиданной силе, появившейся в руках господина. Витольд Львович прижал палец к губам, после чего расстаял в воздухе. Потомок кочевников чертыхнулся, но стал ожидать.

Катила мимо телега, запряженная неухоженной кобылой, бок которой сильно покусали оводы. Шли с фабрики несчастные, с чахоточными иссушенными телами приписные

крестьяне, почти не поднимая ног и шаркая по мостовой худенькой обувкой. Ругалась непонятно на кого и неведомо за что зычным голосом баба в одном из домов, но по причине закрытости окон тщательно слова различить было сложно.

Обычная Моршанская жизнь, что разнится шумом в отличие от меры благонадежности района, но в целом никого не удивляет. Была, пока на соседней улице, с которой они с господином только свернули, не слышались звуки ссоры. Ни криков, ни причитаний, лишь возня, редкий стук и скрежет, что возникает лишь при драке.

Не удержался Мих, выглянул и обомлел. Стояли, вцепившись друг в друга, точно псы бойцовские, двое — титулярный советник в съехавшем на бок мундире и напротив него тот самый, Инкогнито. Плащ распахнут, под ним одежда вся такая же черная, сапоги из телячьей кожи, и лицо сплошь черное, в страшной гримасе застывшее. Не сразу понял Мих, что не настоящий облик это, а всего лишь маска. Только успел понять, как все понеслось с невероятной скоростью.

Рванул Черный Меркулова на себя, резко и сильно, развернулся, подножку подставил и бросил, как мешок с мукой. Но и Витольд Львович оказался не лыком шит. Даром что худой и нескладный, но все ж магия дворянская свою роль сыграла. Хоть и пролетел несколько шагов, но в конце перекувырнулся и на ноги вскочил.

А Черный ждать не стал, рванул трость на себя, и в его руке уже клинок оказался — тонкий, длинной полосой на солнце играющий. Только по рукояти серебряной в виде льва и черной палке в другой руке, догадался Мих, откуда Инкогнито эту шпагу вытащил. Тот же уже машет: влево, вправо, снизу. И малость роста своего компенсирует проворностью необычайной. А Витольд Львович увертывается, но все время совсем уж в последний момент — вот-вот проткнет его Черный.

Не стал дожидаться орчук плачевного исхода, рядом бочка стояла разохшаяся, может, для нужды какой или без дела, разбираться не стал. Схватил ее Мих да бросил что было сил в спину опасного незнакомца. И вовремя. Тот изловчился и в живот господина пнул. Мало того, что ногу высоко задрал, так получилось еще дюже сильно. Витольд Львович отлетел и о мостовую головой приложился. Глядишь, еще мгновение, подскочит злыдень да вопьется в него своей шпагой. Да только тут и долетела бочка Миховская. Ладно приземлилась, с громким треском на щепы разлетаясь.

Мощи в орчуке занимать не приходилось, Черный то на себе испытал. Растерял от удара и клинок, что о мостовую звякнул, и остаток трости полой от него, да сам отправился путешествовать кубарем еще дальше Меркулова. А Мих к хозяину сразу бросился.

— Вставайте, господин, вставайте.

— Не дай ему уйти, — схватившись за голову, сказал титулярный советник.

Поднял Мих голову, а нет уже никого. Люд прохожий только собираться стал. Смотрит, шушукается, кто-то негромко о городском говорит.

— Ушел этот Черный.

— Черт, — в сердцах выругался Меркулов. Он с усилием поднялся, подошел сначала к шпаге-трости, потому к «ножнам» и сунул клинок внутрь, после чего раздался щелчок.

— Вот этим, Михайло, он Логофета и убил. Пойдем, пойдем, народ-то, смотри, собрался.

Они не без труда протиснулись через толпу, кто-то, из особо ретивых, а может попросту нетрезвых, попытался остановить их, но увидев мундир Витольда Львовича, покорнейше отступил. Позади, вдалеке, не иначе как из самого Столешникова переулка, раздался звук

свистка — сейчас и городской подоспеет. Мих думал, что лучше уж дожидаться да объяснить все, но неведомая сила гнала Меркулова вперед, а орчук быстро шагал за ним по пятам.

Уже отойдя порядочно и еще несколько попетляв по улицам, Меркулов остановился в малолюдном проулке и согнулся, схватившись за грудь.

— Дайте я посмотрю, господин, — не требующим возражения тоном сказал орчук. Все недомолвки и обиды на Витольтда Львовича вдруг позабылись.

Расстегнул мундир и обомлел. Чуть ниже груди виднелся багрово-красный отпечаток ноги, будто прошелся Черный по Меркулову всей тяжестью своего веса.

— К врачу надобно, господин, — нахмурился орчук.

— Успеется, просто сильный ушиб, — высвободился Меркулов из крепких рук Муха и принялся застегиваться.

— Как же он вас так?

— У него на ногах какое-то странное приспособление, я слышал странный звук, когда он двигался, будто под большим давлением выходит пар.

— Да не про то я. Как ж он вас так? Я про дуэль не запомнил. А тут вы точно спящий были.

— Магия... — только и сказал Меркулов. — Я сначала невидимым стал, чтобы к нему подобраться. Заметил случайно, что идет за нами. Это сил много и отняло, потом когда драться стали, сам понял, что двигаюсь медленнее, да уже поздно было. Может то временно, пока полностью способностью Дашковых не овладею или всегда так будет, не знаю. Посмотрим. Меня другое интересует.

— Что?

— Он меня не убил. Было предостаточно возможностей, да и резвости ему не занимать, однако... Сдается мне, и не первый раз он за нами следит. Но и до этого никаких попыток не предпринимал.

— Ну так вы не вошь подзаборная, как-никак пристав.

— Брось, Мих, — орчук заметил, что господин его первый раз так назвал, попростому, — он Логофета, как свинью, зарезал, что ему какой-то пристав? Нет, тут нечто другое.

— Что же?

— Пока не знаю, но выясню, будь уверен. А пока...

Продолжать он не стал, лишь уверенно направился к оружейному магазину напротив. Зашел внутрь, и орчук последовал за ним. Лавка оказалась небольшого размера, да еще и темная, точно только и делали тут, что замыслили разночинные революции и заговоры.

— Орка с вами, Ваш благородие? — Неласково встретил их бородатый хозяин.

— Со мной.

— Скажите этому... чтобы оружие не трогал. У меня на их брата рука нервная.

Витольтд Львович нисколько не смутившись, повернулся к орчуку и, едва заметно улыбнувшись, проговорил.

— Михайло, хозяин этого замечательного заведения с некоторым предубеждением относится к оркскому народу, поэтому постарайся лишний раз не нервировать его.

— Хорошо, господин, — кивнул Мих.

Оружейник от такого представления разыгранного аж рот раскрыл, но Витольтд Львович быстро вернул его в конструктивное русло.

— Нужен револьвер.

Хозяин кивнул как старому знакомому, выставил руку вперед, дабы титулярный советник не продолжал, ибо он давно этим уже занимается и все понял. На прилавок были выложены четыре револьвера разного размера и калибра, после чего Меркулов продолжил.

— Недорогой.

Оружейник поморщился, но совсем неприметно, одним лишь уголком рта, и убрал два пистолета, после чего указал ладонями на товар.

— Славийский, — закончил Витольд Львович.

На прилавке остался лишь один огнестрел, самый невыразительный из всех четырех. Меркулов взял его в руку, вытянул ее, прицелился, покачал, а хозяин принялся нахваливать свой товар.

— Очень добротный револьвер. Вы же знаете, наши с западными не сравнятся, — начал он, но наткнувшись на холодный взгляд титулярного советника, да еще поняв по мундиру из какого он ведомства, поправился, — раньше не ровнялись, пока вот этот не появился. Не револьвер, сказка. Сорок четвертый калибр, пятизарядный, ударно-спусковой механизм самовзводный, по последней технике. Несколько отличий у него: например, ствол револьвера изготавливается отдельно от рамки, ввинчивается в нее с натягом, а потом гранится.

— Голтыковский, что ли? — Продолжал рассматривать пистолет Витольд Львович.

— Именно, — обрадовался хозяин, словно встретил старого друга, с которым можно хоть поговорить по душам, — великий мастер по части оружия. Слыхали о нем?

— Как не слышать? И сколько же стоит сие великолепие?

— Вообще девятнадцать рублей прошу, но вам уступлю за шестнадцать. Кобура к нему, опять же: натуральная кожа, новая. Все в цену включу.

Меркулов кивнул. Достал свое портмоне потрепанное, на которое стыдно смотреть было даже Миху, и зашуршал бумажками. Деньги у титулярного советника еще оставались, но орчуку, даже не заглядывая в кошель, стало понятно, что дело их труба. Сам Мих, знамо дело, отложенные деньги в потайной карман спрятал, на исподнем подшитый — самое надежное средство от воров. А дела Витольда Львовича давно уже и орчуковскими стали, потому к подобным внезапным и крупным расходам полукровка так ревностно относился.

— У меня к нему двенадцать патронов заготовленных есть, я вам так отдам, — высыпал содержимое хозяин на прилавок, — а ежели пороховница или капсули нужны будут, вы приходите, по своей цене отдам.

Мих не стал говорить, что порой «своих» так обдирают, что без штанов приходится бегать, но ему тут слова не давали. И так оружейник потеплел к господину, на том и остановимся. Витольд Львович кивнул, сказал, что «непременно зайдет, как только что понадобится», и они вышли прочь.

— Михайло, чего голову задрал?

— Лавку запоминаю, раз у нас теперь уступка здесь.

— И что? Далеко же от нас.

— Эх, господин, ничегошеньки вы не понимаете. За хорошей ценой можно и половину Моршана пешим пройти. Тем паче этот от службы всего в двух шагах. Ваше благородие, вы не говорили, что до оружия охочи.

— Да куда там, — усмехнулся Витольд Львович, пристегивая кобуру к поясу, — отец по отрочеству учил несколько раз стрелять. Общее представление имею, а так... — он неопределенно махнул рукой.

— Ну как же, сами сказали, револьвер голтыковский.

— Так на рукояти выгравировано «Николай Голтыковский, Суула», смотри, — продемонстрировал он Миху. — Я слышал только, что в Сууле оружейный завод открывали.

— Эк вы ловко, — изумился Мих, считавший в делах наживы хозяина давно потерянным, — три рубля отыграли у этого скопидомца.

— Да разве дело в деньгах? — Сразу разочаровал орчука титулярный советник. — Тут другое. Оружейник увидел во мне заинтересованного в своем деле человека. Отсюда и патроны выделил, кобуру вот справил. Сдается мне, за это мы бы отдельную цену еще выплатили. Да и не уверен я был, так, наобум сказал... Кстати, я бумагу у Его превосходительства запрошу, чтобы и тебе можно было револьвер носить. Купим побольше, под руку, генерийский или тризновский. Гоблинарские уж больно маловаты и дороги.

— Да Бог с вами, господин, какой мне револьвер, — смутился Мих.

В отношении к огнестрельному оружию орчук полностью оправдывал свое происхождение. К пороху, взрывам и выстрелам Мих испытывал животный страх, перемешанный с отвращением. Крепкие луки у кочевников распространенные, хотя многие и называли их подлым оружием, куда привычнее. А ежели взять в десницу топор или хотя бы секач кривой, что от плеча до бедра разрубает.

Конечно, в военном искусстве орчук не чета своим сородичам по матери был, папенька очень насилие не любил и всячески Миха от этого отваживал. Но пока в Орде жили, еще мальчишкой тренироваться пришлось. Ведь как у орков: только ходить научился, от титьки мамкиной оторвался, значит, копьё махонькое, детское уже держать может. Побольше подрастет, ему уже меч тонкий и затупленный носить можно. А уже позже, когда пройдет орчонок черную ночь и получит дозволение мужчиной называться, тогда и секач разрешается в руки взять.

Мих-то сам только до меча детского дошел, когда уехали. Почитай, уж сколько годов в империи среди людей прожил, а все равно прогресса всякого сторонился и к новому относился с большим предубеждением. Тем паче к револьверам. Неровен час еще в себя выстрелишь.

— Теперича куда, господин?

— Вообще надо Павла Мстиславовича навестить. Не удалось в полицмейстерстве с ним поговорить.

— Эй, извозчик, извозчик! — Мих поднял мощную руку, движение его было настолько уверенно и спокойно, что проезжавший мимо ванька не смог противиться орчуковской воле. — Прошу вас, господин, садитесь, — пропустил Витольда Львовича вперед, к пролетке.

— Любезнейший, — обратился Меркулов к мужичку с окладистой бородой и добротной одеждой, — отвези нас к особняку Аристовых, — титулярный советник не сделал паузу для ответа и спросил с некоторым нажимом, — или ты не знаешь, где это?

— Как не знать, Ваше благородие? — Возмутился ванька. — Домчу в лучшем виде, даже моргнуть не успеете.

— Вот этого не надо, — смотрел Меркулов, как орчук влезает в пролетку, — мы никуда не торопимся.

— Ловко, — вполголоса молвил орчук, как только они покатали вперед.

— Могло и не сработать, — ответил Витольд Львович.

Мих хотел еще что сказать, но тут Меркулов вытащил ту самую блестящую палочку

поднятую. Теперь и разглядеть ее получилось лучше. Неровная, оплавленная, будто из капель застывших. Цвета грязно-желтого, с кусками то ли грязи, то ли угля прилипшего. И что такого могло в этой безделице внимание Витольда Львовича привлечь, раз он скрыл ее да с пожара унес?

— Как ты думаешь, Михайло, что это такое?

— Не знаю, господин. Финтифлюшка какая-то.

— Вот тебе и финтифлюшка. Это, Михайло, между прочим, Перо-вольница. Именно им Его Величество Константин Александрович подписал резолюцию об отмене холопства. Времени, конечно, с тех пор немало утекло, почти полторы сотни лет.

— Вот так так, — только и раззявил в удивлении свой огромный рот Мих.

— Именно. Перо из чистого золота, инкрустированное бриллиантами. Видишь, — показал он на черные крохи.

— Так какие то бриллианты, угли обычные.

— Не вполне. Это графит, — поправил его Витольд Львович. — Его часто называют черным или серебристым свинцом, порой карбидным железом. Это больше от невежества. Но все пустое, важно не это. Совсем недавно эти частички графита были бриллиантами.

— Быть того не может. Вы уж, господин, не взыщите, но не бывает так, чтобы драгоценные камни в уголь превращались.

— В графит, — поправил Витольд Львович. — У бриллиантов есть такое свойство. Под воздействием высоких температур они меняют свою структуру... Хм, забыл как это точно называется, читал об одном гоблинарском исследовании. Если очень упрощенно, то нагрей хорошенько бриллиант, получишь графит.

— Брехня, — все равно не поверил Мих. — Это что же, теперь бриллианты и на солнце нельзя выставлять?

— Нет, ты не понял. Ни одного пожара не хватит, чтобы до такой степени нагреть бриллиант.

— Что ж тогда, магия? Прав был Его превосходительство, Аристов руку приложил?

— Либо магия, либо нечто, моему разумению неподвластное. Наука на месте не стоит, Михайло. В любом случае, я хочу поговорить с Павлом Мстислововичем. Не так глуп он, чтобы при всех полицмейстерах, да еще Его превосходительстве запираяться, прикрывшись Приклонскими. Это ведь и проверить легко, да и руку даю на отсечение, Александр Александрович так и сделает.

— Странно тогда. Огнем ведь только Аристовы и владеют. Но ежели не они, кто тогда? Меркулов лишь пожал плечами.

— Господин, у меня вопрос один.

— Говори.

— Нам же вроде не наказывали пожаром этим заниматься. Смотрите, как я понимаю, это же не шальное баловство, а все из ограбления того растет. А дело громкое.

— Молодец, Михайло, голова работает, — похвалил Витольд Львович, и орчуж зарделся, как маков цвет. — Только мы с тобой по полицейскому ведомству служим, значит, какова наша задача?

— Какова? — Переспросил Мих.

— Все преступления и любые лиходейства пресекать или искать виновных и их суду предавать.

— Так разве я против что говорю, господин? Истинно так. Только не наша же забота,

этим делом сам обер-полицмейстер занимается с господами.

— Есть у меня определенные подозрения. Но не хочу я ими раньше времени делиться.

И замолчал. Раззадорил, подобно девке распутной, что сначала подол подымает зазывно, а потом о целомудренности начинает разговаривать. Мих и так подступался, и эдак, а Витольд Львович отмалчивается или разговор в другое русло уводить начинает. «Смотри, Михайло, дом какой чудной, флигель как сильно выступает» или «о, мужики ссорятся, как бы до драки не дошло».

А орчуку и дела нет до диковинной архитектуры или свалки рабочих тюх. Они, допустим, каждый вечер друг другу носы расквашивают, а следом в трактире вместе и напиваются. А бывает, влезешь в такую драку, так еще с двух сторон тебя и отметелят. Хотя с Михом, конечно, едва ли сдюжат, но чем черт не шутит, пока Бог спит. Господь же эту часть Моршана явно стороной обходил.

Сам все удивлялся орчук, неужто и вправду в здесь Аристов живет? Непохоже как-то. От Кремля уже далеко отъехали, все приличные дома и особняки позади остались, даже купцов средних, коих и зажиточными назвать нельзя. Мироедов здесь немало, это тех, кто наемным трудом живет, но сами стараются рук не пачкать. Процентщиков и прочих заимодавцев тоже вдоволь, хоть топором головы их проряди (нашел несколько лет назад Мих обрывок толстого «Русского вестника», где и прочитал начало презабавной истории о молодом человеке, который бабу-лихоимщицу погубил, как раз древоколом. Чем кончилось, не узнал, на то журналы надо собирать, а уж куда ему. Но судя по названию, не ладным для парубка).

Уж думать начал орчук, не завез ли их ванька с дурной мыслью сюда? Но нет, сидит извозчик спокойно, без дрожи лошаденкой правит, нервно не оглядывается. Да и глупость это — никто подобным уж давно не промышляет. А уж двоих, да еще полицеских чинов, один из которых орчук размеров внушительных — только душевнобольной сподобится обобрать.

А когда вывернули на длинную широкую улицу, название которой Мих не знал, ибо сюда в жизни не заживал, то совсем успокоился. Тут видно, живут люди небедные, за каким-то лядом в эту глушь забравшиеся. Даже Никольская, что улица дрянная, все же ближе к Кремлю, нежели эта.

Извозчик остановил у одного из самых внушительных домов: крупного, в три этажа, с горящим светом почти во всех окнах. Видно, живут люди загадочные и денег ни на что не жалеют.

— Приехали, Ваше благородие.

— Сколько с нас?

Извозчик замаялся, явно накинуть хочет, понял Мих. Но ванька его удивил.

— Ваше благородие, а вы случаем не тот самый Меркулов?

— Что за тот самый? — Насторожился титулярный советник.

— Да поговаривают в народе разное. Приехал, дескать, с самых Пустынных земель дворянин. Из древнего роду. Быстрее собственной тени шпагу достает, пули у него заговоренные, за двести шагов человеку в голову попадает. А кроме того, — ванька взглянул мельком на Муха, — постоянно при нем орк ручной. Тот вовсе из Ойн-иды в младенчестве вырван, из ханского сарая, во время последней с войны ордынцами и самим Меркуловым в православной вере воспитан. Орк энтот силы недюжинной, подковы гнет, лошадей поднимает и шпаги руками ломает.

— Я Меркулов, но молва много чего лишнего приписывает, — улыбнулся Витольд

Львович. — Видишь, к примеру, Михайло явно старше меня. Как же я его воспитать мог?

— Так пусть не вы, — тут же нашелся ванька. — Сказано же Меркулов, может папенька ваш.

— Вот язык без костей, — вступился орчук. — Ну господин это, об нем и болтают. Я тебе больше скажу, и половины правды в том нет. На деле... он еще опасней, магией особенной владеет, что только приехал, так его сразу в полицмейстерство взяли.

— Михайло, — возмутился Витольд Львович.

Орчук пожал плечами и замолчал. Какая разница, пусть боятся. Лишнего страху мало не бывает. Раз уж они так приметны с хозяином стали, зато лишний раз подумает лиходея какой, прежде чем к ним лезть.

— Ладно, сколько с меня? — решил прекратить разговор титулярный советник.

— Да что вы, Ваше благородие. Нисколько. Бабе своей расскажу, что ныне самого Меркулова сvez.

По его горящим глазам было видно, что разболтает он не только бабе. Но Витольд Львович слова не сказал. Вылез вслед за Михом из пролетки и посмотрел, как извозчик, хлестнув лошадей, покатыл прочь.

— Михайло, тебя будто за язык клещами тянут.

— А что такого, господин, пусть болтают.

— Плохо, что болтают, — покачал головой Витольд Львович. — Мы с тобой по следственному и розыскному делу неприметны должны быть, — он окинул взором Миха, словно увидел его в первый раз, а потом добавил, — насколько это возможно. С другой стороны...

— Что с другой стороны? — понял орчук, что господин сейчас снова задумается и вовсе ничего ему не скажет.

— С другой стороны, как я понял, в Моршане забыли о причастности отца к заговору против императора.

Витольд Львович стукнул тростью о камень, точно в доказательство своих слов, и направился к входной двери особняка Аристовых.

Глава 8, посвященная разговорам о предательстве

— Франтите, Витольд Львович, — вместо приветствия усмехнулся Аристов. — Тросточкой обзавелись. Вам бы еще усики тоненькие, панателлу и мундир этот отвратительный снять. Зачем пожаловали, снова в полицмейстерство отвезете или сразу в каталажку?

— Что вы, Павел Мстиславович, я поговорить приехал.

— Если поговорить... — дворянин задумался буквально на мгновение, при этом взгляд его не стал менее озорным.

Первый раз Мих такого аристократа встречал. Обычно высокородные важные, ведут себя степенно, размеренно, будто своим существованием благодетельствуют каждому оказывают. Аристов непохож на них был. С виду не сказать, чтобы молод, на глаз шестой десяток разменял (хотя ни седой волосиночки, голова рыжая, огненная, точно пламенем объята), но душой вроде молодого человека. Даже Меркулов себя сдержаннее ведет, а Павел Мстиславович будто годов за спиной не чувствует. Даже в чем-то завидно орчуку стало.

— Ну заходите, раз так, — кивнул Аристов, хотя они и так стояли на пороге. Только лишь слуга после его слов закрыл за пришедшими дверь.

Особняк «огненного господина», как называли Павла Мстиславовича в народе, был менее внушительным, нежели у великого князя: большие залы здесь уступали место многочисленным комнатам, сменявшим друг друга; удобные и добротные бержеры заменяли вычурные резные кресла, на которые и посмотреть у Его Высочества было страшно, не то, что сесть; вместо люстр свечных множество широких подвесных чаш из меди (как догадался Мих с маслом), навреде церковных лампад, от которых и было основное освещение.

Прошли они через три комнаты и коридор, пока не оказались в кабинете Павла Мстиславовича. У Муха сразу глаза разбежались, с двух сторон, вдоль стен от дверей до самого окна стеллажи книгами забитые. И видно, редко ими кто пользуется, мало которые пылью не покрыты. Орчук недоброе про хозяина подумал, не любил он, когда к книгам поверхностно относятся. Роман ли какой с приключениями вымышленными, воспоминания чиновника, словарь али кодекс. Книга она и есть книга, много трудов положено, чтобы написать любую. Поэтому пыль ею собирать, какой бы дрянной не была, негоже.

— Зря вы, Витольд Львович, орчука этого за собой таскаете, — заметил недовольный взгляд Муха, который можно было принять за злобный, Аристов.

— А вы зря так о Михайле. Он хоть и оркской крови, но смирный, нашей, православной веры.

— Был у меня один такой знакомый полицмейстер в Сундыре, городишко не бог весть какой, небольшой, следом за Ижнегодью.

— Знаю, у южно-восточных рубежей, — кивнул Меркулов.

— Именно, почти у границы. Так в рассказывал, как в ближней деревне у них сеча произошла, между гусарами и кочевничьими татниками. Последние давно наших крестьян набегами тревожили. Придут из степей, разграбят и обратно, в Орду. Уж и ругались с ханами, и посол наш в Ойн-иду ездил, а те одно твердят — орки не наши, поймаете их в Славии, что хотите делайте. Так Его Величество и отправил на границу эскадрон гусар из знаменитого малославийского полка. Лучших из лучших. И повезло, в первой же заварушке

посекли орков — тех разбойничать не больше двух десятков вышло. Боле того, до поселения в самой Орде преследовали и его сожгли. Ни одного не оставили: женщин, стариков, всех под клинок. Дальше наших пленников освободили, среди которых бабы на сносях были. Знаете ли, любят орки позабавиться, им даже без разницы особой: зеленокожая или человеческой расы. Про других не знаю, а вот одна, когда ее обратно везли, аккурат в сундыре родила. От ребенка насильного она отказалась, да и уехала, а его, орчука этого, мельник взял на воспитание. Вроде жалко, какое-никакое, а живое существо. Как сына родного принял, покрестил, имя православное дал. Да сколько кочевника не корми, он все в степь смотрит. Пятнадцать лет мирно жили, а на шестнадцатый, возьми этот орчук, да вырежи в ночь обычным мясницким тесаком всю семью мельника, мой знакомец лично трупы свидетельствовал, и бежать в Орду. Такая вот история.

— И что, не поймали его?

— Сундырь верхом в дне пути от границы, а орки вы же знаете, как бегают. Конечно, сил много тратят, едят потом за троих, но дело свое знают. А уж с Орды выдачи нет.

— Навели вы страху, Павел Мстиславович, Михайло уж сколько лет тут живет, отец у него человек, воспитал лучшим образом.

— Волка овцой не сделаешь. Хотя, Витольд Львович, дело ваше. Но перед началом разговора я бы попросил вашего Михайло выйти.

— Мне совершенно нечего скрывать от него.

— А мне есть, — коротко ответил Аристов и орчук понял, что впервые за все время в его глазах нет намека на шутливость.

— Михайло, — обернулся Меркулов, но Мих сам уже все понял.

Тихонько вышел из кабинета в нечто, напоминающее гостиную. Заметил, что он тут не один, давешний слуга молчаливо стоял с канделябром, освещая свое и без того неприятное лицо. Хотел было Мих сесть, но потом подумал, вдруг не выдержит его кресло, да развалится. Нет уж, лучше отстоять на своих двоих положенное время.

На Аристова потомок кочевников не обижался. Чай, не парубок, кровь в нем давно от таких обидных слов не кипела. Ну судит по одному орчуку обо всех, подобное Мих не раз видел. И грехи ему чужие приписывали, и бранью частенько поливали, порой обидеть кто хотел. Однако ж хотеть и смочь — две большие разницы. А слова — пожухлая листва, иной скажет, а ветер и унесет.

Говорили долго, Мих уже затомился. Слуга, знай, стоит, не шелохнется, чисто статуя, а орчук к тому не привык. Ему бы хоть пройтись немного, да нельзя, не улица, чтобы тут тудыть-судыть шастать. От нетерпения и избытка внутренних сил стал Мих с пятки на носок перекатываться, но тоже недолго, пока пол под ним скрипеть не стал. Слава Господу, к тому времени уже и господин вышел.

Павел Мстиславович за ним шел на себя непохож: хмурый, молчаливый, нижнюю губу покусывающий. Довели их до самого выхода, после чего Аристов крепко руку титулярному советнику пожал и в глаза заглянул пристально.

— Благодарю вас, Витольд Львович, за сведения. Буду вам должен.

— Ну что вы, Павел Мстиславович, я это не из-за личной корысти сообщил. Вы меня на приеме у великого князя уберегли, лишь постарался отплатить той же монетой.

Бывший Аристов, что еще про орчука-убийцу рассказывал, съязвил бы или просто шутку какую отпустил, но нынешний лишь поклонился. На том и распрощались. Только дверь за ними закрылась, как Мих с расспросами к Витольду Львовичу кинулся.

— Господин, что вы ему такого сказали? На нем же лица не было.

Меркулов обернулся, посмотрел на окна особняка Аристовых и ответил.

— Пролетку поймай, по пути и расскажу.

Как назло, ни один экипаж не останавливался. Время уже было позднее, смеркаться стало, а здоровенный орчук, одетый как попало, особенной доверительности не внушал. Через четверть часа, когда совсем стемнело, сказал Меркулов Миху ближе к стене отойти, чтобы на мостовой не сверкал голыми пятками, и стал сам ваньку ловить. Двух минут не прошло, как они уже ехали по темным улицам Моршана, еле освещенным и начавшему жить по своим законам.

Шумели многоголосием питейные и таверны, нередко слышались звуки крепкой драки и свист городских, скрипели, запираясь, замки дворов, из-за ворот которых недовольно зыркали дворники. На Беловецкой встретил Мих и вовсе странную парочку — дородная баба, не менее шести пудов весу, тащила на себе пьяненького хлипкого мужичонку. Проспится завтра, посмотрит на лицо, женой разукрашенное, да пойдет в тяжелом похмелье дальше лямку тянуть.

Разошелся, раздухарился, раззадорился Моршан. Дышал на путников хмельным угаром, ворчал и переругивался, раскрыв окна ночлежных домов, стонал о новом, еще не наступившем дне и страдал. В диковинку было все Миху. Слышал он нелестное об этом районе, но ранее никогда и не подумал бы, что так все плохо. Да их же Никольская, где и ограбить могут, но не спяну, а по делу исключительно (и нечего по ночам по улицам шастать, тем паче хмельным). Тут же видно, что терзались люди от своей жизни и от своих мучений старались другим боль причинить.

Лишь когда Покровку проехали, стало все меняться. Освещение не в пример лучше, крики и брань почти прекратились, да и общество совершенно другого качества по улицам ходит. Даже ваньки тут не стараются быстрее проскользнуть, а чинно едут, благообразно. Только теперь Витольд Львович, все это время молчавший и думавший, вроде встрепенулся. Вроде внезапно от дремы пробудившись, и сказал.

— Я ему перо оплавленное показал. И сказал, где нашел. Мыслями своими поделился по поводу температуры, при которой бриллианты в графит превратились.

— А он что? — Весь подобрался Мих.

— Заинтересовался, — ответил Меркулов не сразу, тщательно подбирая нужное слово, — он не дурак, сам понимает, что и к чему.

— Дурно получилось, вроде как Его превосходительству сначала надо было о пере доложить.

— Так или иначе, но Александр Александрович завтра узнает о нем. А я выясню, через кого Павел Мстиславович вхож в полицмейстерство.

— Как это, господин?

— Завтра узнаешь. Интересно другое, как теперь себя будет вести Аристов. Как я говорил, алиби у него железное, но вместе с тем все, а теперь и главная улика указывает на него. Под ним, естественно, я подразумеваю его семью.

— Голова у меня пухнет, господин, от этих вывертов.

— И то ли еще будет, Мих. Чувствую, все тут очень запутанно. Ну да ладно, нам бы скорее Элариэля найти, да поговорить хорошенько.

И замолчал. Орчук пару раз пытался разговор продолжить — ведь что может быть лучше дорогой покумекать о том, о сем, тем паче с человеком интересным — да Меркулов

опять в себя ушел. Мих уже к раздумьям господина привыкать начал. Смерть как завлекательно у него все происходило. Сидит, думает, думает, думает и раз, мысль нужную нащупывает. У орчука лишь наоборот, чем больше размышляет на один и тот же предмет, тем сильнее голова болит, а выхода положительного никакого нет.

За тем и до дома добрались. Мих сначала в трактир сбегал, что подале находился. Слышал, будто там блюда вкуснее, хоть и дороже немного. Принес блюдо с презабавным названием беф-аля-строганов, на деле представляющий собой заветренные куски говядины, залитых странным соусом с запахом сметаны, захватил остатки судака орли-сомат и запеченного глухаря. Не будь так поздно, то и поболее выбрать можно, так же пришлось довольствоваться и оным.

Отужинали, Мих с аппетитом, а титулярный советник скорее рассеянно. После орчук за водой для умывания сбегал, легли. Полукровка соорудил себе нечто вроде топчана в столовой, тесновато, но ничего — крыша над головой есть, уже ладно. Лег, а сам прислушивается, как господин там кряхтит. Спрашивал, чего болит, тот отнекивается. Может, конечно, ребра после того удара повредил, так не сознается. Еще и револьвер новехонький рядом с собой положил, нечто опасается чего?

Накрутил себя орчук, настрашал опасностями мнимыми, аж сон прошел. Так и провел всю ночь вздрагивающе, только задремлет, как сон дурной пойдет. В нем Черный, тот, что в плаще, росту невиданного, вроде по улицам ходит и в окна заглядывает. И чудится Миху, что ежели взглядом с ним встретиться, то руку тот протянет и заберет с собой. Вот, снаружи звякнуло, от окна тень надвинулась, вздрогнул орчук, вскрикнул негромко и проснулся. Тихо в доме, на улице только кто-то уходит, торопливо, а так ничего. Его благородие спит, разбросал свои руки худые, лицо и без того полнокровностью не обладавшее теперь вовсе бледно. Эх, кормить его надо, да как следует. Да физической активностью нагрузить, только хитро подступиться, а не в лоб. Ну ничего, Витольд Львович хоть и умен, а пронырливости в нем чуть да маленько, не то что у Муха.

Лег орчук на другой бок, а сна нет. Так и ворочался до самого утра, точнее почти до самого. На рассвете, когда даже рабочие еще только глаз наполовину открывают и думают, что вставать скоро пора настанет, послышался шум шагов по лестнице, а позже и стук в дверь. Орчук на ноги поднялся и открывать пошел. Мысли недобрые, к самому плохому готов уже был, и зря, как оказалось. То гонец был, из их ведомства, совсем парнишка на вид.

— Добрый день, Его благородие дома?! — Рявкнул он.

— Дома, дома. Ты чего, балда, голосишь? Спит Его благородие.

— Не сплю, Мих, — послышался голос позади. Не иначе как Меркулов на ноги поднялся.

— Ваше благородие! — Вытянувшись и через плечо орчука обращаясь, пока тот медленно поворачивался, крикнул посыльный. — Вас Его Превосходительство, то бишь не так, простите... Его благородию, исполняющему обязанности пристава следственных дел по особым поручениям сысканого управления при Моршанском обер-полицмейстерстве приказано явиться к Его Превосходительству...

— Понял, понял, — махнул рукой Меркулов, позволяя посыльному перевести дух. — Как скоро?

— Немедленно, Ваше Благородие, — несколько смущено ответит тот.

— Одевайся, Мих. А ты, как тебя?

— Еремей.

— Беги наружу, поймай пока пролетку.

Странные ощущения обуревали Миха. С одной стороны, хорошего мало — вызывал их Его превосходительство ни свет ни заря не ради душевного разговора, с другой — наконец он смог в полной красе себя показать: в мундир облаченный, бляха на ремне начищена, новехонькие сапоги сверкают (хоть и жмут безбожно). Мало кто теперь окрикнул орчука грубо. Похож, ах похож Мих на служащего четырнадцатого чина. Захотелось даже нарочно на Никольскую вернуться, да показать себя, мол, глядите, кем стал, в люди выбился.

Но времени нет. Оделись, даже не поели, а ведь дурной знак на пустой живот начинать работать. Но делать нечего. Выбрались из дома, старушка-хозяйка вслед высунулась, однако ничего не сказала. А Еремей уже впереди пролетки рядом с извозчиком сидит. С ними, значит, поедет. Мих разве против? А Витольду Львовичу совсем без разницы, сел, вертит в руках трость отобранную, в себе копается. Хорошо, что безделицу взял, какая-никакая, а шпага. Да и револьвер в кобуре притаился, ждет своего времени. Не дай Бог, если придется им воспользоваться, но правильно, что о безопасности думает. Мих он хоть и сильный, крепкий, но против ружья какого или пистоля (у, подлое оружие) сделать ничего не успеет.

Домчали быстро. Моршан, еще спящий, представлял собой интересное зрелище — пустые улицы, молчаливые дома, даже дышать что ли чище стало. Не видал орчук раньше такой столицы, оно и понятно, куда ему ночью или с первой зорькой шастать? Слышал он, что некоторые студиозы водят барышень свободного нрава (это которых без компаньенок гулять отпускают) на Соколиную гору рассвет встречать. Но знал он, чем все эти прогулки заканчиваются. Мужская природа она нехитрая и определенных потребностей требует, а для этого и не таким соловьем запоешь.

В думах и к Столешникову переулку подъехали. Еремей даже вперед выскочил и дверь открыл, прыткий какой. А внутри уже затерялся. Оно и понятно, кому охота большая к обер-полицмейстеру идти в такой ранний час. Наверху, еще даже не входя в кабинет, почувствовал Мих как тревожно вокруг — сидело в приемной несколько полицейских чинов с землянистыми невыспавшимися лицами, готовыми к любой прихоти начальника. Чуть ли не вполз под стол прыщавый секретарь, да не доносилось ни звука из-за отворенной двери, хотя там, судя по всему, немало было народу.

Меркулов вперед пошел, а орчук заглянул лишь, так и есть: обер-полицмейстер и все три полицмейстера. Хотел схорониться, тут отсидеться, но Его превосходительство грозно рявкнул.

— И Миха своего заводи!

От окрика такого у орчука колени дрогнули, но делать нечего, зашел, коли уж не зовут даже, а требуют. Витольд Львович вперед вышел, не сел, хотя место имелось, стоять остался. Лицом потускнел, губы в нитку сжал, но взору не отвел.

— Почему, я тебя спрашиваю, мне сообщают, что на тебя нападают?! Не от тебя узнаю, а от людей чужих?

— Простите, Ваше превосходительство. Растерялся. Да и приложили меня сильно, поехал отлеживаться.

Обер-полицмейстер недовольно поглядел на Витольда Львович, но смягчился.

— Ну я смотрю живой, руки-ноги целы, — сказал он все еще сердито, но с меньшим нажимом. — Извини за резкость. Еще не ложились, со вчерашнего вечера ногах. Ищем этого... Хм, ты вообще работать можешь?

— Да, Ваше превосходительство.

— Ну и славно. А у нас тут такая штуковина... В общем, если в двух словах, то отправил давеча Петр Андреевич, — кивнул обер-полицмейстер на румяного подчиненного в очках, — своего человека к владельцу складов на Гончарной и вот, что выяснилось. Арендовал их странного вида человек. Лица его он не видел, из примечательного... весь в черное завернут и в руках у него трость черная.

— Вот эта, — продемонстрировал Меркулов Его превосходительству трофеем и тут же объяснился. — Досталась нам после вчерашней драки.

— Дьявол! — Выругался обер-полицмейстер и ударил кулаками по столу. Было видно, что он взбешен не на шутку. — Этот мерзавец ушел?

— Да, к сожалению.

Его превосходительству потребовалось время, чтобы успокоиться. Полицмейстеры, и прежде не отличавшиеся особенной разговорчивостью ныне и вовсе затаились, перестав дышать. Константин Никифорович подобрался, доблестный «гусар» — Николай Соломонович — по-детски вжал голову в плечи, а Петр Андреевич, до этого почти лежавший в кресле, сел прямо. И когда с лица Александра Александровича сошла краснота, ноздри перестали гневно раздуваться, а в глазах перестали сверкать молнии, Его превосходительство продолжил.

— Дело принимает совсем дурной оборот. Мало того, что этот Черный человек замешан сразу в двух делах, одно из которых громкое, так еще совершил нападение на пристава следственных дел, моего человека!

— Нельзя знать наверняка, человек ли это, — заметил господин. К слову, его голос звучал все так же спокойно, как и ранее. — Лица его никто не видел, рук тоже. Роста он меньше человеческого.

— Ну вряд ли он аховмедец, — усмехнулся обер-полицмейстер.

— Конечно, непохож, — согласился титулярный советник. — А это здесь при чем?

— Так с владельцем складов, тот который Черного описал, незнакомец расплатился золотыми аховмедскими монетами. Потому и вопросов никаких не было. Золото обладает силой затыкать любопытные рты.

— Покамест это ни о чем не говорит. Аховмедские монеты могли использоваться нарочно, чтобы мы связали ограбление и убийство Логофета.

— Слишком уж закрученно получается, ну да ладно. Может ты что в Черном заметил, шрам какой или особенность?

— Ничего, — развел руками Меркулов. — Вместо лица черная маска, даже рассмотреть не смог, темная одежда, плащ, трость... вот, — он продемонстрировал новое оружие, которое свободно вышло из ножен.

— Матерь Божья, так вот как он этого несчастного аховмедца загубил.

— Именно, — согласился Витольд Львович.

— И как нам теперь сыскать этого Черного злыдня? Конечно, по всем участкам и даже околоткам его приметы разослали, да только что там интересного? Всякого теперь, кто в черном плаще рыскает останавливать?

— Можно через Элариэля попробовать разузнать что занятное, — предложил Меркулов. — Или его еще не сыскали?

— Да нашли его, — скривился Его превосходительство, а первый полицмейстер при тех словах аж вздрогнул, — люди Константина Никифоровича обнаружили. Да только теперь вряд ли чего эльфиец расскажет. В морге тот Элариэль лежит заколотый.

Орчук заметил, как Витольд Львович так сжал кулаки, что те аж побледнели от отхлынувшей крови. Мих и сам понимал, дело теперь дрянь. Сели они, все они, в большущую грязную лужу. А как выбираться оттудова непонятно.

— Он в морге, Ваше превосходительство?

— А где ж ему еще быть? Истинно там.

— Если вы не против, я бы хотел взглянуть на тело.

— Да сколько угодно Витольд Львович. Я уж всякую надежду потерял. Чувствую, последние дни в должности отбываю. Делай, что хочешь, от меня тебе полный карт-бланш.

— Еще кое-что, Ваше превосходительство, — уже почти дошел до двери Меркулов, но вернулся. — Я тут на пепелище нашел кое-что, да в суете запомнил показать, так и езжу второй день, вот, — титулярный советник достал оплавленное золотое перо отдал обер-полицмейстеру.

— А вот это интересно, позвольте, — восторгнулся Петр Андреевич, что чуть не обронил очки. — Перо-вольница.

— Ну что нам с того? — Пожал плечами Александр Александрович. — Жалко, другого слова не скажу, потеряна вещь.

— Ваше превосходительство, посмотрите, — указал толстенький полицмейстер на черные камешки, — ведь ранее это были бриллианты, а теперь графит. Это может значить только одно... Витольд Львович, вы можете ехать, мы теперь сами разберемся.

Меркулов кивнул и вышел прочь, а орчук, даже не разгибаясь в челобитье, попятился за ним. Чувствовал Мих, что день будет суетный. Самое же мерзкое, что опять с беготни начался и поесть толком не успели.

Несколькими часами ранее

Ночная мгла окутала пристройку у дальнего выхода из полицмейстерства, как отчаянье окутывает потомственного дворянина, получающего менее двухсот рублей жалованья в месяц и пытавшегося одновременно с этим покупать новое платье и посещать приличные собрания. Главное учреждение, занимающееся именно тем, чтобы в темное время суток жителям Моршана жилось в высшей степени покойно, затихло и само. Редко где скрипнет половинца или застучат по лестницам сбитые каблуки фельдфебеля, но двое, пришедшие сюда в этот поздний, а скорее даже ранний час, все равно замолкали, прислушиваясь к постороннему шуму.

— Что ж ты, раззява, на глаза ему попался? Сказано тебе было, следить, не вызывая подозрений, — качнулась тень повыше.

— Магия, — только и ответил низкий собеседник.

— Магия, — передразнил его первый. — И трость дурацкую у тебя отобрал.

— Могу вернуть, — предложил низкий, — Меркулов силен днем, но когда-то даже ему нужно спать.

— Ага, не ровен час еще на орка его сторожевого наткнешься, чурбан ты эдакий.

— Большой, но неловкий, легкая цель, — как-то не слишком эмоционально ответил Низкий, будто речь шла о сорте копченой колбасы, — могу и титулярного советника сразу...

— Болван! Не дай Бог что с Меркуловым случится я тебя в порошок сотру. Нужен он нам еще для осуществления плана.

— Моему хозяину нужно только одно, чтобы святыня была переправлена Тарстоун.

Сколько людей или прочих погибнет при этом ему не интересно.

— Удила пусть твой хозяин закусит, да терпения наберется. После ограбления Императорского музея каждый корабль или дилижанс из Славии проверяются, а уж в столицу Великогблинарии тем более. Ждать надо, а пока святыня у меня побудет, ничего с ней не сделается. Будет дополнительная гарантия моей сохранности, ведь всей суммы я так и не увидел.

— Полностью всю сумму вы получите после передачи святыни, — голосом заводного болванчика, точно не в первый раз этот разговор уже был, ответил Низкий.

Высокий хотел возразить, но по улице проехал экипаж и он на всякий случай замолчал. Не хотел, чтобы даже посторонний прохожий, мимо шествовавший, бубнеж услышал (полностью речь тут разобрать трудно). А когда вновь стихло все, продолжил.

— Что по Витольду этому, выскочке, делать я тебе позже скажу. Он у меня еще хлебнет сполна. Но время нужно должно прийти. Чтобы все к мнению о нем сами пришли, без подсказок. А я уж зерно сомнений засею.

— Хорошо. Еще приказы будут?

— Будут. Есть эльфариец, Элариэль, нос свернут у него на бок и глаз правый наполовину прикрыт. Сидит обычно на углу Толмачевского и Никольского переулков, значитца, и обитает рядом. Видел он, как ты козлоногова убил. Понимаешь к чему я?

— Понимаю, нужно устранить.

— В самое ближайшее время. Прямо сейчас туда езжай, к утру, чтобы в морге лежал. Как ты его найдешь, кого распросишь и все остальное, меня не интересует.

— Ясно, — коротко ответил Низкий.

— Последнее... — Высокий замялся, точно размышляя, спрашивать или нет. Но все же сказал. — Я до конца только не понимаю одного. Допустим, влезть в Императорский музей это одно, но как обнести его смог? Там же вещей вдоволь было, один вытащил или помог кто?

— К делу это не относится. Мой хозяин наказал исполнять все ваши распоряжения, а как, уже неважно.

— Ну-ну, — хмыкнул собеседник. — Вот потому вас, гблинарцев, и не любит никто. Ясно никогда не выражаетесь, себе на уме.

— Я не говорил, что гблинарец, — сказал Низкий. — Мне идти уже, светать скоро начнет, или еще что сказать хотите?

— Иди уже, каверзник.

Странной, чуть подпрыгивающей походкой, выскочил во внутренний двор Невысокий. Ночь Моршанская хоть и звездная выдалась, луна вон тоже серебристым боком подсвечивает, а все же не удалось в нем ровно ничего разглядеть. Сам непонятный, человек или прочий, фигура в черное завернута, только пристальнее присматриваться начнешь, а он до угла дошел и юрк куда-то, будто и не было его.

Если б кто чужой подслушивал, шпик затаившийся или сам Господь Бог, то ожидал бы после, чтобы Высокий вышел. Ан нет. Заглянешь в пристройку, там пусто уже, только дверь вовнутрь неплотно затворена. Оно что значит? Что если и был кто здесь, то ушел через полицмейстерство. Может и вовсе не покинул его, а до сих пор там ходит.

Только Моршану к тому равнодушен, столица Славии спит беспробудным сном. И все равно ей, что тут заговорщики толкуют, что в полицмейстерстве человек с дурной совестью появился, что вскорости в Захожей слободе не самый честный эльфариец умрет. Безразличен

ко всему Моршан, не верит чужим слезам и горестям, впрочем, как и всегда.

Глава 9, в которой появляется призрачный шанс выйти на след Черного

Крепкий табурет под орчуком скрипнул, но с тяжелой тушей орчука справился. Вдохнул Мих, отер пот, по шее скатывающийся, — так часто бывает, когда с улицы раскаленной в погреб земляной заходишь или ледник, — и стал за хозяином следить. Витольд Львович снова марлю к лицу поднес, но вопреки духу (хотя вовсе и не смердит покойник, вполне ничего) близко подошел.

Элариэль лежал перед ним. Самый обычный эльфиец: руки рыхлы, ноги худы, живот по бокам растекся. Только кожа странно потемнела, но доктор (к слову, тот же, что и в прошлый раз) сказал, оттого, дескать, что кровь свернулась. Нос и вправду, как оговорено было, на бок скошен, заметно так, про глаз теперь не разобрать, оба закрыты. Сбоку, у сердца, прореха с застывшей темной юшкой. Но не аккуратная, как у Логофета была, а небрежная, развороченная.

— Удар нанесен сбоку, меж ребер, — точно услышал мысли Муха покойный доктор. — Могу предположить, что эльфиец спал...

Ну еще бы, хмыкнул про себя орчук, конечно почивал, ведь в комнате съемной его и нашли.

— ... но услышал преступника. Даже попытался сопротивляться, — зачем-то поднял он одну из рук мертвеца.

— Обломаны ногти, — констатировал Меркулов, поэтому заинтересованному орчуку даже не пришлось привставать, дабы рассмотреть что там да как, — он что-то держал?

— Нож.

— А в кулаке другом что зажато?

— Не знаю, Ваше благородие. Не смог раскрыть.

— Мих, — позвал Меркулов.

Скрипнул табурет, и орчук оказался на ногах. Вот нейметса им, только хорошо пристроился. Подошел, позыркал, языком даже поцокал, взял холодный кулак в руки.

— Только аккуратнее, не ломайте, — взмолился врач.

Справился орчук, не без труда, но разжал. Сцепил кулак покойный крепко, будто там бриллиант какой был, а оказалось, тю — тряпица. Даже вдохнул от разочарования. А вот Витольд Львович оживился, даже бинт смоченный от лица оторвал. Ветошь темную взял аккуратно, пощупал, понюхал и улыбнулся, как умалишенный. Потом переменялся, разговаривать стал сам с собой.

— Итак... я лежу, с левой стороны нож, — он сжал руку, — слышу, как кто-то залезает в комнату. Успеваю схватить незнакомца и ударить ножом, — короткий взмах, от которого даже доктор вздрогнул, — но не попадаю по нему, лишь удаётся полоснуть по краю плаща. Разрезаю его, небольшой клочок остается в руке и в следующую секунду меня убивают.

— Господь с вами, нельзя такое говорить, накличете, — забормотал Мих.

Витольд Львович на это лишь рукой махнул, дескать, прекрати, и стал клочок плаща исследовать. Щупает его, щупает, того и гляди дырку протрет. Потом к доктору мертвецкому подошел, руку пожал.

— Спасибо Альберт Карлович, мы пойдем.

Мих только удивился, когда только успел познакомиться? Вроде все время подле господина был, а имени доктора не запомнил. Но подумать не успел, в Меркулова точно дьявол вселился, ни минуты не может спокойно усидеть. Вот и сейчас, только был, а уже нет его, наружу выскочил. Неужто там интересное что? Тут и прохладнее, и не в пример тише. Нет, тянет его на пыльную улицу с раскаленным камнем. И не спросит, чего ж, ты Мих, мил человек, ходишь так медленно, вроде не торопишься, не жмут ли тебе новые сапоги? А ведь видит Господь, какие мучения орчук испытывал, каждый шаг с трудом давался, какая тут беготня?

Все ж пришлось подыматься вслед за господином. Служба есть служба, как бы тяжело она не давалась. Сразу дыхнул жаром и пылью разгоряченный проспект, закричали десятками голосов его обитатели, ударил в нос запах конского навоза и пота. А посреди всего этого «благолепия» стоит, скрестив руки на груди, Витольд Львович, смотрит вниз и улыбается. Глядит он на тот самый клочок, что Мих из цепких покойницких культипок вытащил.

— Зачем же вы его уронили, господин, это же, как его... слово такое интересное.

— Улика, — подсказал Меркулов, — и вовсе я его не уронил, а специально положил. Провожу следственный эксперимент.

Первое слово орчук понял — то, что к следствию относится. А вот на второе, с заумью которое, подивился. Даже в книжках отцовских такое не встречал, а у него они разностные были: и Псалтырь, и Библия, и Жития. Были и интереснее, к слову, тот же Загоскин, из наших, славийских, романы у него исторические отец читал, а вместе с тем и Мих. Или другой поэт, фамилию орчук запомнил, какой-то Ушкин, внук арапа, с катаяской кровью. Тоже весьма презабавно писал. Но никто из них никаких «экспериментов» не упоминал. А спрашивать вроде как неловко.

— И долго этот эксперимент... проистекать будет?

— Примерно минуту, — зачем-то задрал голову Меркулов, смотря вверх. Улыбнулся, хлопнул орчука по плечу, — солнце сегодня шпарит, а?

— Шпарит, — согласился Мих, — сладу с ним нет. Хоть бы туча какая набежала.

— Это как раз то, что нам нужно, — он подождал еще минуту и поднял клочок. — Потрогай, липнет к рукам?

— Нет, только раскалился, незнамо как. А должен липнуть?

— Плащи подобного покроя обычно делаются из натурального каучука. Распространены там же, где и придуманы, в Великобоблинии. Очень хорошо приспособлены для дождливой погоды. Однако есть одно но...

— Какое?

— В условиях Славии эти плащи оказались бесполезны. В жару они становились липкими, а в холод ломкими. Пока один замечательный ученый, дай Бог памяти, Гудьир, кажется...

— Гоблинарец? — Догадался орчук по диковинной фамилии.

— Наполовину человек, хотя да, живет там. Так вот, он экспериментировал, соединяя каучук с серой на открытом пламени, и заметил, что каучук не плавится, как обычно. Смекаешь?

— Серу обычно дьявольские отродья используют, — буркнул полукровка.

— Да ну тебя, Мих. В общем, этот процесс назвали вулканизацией, в честь древнего эльфариийского бога. Самое же важное другое — магазинов подобных новых плащей из

вулканизированного каучука совсем немного. Например, в Моршане всего один.

— Откуда вы все знаете, господин?

Вместо ответа Меркулов махнул рукой горланящему недалеке перемазанному мальчугану с огромной стопкой под рукой. Тот подбежал, еле вытащил свернутую газету и, сунув мелкую денюгу в карман, вернулся на свое место. Витольд Львович открыл ее не как обычно, а с последней страницы, побегал глазами, и, найдя необходимое, стал читать.

— Партнерство «Гудьир и сыновья». Плащи из вулканизированного каучука модели «Макинтош». Высокая прочность, удивительная эластичность, хорошая защита от дождя. Истринская 43, рядом с бакалейной лавкой.

— Высокая прочность, — хмыкнул орчук, — а эльфиец у него кусок оттяпал.

— Ну не против же оружия. Еще неизвестно, каков там нож был, тоже надо будет посмотреть.

— А откуда вы знали, что в этой газете весть о них будет?

— Внимательнее надо быть, Мих. Ты вот за мной газеты читаешь?

— Читаю, — напрягся полукровка, чувствуя, что его согласие в данном вопросе не приведет ни к чему замечательному.

— А меж тем «Гудьир и сыновья» уже с месяц в каждом номере объявление дают. Называется рекламная кампания.

Мих сурово насупился, но чего тут ответишь? Прав Витольд Львович. Сам орчук постоянно читал только любопытное, что по нраву ему. А Меркулов вон, не для собственного удовольствия каждое утро вдоль строк рыщет, все запоминает, светлая голова.

— Тогда прямо сейчас мы отправимся на Истринскую. Благо, в центре.

Хозяин взмахнул рукой, но вопреки ожиданиям к ним подкатил одноместный кабриолет с закрытой крышей. Орчук не знал, какой надо обладать задницей, чтобы поместиться на таких крохотных козлах, но у возницы, вроде, получалось. Кстати, о последнем. Слишком уж хорошо одет для наемного ваньки, да и лошадь у него добрая, с толстыми бокам, вся лоснится. Тем паче, на подобном экипаже много не заработаешь, сейчас все больше компаниями ездят, а не в одиночку.

Все-таки служба в ведомстве оставила свой след на рассуждениях. Прав оказался Мих, видит Господь, прав. Высунулась сначала румяная и знакомая физиономия полицмейстера, а следом заторопился появиться и он сам.

— Витольд Львович, хорошо, что застал, — блеснули на солнце очки Петра Андреевича, — боялся опоздаю. В учреждении поговорить с вами не удалось, а очень хотелось. Сами понимаете.

— Конечно, Ваше высокородие, что вам угодно? — спросил Меркулов, а правую руку, с клочком плаща, тихонько так в карман засунул.

— Давайте не на бегу, не люблю так, вон ресторация, можем посидеть, спокойно все обсудить, — кивнул он на злосчастный «Серебряный якорь».

— Видите ли, Ваше высокородие...

— Я плачу, — круглолицый полицмейстер проявил неожиданную твердость, — и не спорьте, не спорьте. Пойдемте. Арсенька, экипаж на другую сторону поставь. Михайло, вы не отставайте.

Последней фразой Петр Андреевич неожиданно вырос в глазах орчука так сильно, что встал в один ряд с немногословным Константином Никифоровичем. Все же их, полукровок, да еще и с ордынской кровью тут мало кто жаловал. Более того, Его высокородие предложил

отобедать (на Меркулова в этом отношении надежды совсем никакой, готов с пустым брюхом весь день скакать), и пусть к заведению этому после того случая Мих симпатий не питал, однако не мог не отметить, что кормят тут отменно.

Заняли они два столика, точнее господ сели за один, а Мих придвинул к ним второй. Заметил, что намного расторопнее стали халдеи. Только им слабого вина принесли для аперитиву, тут же следом подали легкие закуски: язык говяжий, ветчину, пирожки разностные. Меж едой и разговор спокойнее пошел.

— Под Александром Александровичем кресло шатается, если вы понимаете, Витольд Львович, о чем я, — отпил вина полицмейстер, оттопырив мизинец, — великий князь гневается, расследование все никуда не приводит. Конечно, благодаря вашей находке, мы вновь проверим Аристовых, более подробно, но думается мне, выпутаются. Не такого малого ума Павел Мстиславович, чтобы подставиться. Если так, то дело об ограблении зайдет в тупик.

— Я все спросить хотел, Ваше высокородие...

— Полно, Витольд Львович, — прервал его собеседник, — можно просто Петр Андреевич, одному делу служим, по одному ведомству проходим.

— Так вот, Петр Андреевич, я все спросить хотел, что за ограбление? Чего похитили ценного?

— Да в том вся и странность, что преступники попались хм... своеобразные. Будто шальные по музею пробежались, а ведь там богатств хватает. Взять тот же скипетр первого из рода славийских царей или тиару императрицы Елизаветы. А ведь все там же, в соседних залах. Конечно, попадалось порой что ценное, то же Перо-вольница, но в основном так, — Петр Андреевич махнул пухленькой ручкой.

— Действительно странно.

— Это лишь начало. Сразу же после описи пропавшего, пожаловал в полицмейстерство сам великий князь и наказал найти и вернуть все в ближайшее время. Грозил, что в случае чего, передаст дело жандармерии. Хотя какой интерес у третьего отделения к ограблению? А потом этот пожар... К слову, там и оставалось всего ничего, украденное почти полностью уже перенесли к нам на склад.

— Но как я понимаю, после пожара великий князь не перестал гневаться.

— Более того, у меня сложилось впечатление, что даже найди мы виновных, это не улучшило бы общего настроения великого князя. Понимаете, к чему я веду?

— Из Императорского музея похитили нечто ценное, возможно, даже не в материальном плане — нахмурился Витольд Львович, — а после, когда обнаружили украденные вещи, преступники имитировали пожар.

— Иными словами, замели следы, — кивнул Петр Андреевич.

— Будто бы та самая вещь была уничтожена в пожаре.

Мих, к тому моменту начавший слушать так внимательно, что позабыл о пирожках, вдруг забылся, увлекаемый запахом заливного поросенка. И смог вернуться в разговор двух господ только после того, как ему положили сие великолепие на тарелку.

— Я высказывал свои мысли Его превосходительству и коллегам, но особого успеха не имел, — грустно вздохнул Петр Андреевич, пробуя поросенка, — тем более, думается мне, не все в ведомстве заинтересованы в успехе раскрытия ограбления.

Он замолчал, немного закусив, а после, поняв, что Витольд Львович не намеревается задавать вопросов, продолжил.

— Именно, по этому поводу я и хотел с вами поговорить. Знаю, что вы много общались с Константином Никифоровичем, он любимец Его превосходительства... — полицмейстер выждал паузу, отерев уголки рта салфеткой, и вновь потерпел поражение. Спокойствию Витольда Львовича можно было позавидовать, — но вряд ли вы знаете, что он частый гость в доме Аристовых.

— Знаю, Павел Мстиславович об этом недавно обмолвился. Рассказал историю которую ему поведал полицмейстер из Сундыри. Право, не знаю, откуда ли перевели Его высококорodie, но предположил что...

— Правильно предположили, — перебил собеседник, — его Александр Александрович из Сундыри вытащил, к себе приблизил. А этот провинциал себе на уме. Раньше-то в любимцах Николай Соломонович ходил, — Миху вдруг почудилось, что Петр Андреевич слишком увлекся аперитивом, прежде, чем принесли закуски, — еще бы, дворянин древней фамилии, герой войны с ордынцами.

— И давно Константин Никифорович с Аристовыми дружит? — Прервал его Витольд Львович, пока захмелевший полицмейстер не ушел совсем далеко.

— Уж года два как.

— Вместе с тем Аристов не сказал ему о моем визите.

— Простите? — Появилась морщина на круглом лбе полицмейстера.

— Я наведалься давеча к Павлу Мстиславовичу, имел с ним интересный разговор. Рассказал о пере.

— Зачем?

— Хотел развеять подозрения. Думал, что Его превосходительство вызывает меня именно по этому поводу, ожидал неприятной беседы, но Аристов не поделился итогами нашего разговора. А это наводит на размышления.

— Что он виновен, — заключил Петр Андреевич.

Мих совсем не каждую мысль успевал ухватывать, а тут еще вкусности такие перед ним (только-только принесли знаменитый страбургский или «нетленный» пирог, которого никогда в жизни пробовать не доводилось). Но все же начинало складываться у него ощущение, что эти двое друг друга очень хорошо понимают, как говорят в народе, с полуслова. Один начинает, другой подхватывает. Оно и понятно. Витольд Львович умнейший человек, Петр Андреевич тоже не дурак, чурбаны даже по протекции высокой в полицмейстеры не выбиваются.

— Очень все странно, — подпер кулаком Меркулов щеку, — Павел Мстиславович выглядел слишком уверенным в своей правоте. А стушевался лишь, когда я о пере ему рассказал и продемонстрировал его.

— Действительно непонятно, — отложил вилку Его высококорodie.

Миху бы тоже оторваться, господа сидят, смотрят друг на друга, точно без слов толкуют, один орчук ест. Но не мог полукровка остановиться. Чувствовал, как живот пухнет, тяжело под сердцем становится, но продолжал чудный пирог есть.

— Прошу прощения, Петр Андреевич, нам ехать надо, — поднялся на ноги Меркулов, кланяясь.

— Полноте, Витольд Львович, вы же почти ничего не ели.

— Нам пора, надо еще много чего сегодня успеть.

— Ну что ж, тогда не смею задерживать, — едва склонил голову Петр Андреевич, — в случае чего, можете быть уверены в моей поддержке.

— Шпашибо, Ваше вышкородие, — с набитым ртом проговорил Мих.

— Всего доброго, — усмехнулся полицмейстер.

Выбрался из ресторации орчук неторопливо, как инвалид с войны пришедший. Натертые ноги болят, набитый живот к земле тянет, в голове неразбериха полная. Ковыляет, сам пирог дожевывает, а Витольд Львович (магию родную применил, что ли?) бричку уже поймал и рассказывает, куда ехать надо. Пришлось поспешать.

— Мих, не толкайся.

Сели, орчук в самом благодушном настроении, Меркулов напротив, подобен грозовой туче: брови сдвинуты, губы сжаты, лоб нахмурен. И буркнул даже, вроде как, неодобрительно.

— В последнее время все ко мне в друзья набиваются.

— Разве то плохо? Добрый друг лучше ста родственников.

— Если это и вправду друзья, — ответил Витольд Львович, — пока же все больше видимость. К примеру, тот же самый Петр Андреевич.

— Согласен, хоть человек учтивый да самых расприятных манер, но промеж него у меня опасение существует, — сказал Мих медленно, еле дыша от всего съеденного.

— Аристов свои услуги предложил, великий князь товарищество практически навязал, теперь этот Петр Андреевич. Все время мне кажется, что я маленькая муха, находящаяся в большой паутине. И идет игра на жизнь, а я единственный, кто правил ее не знает.

— А что вы, господин, про Аристова говорили. Будто проверить его хотели?

— Я подозревал, что у Аристова существует определенная сила в нашем ведомстве, а он нечаянно проговорился о Константине Никифоровиче, сам того не подозревая. Вот и сделал ход. По моему разумению, он должен был рассказать все своему другу, а уже полицмейстер поведать все Его превосходительству. Так бы я выяснил про связь Павла Мстиславовича и Константина Никифоровича.

— Как мудрено, черт ногу сломит в ваших думах, — восхитился Мих, хотя по причине забитости живота сделал это не вполне чувствительно.

— Но вышло все совсем по-другому. Аристов не сказал.

— Значит, не друзья они вовсе.

— Или дальше надобно смотреть. Не сказал, потому что чувствует за собой прегрешение. Перо — доказательство вины его лично или семьи, не важно. Но оно сработало. Он испугался.

— Глупо. Вы же все равно сказали бы Его превосходительству.

— Аристов это понимал. Единственное, что он мог выиграть, это время.

— Все равно глупо. Если по разумению вашему идти, то следует, — поднял палец вверх орчук, — как только такое произошло, сразу же рассказать своему другу в полицмейстерстве. Рука руку моет.

— Верно мыслишь, Мих, а вот тут начинаются предположения. Если мы все додумали правильно, то почему Аристов так не сделал?

— Потому что глупец.

— Павел Мстиславович кто угодно, но уж точно не глупец. Давай думать вместе. Он не говорит первому полицмейстеру, потому что, — тут Витольд Львович поднял указательный палец, — ни такие уж они и хорошие товарищи, как нам все говорят. Но это версия так себе. Либо, — к указательному персту присоединился средний, — дело касается семьи. Нет, не так, дело касается Дара семьи. Куда даже ближайшему другу входа нет. Ну или, — поднял

Меркулов безымянный палец, — тут имеется в виду, что произошедшее не проступок, а серьезное преступление. Против царя, членов его семьи или Славии. Не зря же за делом пристально наблюдает великий князь.

— Эй, аккуратнее ты там, шельма, не поленья везешь! — Крикнул орчук извозчику после очередного крутого поворота. — Думается мне, влипли мы, господин, по самые уши.

— Я примерно такого же мнения. Но теперь ничего не попишешь, придется расхлебывать.

Остаток пути проехали молча. Витольд Львович занятый думами и встревоженный разностными загадками. Мих, обуреваемый всеми несчастиями своего грузного тела, начиная с натертых ног, заканчивая набитым животом, старался устроиться поудобнее. Он хоть и понимал всю тяжесть их всеобщего положения, в данный момент был занят более насущными проблемами.

Истринская, как и приличествует центральным улицам, встретила их чинно: редкой, но дорогой публикой, высокими чугунными фонарями, чистыми стеклами лавок, украшенных разноцветьем вывесок, и хорошо выметенной мостовой. Дорого в таких местах жить, не каждый себе может позволить. И магазинчик, даже самый крохотный, открыть тоже больших денег стоит. А такой, как у «Гудьира и сыновей» вовсе немислимого состояния: в два этажа, стоявший отдельным зданием, с огромными прозрачными витринами, отмытыми до такого состояния, что было видно собственное отражение.

Миху даже робко стало заходить туда, благо Витольд Львович никаких сомнений не чувствовал. Он расплатился с извозчиком и лишь мельком глянул на все великолепие (хотя, как думалось орчуку, сразу подметил все детали) и направился к двери. Тренькнул колокольчик, пахнуло прохладой, и они вошли внутрь.

— Добрый день, — приветствовал их человек в дорогом костюме-тройке.

Низенький, плотный, точно из теста дрожжевого сбитый, с лысой макушкой и короткими волосами по бокам, широким носом, щеткой усов и большими губами. Позади него еще двое подчиненных. Их тщательнее разглядывать смысла не было, но самое престранное для себя Мих заметил — все люди. А уж он-то ожидал встретить гоблинарцев.

— Здравствуйте, меня зовут Витольд Львович, я исполняющий обязанности пристава следственных дел по особым поручениям сыскного управления при Моршанском обер-полицмейстерстве.

— Если вы не против... — Омрачилось приветливое лицо толстяка этой нерадостной новостью.

— Конечно, — достал Витольд Львович гербовую бумагу и отдал на минутное изучение.

— Прижницкий Карл Дмитриевич, управляющий магазина, — поклонился толстяк. — Чем обязан? Неужто кто из моих оболтусов...

— Ну что вы, что вы, — поспешил успокоить его Меркулов, — мы хотим лишь поговорить. Посмотрите, — он вытащил клочок плаща, — может, существует какой-нибудь способ опознать плащ по его остаткам?

— Позвольте, — протянул ручку Карл Дмитриевич, — мы, конечно, не всеильны, но кое-что рассказать могу. Плащ «макинтош», с острова, старой модели. Ему не меньше года-двух.

— Жаль, я думал, что, может, его приобрели в этом магазине и вы могли бы мне рассказать кое-что о покупателе.

— Нет, смотрите вот на эти бороздки, здесь и здесь, — показал он что-то Меркулову, —

так уже не делают. Старая модель. Нашему магазину всего несколько месяцев и производство у нас по новой технологии, сами понимаете.

— Тогда надежда только на то, что он придет чинить плащ к вам, — сделался Витольд Львович мрачнее тучи.

— Сделаем все в лучшем виде, — заверил его Карл Дмитриевич, — возьмем плащ к себе и сразу вам сообщим. А вы уж, когда злоумышленник забирать придет, тут как тут. Мы честные люди, Ваше благородие, имперцы, за Славию.

— Что ж вы тогда на гоблинарцев работаете?

— А жить как-то надо. Мы же не против своего государства. Напротив, хорошим и качественным товаром своих же соотечественников снабжаем. Конечно, дворян в основном и богатых особ. Они нашу продукцию для охоты и прочего развлечения берут.

— Почему у вас тут одни люди работают, ни одного гоблинца? — Встрял Мих.

— Менталитет, — поднял палец вверх управляющий. — У нашего брата товар берут с большой охотой, нежели чем у гоблинарцев. Хотя есть у нас... — глаза Карла Дмитриевича вдруг приобрели испуганно-удивленное выражение, он хлопнул себя по лбу и тихо забормотал. — Да что же это я, голова дырявая. Чуть не отпустил вас, а самое важное не сообщил, — он повернулся к одному из помощников, — Игорь, за Яриком сбегай. Пусть сюда сию же минуту поднимается, — и тут же принялся объяснять Витольду Львовичу, — Исключительной полезности человек, — при последнем слове он смутился, но ненадолго, — почти человек.

— Почти? — Изогнул бровь Витольд Львович.

— Полукровка он, из гоблинарцев. По отцу, знамо дело. Прельстил коварный черт служанку одну тут, и ищи ветра в поле. Она родила, Ярославом нарекла. Потом у нас с женой прислуживать стала. Баба хорошая, хоть и глупая, какая еще на ласки гоблинарца согласится? Ну теперь делать нечего, ребенок какой есть, а ее. Да и парень неплохой, рукастый, все может, умеет. Может, и вправду у них это как передается по крови. Взял его к себе, чинит, латает, вот эту вот оказию, — показал он на клочок плаща, — в миг бы починил, даже не заметит сторонний человек потом, что порвано было. Ко всему прочему глазастый...

Послышался звук шагов, и в магазин с заднего входа вошли двое — давешний прислужник и полукровка. Редко, но видел Мих полулюдей-полугоблинцев, и этот почти ничем от них не отличался. Уши вытянуты, но не вверх, как у эльфийцев, а в бок и более широки, нос крючком, хотя не такой длинный, как у сородичей, цвет кожи бледно-зеленый, будто хворь одолела, и пальцы морщинисты. Но в целом, лицом больше в мать похож — глаза лучистые, человеческие, разве что немного испуганные.

— Ярослав, тут Его благородие из обер-полицмейстерства по одному делу к нам зашел. И, возможно, будет ему интересно послушать о том человеке, которого ты видел у Мглинского вокзала.

Полукровка глубоко вздохнул, поди уж накрутил себе всякого ужаса, пока шел сюда, но и теперь страх не сразу его отпустил. Начал, чуть запинаясь.

— А я ничего не делал. Домой просто шел. Я всегда домой хожу. В смысле, дорогой той...

— Не волнуйся, — улыбнулся Витольд Львович, — какой дорогой?

— По Краснокаменке. Мимо Мглинского вокзала. Ну знаете, это не сам вокзал, не заходя, но его видно.

— Знаю, — кивнул Меркулов.

— Ну вот, — ободрился полукровка заверением титулярного советника. — Шел домой, а впереди он. Вот так...

— Кто он?

— Человек в плаще, — вмешался управляющий.

— Не человек он вовсе, Карл Дмитриевич.

— Так, всем молчать! — Выставил руки перед собой Меркулов. — Никому не перебивать, а ты рассказывай, все подробно. Почему не человек?

— Сам он небольшой, с меня. Хотя для гоблинарцев рост редкий, они ниже. И походка у него презабавная, как у кузнечика.

— Будто подпрыгивает? — Спросил Меркулов.

— Ага, — кивнул Ярик.

— А с чего решил, что гоблинарец?

— Так по плащу, Ваше благородие, — полукровка уже совсем перестал робеть и начал активно жестикулировать, помогая этим своему рассказу, — плащ у него наш. То есть, не нашего магазину, а фирмы нашей, вот. Только такие уже не делают, модель устаревшая. А подобный только в Великогоблинарии купить можно было. Потому и заинтересовался.

— Хорошо, хорошо, а может, ты видел, в какой дом этот субъект зашел?

— Так никуда не зашел. Он дальше, по Краснокаменке отправился, а я на Нижесовскую свернул.

— И давно было?

— Четвертый день пошел, Ваше благородие.

— Спасибо, Ярослав. Ты нам очень помог, — пожал десницу удивленному полукровке Витольд Львович, — и вам, Карл Дмитриевич, спасибо.

— Можете на нас положиться, — энергично затряс протянутую руку тот. — Ежели явится этот супчик, мы сразу к вам посыльного отправим. Вы по фамилии, Витольд Львович, будете...

— Меркулов, — ответил титулярный советник, и все в магазине затихли, будто название рода следственного пристава обладало неведомой силой.

Мих даже спросить хотел, чего это они так удивились? Может, тоже слухи об опальном дворянине знали? Но не успел. Закричала баба с улицы так, как могут лишь голосить простые славийские бабы, раздался чудовищный грохот, послышался звук битого стекла. Орчук с Меркуловым лишь переглянулись и, не сговариваясь, выбежали наружу.

Уж сколько всего Мих перед жизнью видел и ко всему был готов (по крайней мере, ранее так ему казалось), но увидеть такое — либо горькой перебраться надо, либо с ума сойти. Однако ж глаза не ввали. Пока думал, как поступить, Витольд Львович уже с места сорвался, да помчался вперед, как только он умел, а орчуку что делать? Хоть и страшно, но грех господина бросать, пришлось следом срываться.

Глава 10, в который Мих испытывает страх, потом звериную ярость, но заканчивается все самым благополучным образом

Много ходило разговоров о кровавом и варварском нраве аховмедцев. Будто козлоногие кровь убитых в бою врагов пьют, провинившимся рабам сердце вырывают и заставляют других слуг его есть сырым в назидание, а между собой, на дуэлях, лбы до кости разбивают. Болтали люди, чай язык без костей, но орчук ко всему относился пренебрежительно, любят у нас мужики не меньше баб брехать. Порой и такие попадают, что дня не проживут, если не соврут.

И о следующем выдумки хватало балаболить. Дескать, существуют аховмедцы больше обычных. Тоже считалось, что пустозвонство. Хотя вон, глаза не врут. Стоит, бешено очами вращает, крушит все, что под руку попадает. Больше обычного, росту сажени два, не меньше. Мих против него овца беззащитная, одними копытами козлоногий затоптать может. Витольд Львович и вовсе комарик. Крутится подле, тростью угощает, так разве огромному аховмедцу есть вред от подобного битья? Благо, прыть у господина удалая, а то бы раздавил постыдный козлоногий. Почему постыдный? Так голый весь, лишь ключья одежды на нем висят растянутые и порванные, будто в один миг рубаха мала стала, стоит, ирод, срам даже прикрыть не думает.

Все то Мих на бегу обдумывал и подмечал, но чем ближе, тем туманнее в голове. Вот окажется сейчас рядом, делать что? Бросить бы чего в козлоногиего, да под рукой ничего путного. Так ударить? Не почувствует даже. Головой влететь со всего маху в грудь? А что, башка у Муха крепкая, хоть молотом кузнечным по ней бей, авось и опрокинется копытный.

Сказано, сделано. Пара последних шагов получилась размашистыми, ладными, да и сам Мих не пушинка, полетел лучше пушечного ядра. Ударил так, что любой другой, будь даже орк, наземь опрокинулся бы без чувств, да в себя потом не один день приходил, а этот лишь отступил назад немного. Тут же орчука за ногу схватил, да отбросил в сторону, припечатав в стену дома.

Лежит Мих в потрескавшиеся камни запрокинутый, голова шумит, но вроде живой и понимает все. Витольд Львович меж тем уразумел, что дело принимает серьезный оборот, револьвер вытащил да направил в ногу аховмедцу-переростку. Бах-бах-бах. Хорошо Миху, непугливо, звук точно из воды до орчука доходит, а то бы зажмурился от страха. Три раза успел Меркулов выстрелить, но и козлоногий исхитрился, ловко толкнул копытом. Да еще не туда, где господин находился, а в то место, где оказался. Так тревожно Витольд Львович вскрикнул, что у орчука внутри все оборвалось.

Смотрит на аховмедца и не видит уже гиганта опасного, лишь обидчика своего хозяина, своего друга. Заклокотала внутри Муха злость, захрустели пальцы, в кулаки складывающиеся, забурлила кровь кочевничья. Сам не знал, как рык звериный вырвался, но спустя время понял, не лежит он уже опрокинутый, а на ноги поднялся и орет нечто невразумительное. Аховмедец даже внимание на него обратил, огромный шаг вперед сделал, потом второй. А Мих уже сам с места сорвался и в бой ринулся.

Козлоногий усмехнулся, и ничего хорошего эта кривая гримаса не сулила. Даже

наклонился и руку вперед выставил, намереваясь орчука, как клопа мелкого, схватить и раздавить. Только Мих уже и не Мих вовсе был, а ордынец настоящий, уверенный, сильный, ловкий, тот самый, которого так долго отец в нем душил. Под самыми пальцами завалился орчук на задницу, проскользил на ней и тут же вскочил. Сжал запястье аховмедца, который только-только руку начал поднимать, да со всей злостью рванул на себя, на месте кругнувшись.

Охнул козлоногий, оступившись, ртом воздух хватанул — единственное за что мог уцепиться — и полетел. Правильно говорят, чем больше шкап (причем, ежели еще высокий, из добротного дерева да с тремя полками), тем громче падает. И тут так вышло. Откуда силы в руках столько взялось? Непонятно. Но полетел аховмедец. Не воспарил, разумеется, а скорее как жирный гусь, в испуге растопырил конечности и плюхнулся на мостовую.

Хрустнула спина, о булыжники приложившись, вырвался стон из могучей груди. А Мих уже рядом. Выписал оглашенному на орехи, ладонью пощечину простую отвесив, что рука заболела. Да и звук получился сильный, сочный, будто меч с размаху щит поцеловал. Хотел еще добавить, да аховмедец тут же глаза закатил, забился в судорогах и убывать телом стал, по чуть-чуть, пока обычное состояние не принял.

Лежит голый козлоногий в лохмотьях, нога подранена, только следы от пуль крохотны, точно прутком стальным плоть потыкали. Рядом фонарь почти полностью вывороченный, осколки от стекол побитых, пара стен домов в самом удручающем состоянии и мостовая вокруг разбитая — знатно потоптался тут своими копытами. А Мих разгоряченный, кровь так и бурлит, мышцы буграми вздулись, сила выхода наружу просит. Тут как раз за плечо его тронули.

Уже разворачиваться для удара начал, но голос услышал. Мало того, что знакомый, так еще говоривший на смутно знакомом языке.

— Диш ара.

И вся злость с орчука ушла, будто листьями по осени на землю опала. Руки тяжестью свинцовой налились, все лишние мысли в голову вернулись, и вдруг понял он, что теснота сапог никуда не делась. Поворотился на месте, так и есть, стоит перед ним титулярный советник, взгляд встревоженный. Точнее был, пока глазами с ним не встретился, тут он выдохнул облегченно.

— Не говорили вы, господин, что на ордынском речуете.

— Не сильно трудный язык. Иноземцы говорят, Славийский намного сложнее.

— В ссылке выучили? — Догадался Мих.

Меркулов вместо ответа кивнул. А потом внимательно посмотрел на орчука и молвил.

— А ты не говорил, что берсеркер.

— Да что вы, какой берсеркер, — заволновался орчук, — по маменькиной линии да, были у нас берсеркеры. Но через женщину то не передается.

— Доводилось мне, Мих, берсеркеров видеть. Не самое приятное зрелище, безумные воины. Их даже сами ордынцы боятся. Сам же знаешь, далеко не каждый орк берсеркером становится. Предрасположенность к тому должна быть. Но ты берсеркер, в этом сомнений нет. Видел, как ты аховмедца перебросил, точно пушинка он стал. Сила, ярость, быстрота. Но вместе с тем не было в тебе жестокости, не набросился на него, разрывая на части.

— В детстве случались у меня припадки, — признался орчук, — тогда папенька и научил с ними справляться, пережидать, о приятном думая, спокойном. А после и вовсе на нет сошли, благодаря смирению.

— Хм, первый случай применения концентрации берсеркера, — задумчиво пробормотал Меркулов, — мы обязательно обо всем это поговорим подробно, но не сейчас. Пока же об орчем даре никому, ясно?

Орчук кивнул. Говорить уж не стал ничего, тем более люди набежали: пара городских, точно из-под земли выросших, толпа зевак, одетых прилично, явно из местных жителей; лавочники, приказчики и сами купцы, до того благоразумно бурю переживавшие. Все стоят, галдят, благо совсем близко не подходят, опасаются.

— Любезнейший, — обратился к ближайшему городскому Меркулов. — Как вас величать?

— Тарас, Ваше благородие, — отозвался кряжистый пожилой усач.

— Так вот Тарас, меня зовут Витольд Львович, я...

— Да знаем мы кто вы, — глянул тот на второго городского, и последний утвердительно кивнул, — по орке вашей поняли. У нас в ведомстве один вы только такой.

— Тем лучше. Поднимайте этого молодца и давайте до Столешникова переулка. В арестантскую определите, доложите кому надо. Пусть уж решают, что с ним делать.

— Ваше благородие, не ровен час он опять, того этого... взбунтует. Мы ведь рядом были, когда этот... ну того... Точно на дрожжах расти начал, одежда на нем порвалась, потом буйнить пошел.

— Нет, аховмедцы магию крови не могут часто использовать. Теперь несколько дней точно без сил будет. Тащите его без опаски.

После слов титулярного советника городские осмелели, подхватив козлоногого, который стал только-только приходить в себя, и поволокли прочь. Их сопровождали одобрительные окрики честного люда, мол «покажите, голубчику» или «всыпьте ему там, по первое число», и вовсе даже уничижительные по отношению к аховмедцу. Витольд Львович не стал любоваться зрелищем, в отличие от того же орчука, напротив, потянул последнего за рукав, указав в один из проулков, предлагая тем самым удалиться.

— Нам еще на Краснокаменку наведаться.

— Да Бог с вами, господин. Тут такое творится, а вы, знай, все о Черном печетесь. Посреди бела дня аховмедец магию крови применил. Я, к слову, даже думать не думал, что они подобное могут.

— А что, им не запрещено, — пожал плечами Меркулов, — другое дело, если закон нарушают. Теперь судить будут аховмедца, а он, судя по размерам, не последний прочий.

— Так у них это все от ранга зависит?

— От происхождения. Хотя в какой-то мере и от ранга. Только аховмедец с богатой родословной может занять серьезный пост. Но к магии крови расположены все.

— Это ж получается, у них каждый так может?

— Каждый, — кивнул Витольд Львович, — только эффект будет различным. Обычные аховмедцы всего на пару пядей укрупняются, знатные воины на несколько ладоней, а вот подобные... ну ты видел.

— Странно, что раньше я о том не слышал, — удивился орк. Он замолчал, догоняя Витольда Львовича. Они вынырнули из проулка на широкую улицу, гомонящую и шумящую, потому Миху пришлось сравняться с господином, чтобы не говорить в спину и не ронять порожние слова ветру на потребу, — всегда говорили, что козлоногие лучшие воины, но никто о магии крови не замолвился ни разу. Точнее говорили, что есть у них секрет, но тонкостей никто не раскрывал.

— Насколько я понимаю, — сказал Витольд Львович настолько уверенно, что можно было принимать его слова за истину последней инстанции, — магию крови они используют очень редко, в самых крайних случаях. Поэтому, если уж ты увидел ее, есть большая вероятность, что там же и умрешь, никому о ней не рассказав.

— А этот чего ж тогда? — указал назад Мих.

— Не знаю, но уверен, что у него были явные причины так поступить. Может, почувствовал угрозу своей жизни или...

Тут Витольд Львович остановился как вкопанный. Орчук, реакцией господина не обладавший, еще пару шагов сделал, и только потом на месте замер. Проследил за взглядом титулярного советника и лишь макушку почесал. Вот дела.

Посреди улицы, немало затруднив движение наемных экипажей и телег, двигалась целая процессия. Мих насчитал аж семь городских и одного фельдфебеля. Выглядели служивые неважно — кой у кого мундир порван, у некоторых синяки свежие, кровью наливающиеся, у одного рука и вовсе перевязана обрывками тряпок, видно, знатно повредил. А сопровождали служивые парочку прочих, цокающих копытами по мостовой и гневно поглядывая вокруг. Одежда вся порвана, срам болтается, привлекая внимание женского пола (они вроде как и отворачиваются, но уж больно неохотно и не могут сдержать усмешки), руки веревкой связаны. Аховмедцев на лица орчук не различал, да и похожи они больно — у всех морды хоть и человечьи, но слишком вытянуты. Будь тут один козлоногий, сказал бы, что это тот самый, их. Только каким-то чудом та пара городских обогнула два квартала (если только бегом бежали), да тут появились. Но аховмедцев было двое, а их, Михом оглушенный, в ногу с револьвера подраненный, прихрамывать должен.

— Это что ж, взбесились они все, господин? — Спросил он Меркулова.

— Вот если бы один магию крови применил по неосторожности, одно дело, — задумчиво ответил Витольд Львович, — а трое уже как минимум странно.

— Точно сговорились, вот бесовское племя, — кивнул Мих.

— Точно сговорились, — повторил титулярный советник. То ли подтверждая слова орчука, то ли попросту задумавшись. — Ладно, пойдем.

Краснокаменка была буквально в двух шагах. Только самый дремучий иноземец не знал, почему серенькая и невзрачная улица, пусть и вытянутая, как кишка, имеет такое название. В темное время, когда к власти пришли семь самых влиятельных бояр, сторонников царя привели на повинную площадь. Нет, не повесили и не умертвили другим повинным способом, а били кнутом с шипами. Хотя, как Мих считал, лучше бы порубили — и то сострадательнее к людям отнеслись, все равно большее число погибло от пыток таких. Тех, кто выжил, отпустили, но лишь с тем условием, что покинут они Моршан. И пошли сирые, еле ногами шевеля, падая и не всегда поднимаясь. По богатой длинной улице, прозванной Знаменской, по той причине, что через нее возвращались войска в город.

А уже после, когда прошла сотня-другая, Мих не знал, сколько мучеников там было, вышел честной люд, ранее от греха спрятавшийся, и ахнул. Вся кровью залитая стала улица, что с сирых не каплями ронялась, а рекой лилась сквозь кожу треснувшую и мясо порванное. И закончила свою историю богатая Знаменка и начала невзрачная Краснокаменная или попросту Краснокаменка. Уж сколько лет прошло, а с тех пор в лучшую сторону для нынешнего места мало что поменялось.

Бежали отсюда дворяне и купцы, страшась улицы с дурной славой. Говорили, дескать, призраки здесь появились — днем ходят по Краснокаменке, а ночью в дома пробираются, да

во сне тебя душат. Проснешься, а на груди тяжелый будто кто сидит, вздохнуть не можешь, только ртом подобно рыбе воздух хватаешь. Мих в то не верил, он своим умом так думал, раньше тут магазинов да лавок много было для проходящего богатого люда, а как молва недобро гудеть о Краснокаменке стала, так народ разбежался. Один за одним стали сюда перебираться аршинники похлипче, а потом и вовсе обычный люд — рабочие, мастеровые, подсобники.

— Итак, — размышлял Витольд Львович вслух, шагая по серому камню проклятой улицы, но орчук ловил каждое его слово, — Черный ушел куда-то дальше поворота на Нижесовскую, по Краснокаменке. И это очень даже хорошо.

— Чего хорошего, господин? — Не удержался Мих и вмешался в рассуждения титулярного советника, — Краснокаменка, почитай, одна из самых длинных улиц Моршана, почти до самого выезда тянется.

— Я не к тому. Он прошел Нижесовскую, значит что?

— Что?

— Не направился к трем вокзалам, следовательно, уезжать не собирается.

Они как раз прошли видневшийся за согбенной двускатной крышей домика шпиль Мглинского вокзала. Мглинского, это значит, на Мглин который, то есть на запад. Мимо Старобеда и Трубчевска. Подле него ютился не такой помпезный, еще старой постройки, вокзал Таркийский. Тут тоже немудрено догадаться, что от названия селения Тарки, тот совсем на юге, в землях покоренных горцев. Дорога туда длинее, чем до Мглина, да и города все старые, как говаривал папенька красивые: Владмиро-Волынский, Святой Крест Кумь, Байлан. Еще далее, ежели от двух вокзалов отойти, растопырился во все стороны, дома ближайšie притеснив, самый огромный из всех вокзалов — Столепольский. От него, коли захочешь, так можно почти до самых восточных кочевников добраться, до Сундыри, то есть. Иные к Оленску ездят, Сибирь посмотреть, пушнину побить, да много ли чего, но тянет туда людей. Кто попросту подальше от Моршана, но не то чтобы в глушь — пожалуйста, Столеполь али Ижнегодь.

Ходили слухи, что хотят и железную дорогу на север от Моршана проложить, а через то и вокзал построить, но Мих считал, баловство все это. Да, поговаривают, что после Хемии уже к Пудогге подъезжая, места диво какие благолепные становятся, будто человеком или прочим нетронутые. Но ради того, чтобы озерами и лесом любоваться дорогу строить? Дурость да и только. Хворых на всю голову в Славии испокон веков с лихвой хватало. К примеру, еще в прошлом веке один из профессоров — мудрейшая вроде бы голова — донимал Государя Императора с идеей поставить к северо-западу от Моршана, дабы выход к Виллейскому морю был, город-заставу. Подумать только — селение на болотах! Да и делать там что? Ладно бы враг какой у Виллейского моря был, так дальше им Дрежиния владеет, а те издревле славийскими союзниками являлись.

— То есть, — вернул Меркулов Муха на грешную землю, — он остался в городе. И скорее всего, шел к себе домой.

— Все равно место для розыска довольно обширно, — брезгливо переступил Мих через кошку, что терзала дохлую крысу внушительного размера.

— Это уже не весь Моршан, — парировал Меркулов, — а если хорошенько поразмыслить... Так это и есть та Нижесовская?

Мих кивнул, с сомнением взглянув на узкую сточную канаву, на которую Витольд Львович указывал. Тяжко приходится полукровке, коли он тут живет. С одной стороны,

вроде и центр почти, но близость Краснокаменки делала свое дело. Судя по всему, хватало тут всякой швали, среди коей воры и пьяницы не самые последние люди. Жалко. Уж сколько раз орчук видел, что не место красит человека. К примеру, заехал к ним прошлой весной купчишко один, вроде завещание огромное получил. Таким быстро богатеть нельзя, дурные становятся.

На Никольскую понятно за каким лядом полез — через два квартала дома веселые, с женщинами павшими, с компаниями задорными. Ездить недалече. Да и стал своих новых друзей потихоньку в новое жилище перетаскивать после походов, вино игристое пить, кричать, один раз даже из револьвера стреляли (уж Мих тогда испужался). А народ на Никольской хоть и невысокого происхождения, простой, в общем люд, но себя отстаивать умел. Подступились сначала мужики так, поговорить по-доброму, но купчишко оказался непонятливый. И трех дней не прошло, как подкараулили его, да бока намяли. Тоже без зла, не во хмелю, не сломали даже ничего. Побежал было жаловаться к околоточному, а тот из никольских же. Руками только развел. В общем, съехал этот балагурник. Слышал потом Мих, что, вроде, пырнули его в трактире каком-то, а может, и не он был.

— Нижесовская. Тупиковый переулок.

— Так, знаешь, что нам надо?

— К Его превосходительству, может, отправиться? Рассказать ему все, а? — взмолился орчук.

— Успеется, — лишь отмахнулся титулярный советник. — Нам надо... о, вот.

Витольд Львович указал на ближайший трактир, из которого, точно по условленному сигналу как раз вывалился забулдыга, оглядел окружающее мутным взглядом, явно вспоминая где находится, и направился вниз по Краснокаменке.

— Господин, ежели вы поесть хотите, видел я, что при разговоре с Его высокородием вы к поросенку почти не притронулись, так лучше не тут. Можно попредпочтительное заведение найти, чем энтот трактир.

— Мих, нельзя же все время о еде думать, — отмахнулся титулярный советник и направился к зданию.

Орчук вошел внутрь за господином и понял, что с «трактиром» это он погорячился. Скорее уж кабак дрянного пошиба: полы грязны и липки, столы и из ссохшихся старых досок в разводах, свет тусклый, хотя окон много, да и день на дворе. Повсюду совсем пьяные или попросту хмельные тела. Хотя нет, трактирщик — дюжий толстый мужик с кучей, словно подпаленной, бородой, оказался трезв. Побуравил глазами сначала господина, потом Муха, причем на мундире и сапогах задержался, покумекал нечто, да все же подошел.

— Что Вашему благородию угодно будет?

— Стол, вон тот, у окна, что на улицу выходит, — указал Меркулов.

— Ваше благородие, не извольте гневаться, но у нас тут публика невысокая, из мужиков простых... — замялся хозяин.

— Да, — согласился Витольд Львович, — из тех, кто посреди белого дня пьет. Я вижу. А в чем проблема?

— Вам может здесь показаться скверно. Кухня не Бог весть какая, да и из напитков выбор невелик. Через четыре дома «Интересное место», трактир не в пример лучше нашего. И человеку вашего круга там предпочтительнее будет.

— Нет, благодарю, здесь останусь. Или у вас есть, что скрывать от полиции? Незаконное, к примеру?

Хозяин торопливо замотал головой, всем своим видом говоря: Господь с вами, верой и правдой служу Государю Императору в меру сил и возможностей. А Мих про себя хмыкнул. Уж слишком испугался трактирщик того вопроса, да и ответил прежде, чем господин вопрос свой закончил. Как есть водятся за ним грешки. Нечистого на руку человека от добропорядочного орчук отличить умел.

— Тогда вон за тот стол, будьте любезны, — повторил свой жест Меркулов.

Хозяин мотнул бородой, крикнул полового, худого вихрастого паренька, наказал прислуживать «господам» в первую очередь. Малый сначала покраснел, потом и вовсе с лица спал, но все же понял, чего от него требуется. Забегал, засуетился, тряпкой мокрой по столу повозил (лучше, ясно дело, не стало), а после спросил, чего принести.

— Квасу, любезный, больно жарко сегодня, — присел на колченогий табурет Меркулов, — и еще кое-что.

— Все что угодно, Ваше благородие, — под одобрительный взгляд трактирщика отрапортовал половой.

— Протри с улицы окно. Только на совесть. А то света белого не видно.

Когда половой принес по кружке кваса и отправился наружу, натирать стекло, Меркулов озорно подмигнул орчуку. Мих, начавший свыкаться с добротной едой и должным обращением (как известно, к хорошему привыкают достаточно быстро), не одобрил озорного настроения господина. Он по-прежнему сидел, не решаясь положить руки на стол, не ровен час мундир испачкаешь, и недовольно нюхал квас, отдававший кислым духом.

— Вот началась, Мих, рутина полицейской службы.

— Какая? — Отхлебнул орчук квас. Оказался напиток не таким уж и поганым.

— Слежка.

— А ежели Черный не пройдет сегодня?

— Будем дежурить несколько дней.

— Тю... — сник Мих.

— Не такой ты службу представлял?

— Не такой, — согласился Мих, — а ежели Черный вовсе не пройдет здесь? Вдруг он случайно здесь был, по недоразумению?

— Возможно, но маловероятно. Ярослав видел Черного пешим на Краснокаменке. Бы бы по делу, взял экипаж. Следовательно, — Витольд Львович поднял палец вверх, — скорее всего, он обитает где-то в этом районе.

— Что же, увидим его да схватим? В прошлый раз ускользнул, быстрый черт.

— В прошлый раз я невидимость использовал, оттого в бою реакция и ослабла. Теперь таких поблажек делать не буду.

— Ну что ж, господин, тогда будем ждать.

И потянулось густым киселем время. Сквозь вымытое окно теперь было видно каждого проходившего мимо, но орчук, не шибко занимался слежкой. Тем паче Витольд Львович от Краснокаменки глаз не отводил. Ближе к вечеру даже отобедали. Трактирщик слукавил, еда оказалась вкусная: и борщ, и рыба, и капуста квашенная, поданная с мясом. Только потом, по коротким разговорам между хозяином и половым, понял орчук, что за яствами бегали в то самое «Интересное место», куда и хотели их спровадить.

Народу прибавилось, хотя публика по большей части не поменялась. Шмыгнуло несколько подозрительных личностей, но те, увидев орчука и Меркулова, поспешили покинуть трактир. Оно и понятно, на Краснокаменке, да еще в таком дрянном месте, только

глупец мог поверить, что хозяин живет исключительно законными способами. Кислое выражение трактирщика, изредка бросавшего на них неодобрительный взгляд, лишь убеждало Муху в правильности его догадок.

А меж тем и ночь подобралась. Фонари на Краснокаменке, конечно, были, но расставлены в редком порядке да зажигались через один, поэтому света от них ожидать не приходилось. Витольд Львович, понявший, что из освещенного трактира наблюдать за темной улицей несподручно, подозвал хозяина и вкрадчиво, как своему, сказал.

— Комната нам нужна.

— Дело ваше, — укоризненно посмотрел сначала на Муху, потом на Меркулова трактирщик, — но для таких вещей увеселительные дома есть.

— Ах ты, вошь подзаборная, ты чего там в голове себе удумал? — Грозно поинтересовался орчук.

— Нет, нам нужна небольшая комнатка, для отдыха, но чтобы окна непременно выходили на улицу.

— Ну так я меблированные комнаты не сдаю, другим зарабатываю, — развел руками хозяин.

— Заметил, скупкой краденого, — кивнул Меркулов.

— Да что вы, Вввваше благородие такое ггговорите, — стал, заикаясь, открещиваться трактирщик, однако в лице поменялся.

— Видел я тут, как заходила парочка с мешками, вроде, перехожие. Они тебя знают, ты их знаешь, я такое по глазам читать умею. Да только меня увидели и заторопились убраться.

— Что вы говорите такое, — все отпирался хозяин.

— Думаю, приведи сюда людей с моего ведомства, а не того околоточного, который тебе так развернуться дал, то много интересного найти можно. Так что, навестить тебя еще раз или...

— Или что? — Ухватился за единственный возможный шанс трактирщик.

— Или комнату давай нам.

— Сейчас же исполним, приберем чуток и исполним.

Трактирщик засуетился, оттащил полового в сторону, сердито ему что-то наказывая. Потом махнул рукой и бодро, слишком бодро для такого хряка, умчался наверх.

— Как вы двоих-то заметили, — удивился Муха, — я думал, что вы все время в окошко смотрели.

— Так с улицы и заметил. Потом лишь искоса на мгновение повернулся, только не всем телом.

— Ну так надо супостата теперь в острог.

— Экий ты быстрый, — усмехнулся Меркулов, — а Черного кто караулить станет? Нет, у нас дело важности намного большей, чем клопов по углам ногтями щелкать. В Славии многие воруют, за всеми гоняться жизни не хватит. Пока ментальность в народе не поменяется, так и будет. Уберешь этого, появится другой. Может, хуже. Трактирщик же теперь еще с месяц осторожничать станет, да и случится что на Краснокаменке, мы знаем, кого спросить о том можно. Что ж они там завозились?

— Прошу, — будто вырос из-под половиц хозяин.

Поднялись наверх и оказались в маленькой клетушке с панцирной кроватью, точно такого же принципа, как у самого Витольда Львовича дома, только не в пример больше. Сдавалось Мухе, что соврал хозяин и по поводу увеселительности: таскают сюда девок

распутных, как есть таскают. Только теперь понял орчук, как устал за день ничего не делать. На то, ведь, оказывается, тоже особый талант нужен. Сидит вот какой-нибудь коллежский секретарь, чернилами мух кормит, зевает так, что челюсть, глядишь, свернет. А домой придет и сил нет у несчастного. Вот оно как.

Витольд Львович точно мысли орчуковские прочитал.

— Ложись, Мих, поспи, в середине ночи разбужу, будешь ты следить.

А полукровку и уговаривать не надо. Взгромоздился на кровать, только пружины натужно заскрипели, глаза прикрыл и баста. Прочему с такой совестью чистой, как у Миха, засыпать надобно было быстро.

Только не долго дремал, почувствовал, как толкает Меркулов. Открыл очи, а Витольд Львович взбудораженный стоит — глаза красные, невыспанные, волосы растрепаны и воротник расстегнут. Увидел, что орчук проснулся, палец к губам прижал, будто кто еще в комнатке был, да вымолвил лишь одно слово.

— Черный.

Глава 11, в которой выясняется еще несколько удивительных особенностей Черного

Трактир и не думал засыпать, раздухарившись еще больше. Его обитатели, среди коих виднелись и вовсе отщепенцы в грязном рубище с рожами, на которых клейма негде было ставить, при появлении внизу титулярного советника и орчука затихли. Но лишь на секунду, пока не поняли, что до них странной парочке дела нет. Потому не успели случайные черномундирники (а подобных визитеров тут редко видели) покинуть трактир, как разгул продолжился с прежней, а может даже с большей силой.

Но обитатели дрянной дыры распрощаться с полицейскими чинами явно поспешили. Человек, из благородных, выскользнул наружу, точно прижавший уши кот, охотящийся за воробьем. А вот орчук лишь взялся за ручку, постоял, от нетерпения шаркая сапогами, и едва заметно шевеля губами, будто считал. И выждав определенное время, выбрался следом.

Передвигался Мих мелкими шагами, но почти бесшумно. Все смеются люди над орками, над их кажущейся неуклюжестью. А так подумать — сколько раз разведчики кочевничьи, по двое-трое передвигаясь, разъезды конные, что на ночь лагерь разбивали, полностью вырезали? Или взять любого «икекула» — на славийском выйдет диковинно и длинно, «воин с оружием в каждой руке» — так вовсе без щитов и тяжелых доспехов сражаются, надеются на ловкость и удаль свою. И надобно сказать, не зря. Вот и с Михом так.

Эх, разносил бы сапоги как следует, так и вовсе татем ночным крался по спящей темной улице. Впрочем, его и так какой-нибудь прохожий с трудом услышал бы. Однако Витольд Львович, в делах слежки хоть человек новый, но все же голову на плечах имеющий, рассудил здраво. Он пойдет за Черным, в случае чего, свяжет его боем да крикнет Миху, а тот уж, если придется туго, на выручку явится.

Орчуку, понятно, подобное не понравилось. Не дай Бог опять что не так пойдет, а теперь Миха рядом не будет. Кто хозяину поможет? То-то же. Не успеет даже рта открыть, как скрутит его незнакомец в гоблинарском плаще. Шпион тот, а может и убийца наемный — для полукровки было не важно. Знал он другое — Черный сретник опасный. О том уже несколько прочих узнали: Логофет да Элариэль. Не дай Господь, защити Матерь-заступница, и до человека дело дойдет.

Предложил Мих голубчика сразу взять, тепленького. Так Витольд Львович заупрямился, сказал, мол, надо его до жилья сопроводить, вдруг что не так пойдет. А что не так может пойти? Орчуку лишь один раз бы попасть по Черному, вдарить, чтобы забыл, как солнышко яркое светит, так и не надо тому боле ничего будет. Но разве Меркулова переспоришь? С одной стороны поглядишь, невероятной мягкости и покладистости человек, к еде и постели неприхотливый, единственный недостаток — уж слишком увлеченный. Коли втемяшит что себе в голову, пиши пропало. Костями ляжет, а своего добьется.

Краснокаменка хоть считалась улицей длинной, прямой была ровно настолько, насколько может быть копченая колбаса, с одной стороны удерживаемая сердитым мясником, а с другой разрываема на части сворой собак. То и дело впереди значительно выступал вперед дом или мостовая вдруг уходила направо (но потом, опомнившись, возвращалась обратно). Поэтому разоблачения своего Мих не боялся. Единственной его

целью было не потерять господина совсем из виду — потому что Витольд Львович двигался вперед на значительном расстоянии и то и дело скрывался от взора.

Потому шум, который невозможно было спутать с выливанием помоев или падением зазевавшейся кошки в водосточную трубу, заставил орчука вздрогнуть. Весенним ледоходом пошла кровь по венам, будоража в голове самые страшные картины, а когда бухнуло совсем рядом, заставив проснуться местных, внутри все оборвалось. Говорил револьвер Витольда Львовича, маленький, убойный, рассчитанный на пять выстрелов. Несмотря на полнейшее душевное расстройство вспомнил орчук, что давеча Меркулов пользовался уже пистолетом, всадив в аховмедца три пули. Итого, остался всего один выстрел.

Будто подтверждая думы Миха, впереди еще раз оглушительно ухнуло. Как гроза грохочет посреди ясного неба, предвещая гнев Господень. А следом стук каблуков по мостовой, который в ночной тиши звучал чересчур зловеще. Орчук еще до того, как увидел мчавшегося к нему, все понял — он, может, существо недалекое, не все понимает да подмечает, как господин, но все же навыки кое-какие имел.

У Меркулова каблуки звонче, будто пустые. У этого напротив, глухо отдаются — ток-ток-ток-ток. С прошлого раза не запомнил Мих, зато теперь в голове этот звук, точно конский топот, звучал. Вынырнул из темноты Черный, хотел бы сказать орчук, что глазами блеснул — так нет, будто истукан каменный, что вдруг ожил и двигался.

Понял Мих, не избежать им встречи. Встал аккуратно посреди улицы, ноги широко расставил, чуть присел, рукам волю дать приготовился. Видел он раз в цирке, куда папенька покойный его водил, как борцы разные — и славийские, и дрежинские, и генерийские — сходятся. Мнут друг друга и бросают. С той поры много лет утекло, да нечасто приходилось орчуку волю рукам давать, но для себя одно он запомнил. Силы в нем не в пример больше, чем в обычных людях, и ею надо пользоваться. Поэтому ежели попадался супротивник в его лапищи, то ничем для него хорошим это не заканчивалось. И знал Мих — самое главное, первый хват сделать, чтобы подтянуть негодника к себе, а потом уже в бараний рог его скручивать.

Уже придумал, как в Черного вцепится. Следил за каждым движением неприятеля, тот скакал подобно кузнечнику: пружинисто, размашисто. Но в самый последний момент, когда Мих уже вперед бросился, соединил ноги злыдень, оттолкнулся что было силы и прямо через орчука перелетел, в воздухе переворотившись. Такого Мих даже в цирках не видел. Пока сообразил, пока развернулся, Черный уже дальше скакать продолжил. Причем с такой скоростью, с какой и орчук не сладит.

Стоял Мих, пустоту обнимая пальцами растопыренными, внимал коварной ночи и не понимал до конца, что сейчас произошло. Пробудил его от сна наяву знакомый стук каблуков. Витольд Львович, увидев растерявшегося орчука, выругался, не грязно, но все же.

— Господин, ничего поделаться не смог, — развел руками Мих, — кабы в честном поединке, так нет. Перепорхнул через меня, будто бабочка.

— Повезло, что убить ни тебя, ни меня не хотел, — смотря еще в ту сторону, где скрылся Черный, отвечал Меркулов.

— Уходить бы надо, — заметил Мих, глядя, как раскрываются одни за другими ставни. Где-то совсем далеко надрывался свисток.

— Да смысла нет, все равно теперь докладываться. Да и пожалеть городских надо, а то всю ночь лиходеев, стрельбу устроивших, искать будут.

Недалеко от них выросла тень человека. Судя по неуверенным движениям решительно

пьяного, оттого, наверное, и не побоявшегося возможных злодеев. Как известно, алкогольный дурман отодвигает мысли о собственной сохранности на второй план. Впрочем, что еще интереснее, чаще во хмелю люди из таких неприятностей выпутываются, откуда у трезвого только один путь — в мертвецкую. Так или иначе, но к первой тени в скорости присоединилась другая, теперь «товарищи» стояли поодаль, негромко переговариваясь и показывая пальцами в сторону орчука и Витольда Львовича.

— Так что случилось, господин?

— Я не понимаю, — голос Меркулова звучал здесь, но создавалось впечатление, будто сам он далеко, — он заметил меня. Не знаю, может, почувствовал на себе взгляд или попросту решил резко обернуться. Попытался сначала уйти от драки, но я же быстрее...

— Ну вот и я думал, что вы быстрее.

— Только дар дворянский он такой, с особенностями. Нельзя шпагой, к примеру, десять минут молнией среди врагов мелькать. Времени отводится гораздо меньше. И чем дольше даром пользуешься, тем ниже скорость, пока как обычный человек двигаться не начнешь. Так вот, Черный... Он не точно не человек, что обычной магией пользуется.

— Мудрено говорите, господин.

— Он с самого начала мне в скорости не уступал. Вернее, если только чуть-чуть. Я его тростью подранил в бок немного, но потом... Стал уклоняться все проворнее и проворнее. Пришлось пистолет доставать. Он ближе к верхней части улицы стоял, потому пока я револьвер вытаскивал, рванул прочь, к тебе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Эх, жаль вы по этому злыдню не попали.

— Так в том и дело Мих. Могу поклясться, что попал, в спину. Оба раза.

Открыл было рот орчук, чтобы возразить, да не нашелся что сказать. Виданное ли дело, чтобы человек, две пули собой поймавший, невредим остался. Мало того, с такой прытью, на какую не каждый гимнаст способен, двигался. Другой бы усомнился в меткости Витольда Львовича, но Мих знал — хозяин ради красного словца такого не скажет. Если показалось ему, что попал, значит, так оно и было. Только как же это?

Путались мысли орчука внутри головы, тесно им было. Ладно бы если еще тихо вокруг было. Так нет, все громче и громче становилось на Краснокаменке. К двоим подвыпившим теням присоединились еще с пяток. С другой стороны тоже поглядывали любопытные. А полицейские свистки звучали теперь совсем рядом.

— Ладно, разберемся, — сказал Меркулов, убирая револьвер и вновь становясь прежним. Его лицо теперь будто говорило, что все произошедшее не более чем забавная передряга, ничего по сути серьезного.

И Мих даже на мгновение успокоился. Раз сказал господин, что разберется, так тому и быть. Уж Витольд Львович человек слова. Хотя сейчас орчук все бы отдал, чтобы Его превосходительство рассердился, отстранил пристава, с легкостью приобретающего все новые и новые неприятности, от расследования да наказал из дому носа не показывать. И вместе с тем понимал Мих, что не будет так. Единственная светлая голова — Витольд Львович, на Черного вышел да все вместе связал. А что то значит? Не раз еще им придется по ночам в прескверных районах рыскать с полупустым брюхом да не выспавшимся. Не будет гневаться на Меркулова Его превосходительство, точно не будет.

И был бы рад ошибиться орчук, да вот как в воду глядел. Второй час у обер-

полицмейстера сидели. Точнее он, Мих, в кресле полудремал, пытаясь бороться со сном, а Витольд Львович вместе с Александром Александровичем над картой корпели, да переговаривались.

— Вот здесь, значит, Нижесовская, ее можно упустить. И эти два квартала тоже, — говорил Меркулов.

— Уже что-то, — отвечал Его превосходительство, следя за пальцем Витольда Львовича.

Александр Александрович был бледен лицом — то ли от постоянного бодрствования, то ли от всех злоключений, которые постоянно случались с его несчастным ведомством. Да и не нельзя из внимания упускать, что давно он уже не мальчик, не юный корнет с пышущим здоровьем. Из тех, что всю ночь напропалую пьют вино или даже водку, а утром хмурые и злые, но все же сидят в седле.

Только сейчас заметил Мих, как стар обер-полицмейстер. Нет, как у любого славийского мужика сила в нем еще была и голос громовой никуда не делся, но по бесцветным, точно выцветшим от постоянной сутолоки глазам, становилось ясно, единственное чего хочет Александр Александрович — покоя.

— Но место довольно обширное. Все-таки Краснокаменка. Пусть, извини за нечаянный каламбур, ниже Нижесовской.

— Только на первый взгляд, — поднял трость вверх Меркулов. — Домов, где остановиться можно, там всего ничего. Не будет же он вместе с рабочим людом селиться, те обособленностью не отличаются. У них к соседям ход простой, даже стучаться не будут.

— А пожалуй, ты прав, Витольд Львович. Действительно, если подумать хорошенько, то подходящих мест не так много. Всех, кто на улице, подниму, вплоть до околоточных. Пусть хлеб свой отрабатывают. А прямо сейчас полицмейстером соберу. Расскажу все подробно.

— Только, Ваше превосходительство, что делать с Черным будут, когда найдут?

— Чай пить с ватрушками сядем, — скривился Александр Александрович, — известно что. У меня этот голубчик за все свои злодеяния ответит.

— Шустр он шибко.

— Не шустрее пули. Когда обнаружат его, окружат плотным кольцом. Всем револьверы и винтовки выдам.

— Я вот в него два раза выстрелил... и ничего.

— Ох, Витольд Львович, — устало усмехнулся Его превосходительство, махнул рукой и поднялся, — вроде неглупый человек, а таких прописных вещей не знаешь.

Он подошел к дальнему пыльному углу, открыл высокий шкаф, наклонился и, кряхтя, достал нечто похожее на жилет.

— Ну поди сюда, Витольд Львович.

Он стал облачать Меркулова в странную одежду, причем по лицу титулярного советника было ясно, что это является для него определенным испытанием. Справившись со всеми ремнями и застежками, Александр Александрович отошел в сторону и хохотнул. Витольд Львович и вправду выглядел теперь презабавно — жилет оказался явно не по размеру, вздувшийся, со странными карманами на груди и спине. Титулярный советник неуклюже крутился и осматривал себя.

— Позвольте? — Почти взмолился он. Александр Александрович спохватился и стал торопливо освобождать Меркулова от объятий ремней, пока тяжеленная одежда не рухнула на пол. От этого звука Мих проснулся окончательно. — Нет, про бронежилет я, конечно,

думал. Но только вот какой вопрос. Сколько, Ваше превосходительство, вот этот весит?

— Больше пуда точно, — оценивающе поглядел обер-полицмейстер на диковинное одеяние.

— Вот и подумайте, как быстро сможет бежать некто облаченный в бронежилет. Тем более крутить сальто.

— С одной стороны, да, — согласился Александр Александрович. — С другой же, это мне когда выдали, лет десять прошло. Тут и пластины стальные толстые, да и ныне конструкций столько всяких появилось. Кто его знает. Но это ты хорошо заметил. Скажу, чтобы если стреляли, то по ногам и рукам.

Его превосходительство хотел было что-то записать, но дверь распахнулась, и на пороге появился первый полицмейстер, высоченный Константин Никифорович. Судя по лицу Его высокородия, завсегда спокойного, будто из куска мрамора высеченного, понял Мих, случилось происшествие чрезвычайной важности. Если честно, то с седмицу назад орчук бы весь замер, дышать перестал, и в слух весь обратился. Только много воды с той поры утекло. Попривык Мих к чрезвычайным происшествиям, справедливости ради, теперь каждый день исключительно из них и состоял.

Сел только более подобающе. Подниматься не стал: с одной стороны, на заднице при Его высокородии находиться несподручно, с другой, ему сам Александр Александрович разрешил. Да и мельтешить сейчас, лишь внимание к себе привлекать, что персоне его чина и положения несподручно.

— Ваше превосходительство, там... — Константин Никифорович блеснул глазами, будто молнии выпустил. Точно-точно как в книжках про эльфарийского бога Зеусия (читывал Мих и такое).

— Что там, попадья родила? — Усмехнулся обер-полицмейстер, не поняв сразу настроения своей правой руки.

— Его Высочество прибыл.

— Ох, святые угодники. Как на службу сюда ездит, сейчас опять начнет расспрашивать, как расследование протекает, — кинулся Александр Александрович к столу, карту сворачивая, — Михайло, убери этот чертов жилет.

Орчук на ноги вскочил, заодно и Константину Никифоровичу кивнул, раз выдался случай. Тот по привычке не ответил, только взглядом холодным проводил. Потом опомнился и дальше говорить стал.

— Его высочество не к вам прибыл. То есть, может, и к вам, но только выше первого этажа не поднимался.

— А что ему на первом этаже? — Удивился Его превосходительство.

Константин Никифорович неровно выдохнул, как бабы после долго плача, не в силах обычно разговаривать, и ответил.

— Пришел в арестантскую и повелел высочайшим указом Его Императорского Высочества всех аховмедцев, ныне арест... задержанных, отпустить.

— Что? — брови обер-полицмейстера подобно паре коршунов взметнулись наверх. — В моем ведомстве... злодеев... отпустить!

Пронесся ураганом по кабинету Александр Александрович, вмиг про года позабыв, да выскочил в приемную. За ним Константин Никифорович и Витольд Львович бросились, потому и Миху пришлось, а что делать? Спроси орчука, так лучше бурю переждать, они с Меркуловым персоны тут не самые важные, все и без них разрешиться может. Зачем

гневать? Кого именно — брата Государя-императора или обер-полицмейстера (а могло под горячую руку попасть откуда угодно) орчук еще не решил, да и разве это важно?

Но человек он, точнее прочий... хотя все же человек (главное ведь не внешний облик, а сущность внутренняя) подневольный, за титулярным советником закрепленный. Как триста лет назад под гнетом оставались орки, так и теперь было. Иной кто скажет: как ж так? Ведь именно Ордынское Иго Славию сковало, дань заставило платить. Но папенька, много книг прочитавший да свое мнение имеющий, по-другому рассуждал.

Славийский человек он какой? Даже если дань будет отдавать, то из всех монет отдаст самую легковесную, из пушнины самого худого и ободранного соболя, коня старого и с зубами гнилыми. Но придет на его землю с запада транкльваниец или гоблинарцы опять шалить начнут, так крикнет он Орду: «Что же это делается? Взяли вы наши земли, так теперича и владейте. Не оставляйте в беде. А то придут вороги, разграбят деревни, девок наших уведут, нас самих в железо закуют. Кто вам ясак платить станет?». И собирается грозной тучей стотысячная Орда и стремглав летит калгой, стрелой то бишь, конница. Бьет западных обидчиков да обратно в степь возвращается. Говорил папенька, дескать, и через это тоже конец той, Золотоносной Орде пришел.

Так или иначе, а оставлена Сибирь, выгнаны орки из каганата, обитают сейчас в сухой степи, вспоминая дни своего могущества. Хотя... чего это Мих о них, тут сейчас начнется кое-что основательнее, чем все поражения степняков. Не видел еще прежде орчук, как сходятся две могучие силы — императорская воля и славийский закон.

— Добрый вечер, Ваше Императорское Высочество, чем обязан, — с нажимом произнес обер-полицмейстер.

Великий князь вздрогнул, повернулся, но лицо сохранил. Позади него, у двери, со связкой ключей в руках возился человек. Насколько мог Мих судить по одежде, ни много ни мало, камер-фурьер, если в военные чины переводить, полковник. Хотя оно и понятно, чему тут удивляться, рядом с ним все же государев брат.

— Скорее уж доброе утро, Александр Александрович. А чем обязаны?... Наслышан, что томятся тут у вас аховмедцы, прибывшие на переговоры о мире. Нехорошо, нехорошо, Александр Александрович. Так недалеко до международного скандала.

Заметил орчук, что великий князь хоть и старается всем своим видом и некоторой развязностью в разговоре показать полную независимость от обстоятельств, все же нервничает. Не доставляет ему удовольствие здесь и сейчас находиться и заниматься именно тем, чем он занимается. Не сговариваясь, Мих с Витольдом Львовичем переглянулись, точно подумали об одном.

— Вы... хотите... освободить преступников!

Обер-полицмейстер буквально кипел. Глядя на его мокрую шею и вздувшиеся вены на висках, думал орчук, лишь бы Его превосходительство удар не хватил. С мужчинами его возраста подобное и от меньших переживаний бывает. Говорят, ежели в себе злость не держать, а выплескивать ее при каждом удобном случае, то и знакомство с грудной жабой можно избежать и всякими прочими бедами. Но куда теперь? И так чувствовал орчук, что обер-полицмейстер сдерживается, а паузы между словами мысленно заполняет одними лишь бранными словами.

— Ну полноте, каких преступников? Вышло у вас небольшое недоразумение. Ведь ни одной жалобы на этих... господ. Весь ущерб городу будет возмещен. Так что инцидент вполне себе исчерпан.

— Неважно, кто преступает закон, славиец, гоблинарец или аховмедец. Закон один для всех, — говорил обер-полицмейстер теперь намного тише, но сквозь зубы, отчего не прибавлялось уверенности, что дело разрешится наилучшим образом.

— Есть закон, а есть Император и его воля.

Голос полуночного гостя загремел с невиданной силой. Узнал Мих прежнего великого князя, надменного и горделивого. Тот протянул руку, и камер-фурьер, явно поставленный при Его Высочестве, чтобы угадывать мысли последнего, передал ему выуженную из внутреннего кармана бумагу. Судя по всему очень важную, имеющую в себе силу не менее, чем заряженный пистолет, наставленный в переулке на одинокого путника.

Полной реакции Александра Александровича орчук не видел. Но шея обер-полицмейстера вдруг пошла пунцовыми пятнами, а пальцы вдруг сжались в кулаки. Мих неодобрительно нахмурился. Негоже так с почтенным человеком, который по совести живет и так же работает. Надобно было великому князю к Его превосходительству прийти, объяснить что и как, его ведь это вотчина, а не самовольничать. Понятно, императорское слово первое в Славии, но дурно как-то вышло.

Лязгнул меж тем замок, отворилась дверь. Внутри темно, хоть глаз выколи, редкие окошки слишком махоньки, поэтому и днем от них польза невелика, а уж ночью... Но различил Мих как разнопера тьма, из разных кусков состоящая. Мнутя внутри тела, ждут решения, им озвученного. И вместе с тем вроде как и сомневаются.

— Выходите, господа, выходите. Неерте але бель Бруу То Вайл, — сказал вдруг Его Высочество на аховмедском.

— Албе эль, — поправил его камер-фурьер. Мих думал, что сейчас великий князь прогневаётся, но тот лишь кивнул.

— Неерте албе эль Бруу То Вайл, — исправился Его Высочество.

Не знал орчук, что слова те значили, но козлоногие нерешительно стали выходить из темноты, шурясь и закрывая глаза от неяркого свечного света. Были они в том же виде, в котором их сюда привели, то есть совершенно наги. Великий князь толкнул локтем камер-фурьера, и тот, сделав несколько шагов в сторону, раскрыл большущий мешок и извлек оттуда большие шерстяные накидки. Аховмедцы молчаливо принимали одежду, кое-кто даже кивал, тут же оборачиваясь (то ли озябли голышом сидеть, то ли правду голытьбы своей конфузились).

Его превосходительство, да и остальные полицейские чины, начиная от Константина Никифоровича с Витольдом Львовичем и заканчивая тюремщиком, у которого, собственно, ключи и были отобраны, стояли не шелохнувшись. Будто молния только что ударила и поразила всех служителей порядка.

— Разрешите, — легонько, но довольно настойчиво отодвинул великий князь в сторону обер-полицмейстера. — Леонид...

Камер-фурьер подскочил, тихонько зашептал нечто на аховмедском, обращаясь к козлоногим, и пошел вперед. Те несколько нерешительно, бросая настороженные взгляды на объятого гневом обер-полицмейстера, проскальзывали (если можно было так сказать о звонком топоте копыт) мимо Александра Александровича, стараясь не отставать от прыткого прислужника Его Высочества, который, судя по голосу, был уже на лестнице.

— И еще кое-что, Александр Александрович, — с насмешливой улыбкой остановился великий князь у обер-полицмейстера, замыкая цепочку «несправедливо задержанных аховмедцев», — утром заедет глава третьего отделения с необходимыми бумагами. Надобно

будет передать ему все, что у вас есть по ограблению Императорского музея. Далее этим делом будет заниматься жандармерия.

Его превосходительство не нашелся что ответить. Нынешняя ночь и так значительно подпортила ему крови, потому реагировать еще на один удар судьбы попросту не осталось сил. Обер-полицмейстер лишь устало кивнул.

— Ваше превосходительство, — вскинулся Константин Никифорович, как только великий князь покинул комнату, — этого нельзя оставлять. Может, к генерал-губернатору?

— Полноте, — махнул рукой Александр Александрович, — вы, верно, забыли, чей это брат. К тому же сам Государь Император нынешнюю бумагу подписал. Держу пари, и завтрашнюю подпишет.

— Так что же теперь, отступиться?

— Нет, конечно, — Мих услышал в тоне Его превосходительства злые нотки, — думают Александра Муханова, с самого низа до обер-полицмейстера дослужившегося, за пояс заткнуть. Кукиш им. Сейчас же на Краснокаменку всех подниму.

— Если не успеем, Ваше превосходительство? Ведь, по сути, будем заниматься одним делом с жандармерией, — заметил Витольд Львович.

— Глупости! С завтрашнего дня нам запрещено будет заниматься ограблением Императорского музея, так мы, господа, и не будем. А вот убийством аховмедца и эльфарица, да еще покушением на пристава следственных дел — сколько угодно. То есть в любом случае будем искать Черного.

— А ведь это действительно выход из ситуации, — задумчиво высказался Меркулов.

— Мы же тем временем найдем Черного, выпотрошим его на счет ценной информации и будьте любезны, — сделал шутливый реверанс Александр Александрович. — Надо только нашим сказать, чтобы особо не баловали револьверами. Так-с, ты Витольд Львович, нам пока не нужен. Езжай отдыхать, это приказ, а как что, сразу за тобой припру.

С этими словами обер-полицмейстер отправился к себе, а Константин Никифорович последовал за ним.

— Мих, ты газеты, что я покупаю, куда деваешь? — Спросил Меркулов с лихорадочным блеском в глазах.

Не понравилось орчуку это сверкание, не раз его уже видел. У Витольда Львовича подобное бывает, когда он увлекается чем-то без меры, а хорошим для Муханова это редко кончается. В самом лучшем случае, попросту голодными опять останутся, а в худшем...

— Знамо куда, старухе на растопку отдаю. Чего с ними еще делать? Мусору много, а ежели один раз прочитал уже, больше и не требуется, — тут Мих вдруг призадумался, — а вам зачем, господин?

— Надо привести всю информацию по ограблению к общей системе. Сдается мне, что я нечто нащупал. Теперь бы догадки подтвердить.

— Так мы именно по тому месту и прибыли, куда нам надо. В полицмейстерстве комната есть, вроде кладовой. В ней все газеты держат, покупают их на предмет сводок различных, о которых в ведомстве сведений нет, потом проверяют. Под то даже на бумаге отчетной расход особый имеется. Потом газеты сшивают меж собой и стопками на полки убирают.

— Мих, откуда ты все это знаешь? — Удивился Меркулов.

— Да я ж все-таки по полицейскому ведомству прохожу, все пригождающееся для службы запоминаю, — пожал плечами Мих.

Не говорить же господину, что услышал случайно об том в беседе двух чинов, а по причине лишних трат Витольда Львовича на газеты, решил уточнить после у городских, есть ли возможность какая их получить? Не выгорело, почти уже и забыл, а вишь как пригодились.

— Это совсем другое дело. Тогда нам надо быстрее получить разрешение попасть в этот архив и уже проведать мою догадку. Пойдем же, быстрее, — с этими словами он почти выбежал к лестнице, прислушался к шуму каблуков наверху, и закричал, — Ваше Превосходительство, Ваше Превосходительство!

Мих же озабочен был другим, на взгляд Меркулова, пустячным обстоятельством, но для сонного потомка кочевников очень важным условием — можно ли там где прикорнуть?

Глава 12, в которой Мих своим умом почти обо всем догадывается

На рассвете Моршан отличается особым безмолвием. Окончательно затихли пьяные забулдыги, вовсе перестали проноситься по улицам конные экипажи, не ходят более редкие городовые, готовясь меняться дежурством. Зевает во сне Моршан, ворочается в каменной постели, посапывает дымом печных труб. Стоит ли говорить, что если вся столица спит, то не грех забыться ненадолго и всем живым существам — людям или полуоркам, то уже без разницы.

В маленькой комнате, душной от свечной копоти и отсутствия окон, сидел, завалившись на расстеленные перед ним газеты, Меркулов. Мундир сбился наверх, скомкавшись гармошкой, рукава задралась и обнажили худые запястья, бумага прилипла к бледному изможденному лицу. Спит Витольд Львович, а по челу его пробегает тень беспокойства, шевелит тревожно губами, только беззвучно, не разобрать ничего, да пальцы изредка вздрагивают. Не сон это, который силы дает, а скорее дремота подневольная, когда на ногах мочи уже нет стоять.

В той же комнате, прислонившись к стене, сидел с закрытыми глазами орчук. Вроде и спит, но дыхание неразумное, да и члены не расслаблены, руки не висят безвольно. Другими словами, очи прикрыл Мих, а сам даже не дремлет. Занимается потомок кочевников тем, в чем обычно силен Меркулов, думает. А что, не все же на господина сваливать. Тот вон несколько часов кряду над газетами корпел, бормотал все вслух, да и погаснул сознанием. Правильно, какой бы человек не был, но все же не семижильный.

Ничего, Мих тоже не последнего разумения существо, кой-чем да поможет. Итак, что же из рассуждений Меркулова, вслух оброненных, можно уяснить? А, точно. Нашел Витольд Львович заметку, с седмицу назад написанную, мол, делегация аховмедцев и дрежинцев прибыли в Моршан для заключения мира, в котором славийцам отводилась сторона миролюбца. Это вроде как, когда муж с женой крепко поссорятся, поколотит он ее с пьяных глаз или слово обидное скажет, тогда матушка приезжает и начинает мирить скандалистов. Так и тут.

Это, как говорит господин, во-первых. Далее Меркулов вдруг спешно стал разыскивать известие об ограблении Имперского музея, произошедшее через два дня. Это, значитца, во-вторых. Мих не торопился, голова у него не столь светлая, как у хозяина была, вперед не забегал. Просто пытался мысль Витольда Львовича уловить. Сначала приезд аховмедцев, потом ограбление.

В-третьих, шла заметка крохотная о смерти козлоногого, Логофета то бишь, в Захожей слободе. Значитца, приезд аховмедцев, ограбление, убийство. Мих к тому времени уж весь вспотел, не привык головой так усердно работать, но отступать не собирался. Если Меркулов все это в один ряд поставил, то события не иначе как связаны. Потом же вновь пошли заметки крохотные: «Делегация аховмедцев не смогла договориться об условиях заключения мира», «Наследного принца Аховмедии Бруу То Вайл не устроил мирный договор», «Аховмедцы думают о продолжении войны с дрежинцами». Это уже, в-четвертых.

О пожарище и смерти эльфариийца господин не пытался разузнать. Либо не успел, либо это уже непосредственно к делу не относится. Хорошо, надобно обдумать что имеется.

Сначала аховмедцы прибывают в Моршан для заключения мира, потом происходит ограбление музея, следом Логофета убивают и козлоногие начинают свои вытянутые морды воротить, то им не так, это.

Складно, вроде, все. Но это только на первый взгляд. Морды воротить они ранее начали, еще до убийства, а именно в день ограбления. Тогда и первое как его... о, заседание должно состояться было. А вот уже на следующий день, аккуратно в вечер дуэли Меркулова, Черный и заколол козлоногого. Ох, Матерь-Заступница, как наворочено все, закручено, перевернуто. Мысли толкались в голове у Миха, переругивались, тесно им там было. Чтобы вовсе не потерять нить, которую он, вроде, нащупал, да стал тянуть за нее, развертывая клубок, решил орчук вслух все говорить. Негромко, дабы хозяина не разбудить.

— Сначала козлоногие в Моршан прибыли. За чем известно. Только сам господин говорил, что мир им ни к чему был. Это уже странно. Но прибыли, окаянные. Это факт свершившийся. Далее музей ограбили... Может, сами аховмедцы? Хотя, какие из них доброутренники, даже если копыта тряпками обвяжут. Нет, не козлоногие. Но все это как-то меж собой отношение имеет. Музей, аховмедцы, аховмедцы, музей... Либо было что в музее, после пропажи чего козлоногие вдруг взбрыкнулись.

— Молодец, Мих, — сонно пробормотал Меркулов, поднимаясь над столом. Его щека была красна от долгого лежания, а глаза заspanы. — Я пришел к тому же выводу.

— К тому же? — Переспросил орчук. Он понял, что сказал сейчас нечто важное, но сам не мог разобрать что именно.

— Я все думал, — потер щеку Витольд Львович, — зачем аховмедцам заключать мирный договор на неравных для себя условиях. Только, — он поднял палец, — если им дадут нечто важное, вернее, невероятно важное, что перекроет остальные убытки.

— Аааа, — протянул орчук, вроде как, начинавший понимать что к чему.

— Но сделка не удалась. Видимо, это важное хранилось в Императорском музее и было похищено. Надо думать неслучайно, в совпадения я уже давно не верю. Как неслучайно и убийство Логофета, в личности коего, мне кажется, кроется разгадка. Аховмедцы, не получив обещанного, тянут с переговорами о мире, держу пари, что возможен и полный разрыв дипломатических отношений. Заинтересованных тут может быть две стороны — Великогоблиария или Транкльвания.

— Им зачем?

— Транкльванийцы давние враги дрежинцев, хоть теперь и негласные, а гоблиарцы не хотят укрепления Славии. А помоги мы сейчас заключить мир между аховмедцами и дрежинцами, то обзаведемся добрыми, приятельскими отношениями между этими государствами.

— И думать нечего, сплющенноухие это.

— Да, скорее всего, гоблиарцы, — потянулся, хрустя суставами, Меркулов, — но то все домыслы. Бездоказательные. К тому же могли нанять стороннего человека.

Мих сразу понял, что господин о Черном, чтобы пусто было этому ироду. Потому не преминул заметить.

— Не человека, а прочего. Не двигаются так люди.

— Может и прочего, все может быть. Но что мы имеем? Аховмедцы не славятся терпением — обещанного им не дали, Логофета убили. Нервы сдают или наследный принц решил напомнить о себе — поэтому несколько прочих устроили представление с магией крови. А великий князь, в тот же день выбил императорское помилование для всех

злоумышленников и приехал даже ночью!

Орчук заморожено посмотрел на вновь взвитый к небу перст и, не отводя от того глаз, спросил.

— А что за помилование?

— Ты разве не видел бумагу, что великий князь Его превосходительству показывал? Я досконально изучить ее не успел, но из того что разглядел, заключил следующее... Император своей волей помиловал всех аховмедцев, совершивших любое преступление сегодня. Сроду о таком документе раньше не слышал. И, кстати, теперь ясна роль великого князя...

Меркулов замолчал, ожидая, видимо, согласия от Миха, но тот лишь хлопал глазами и недоуменно косился на хозяина. Пришлось продолжать.

— Великий князь и занимается этими самыми переговорами. Именно он руководит, если так можно сказать, расследованием. За аховмедцами лично явился, а это о многом говорит. Соответственно, он и знает, что украл вор и что должна получить делегация.

— Думаете, у него спросить?

— Мих, ты иногда скажешь, хоть стой, хоть падай. Как ты себе это представляешь? Ваше Высочество, что вы пообещали там аховмедской делегации? Думается, меня вновь сошлют в ссылку, только теперь за личное вмешательство, а не за кровное родство. Да и тебя, скорее всего, тоже.

— Я все спросить хотел, господин, да все опасался...

— Раз слово начал говорить, то нечего его за пазуху прятать.

— Все спросить хотел, — почесал макушку орчук, понимая, что особой обходительностью не отличается и может ненароком обидеть Меркулова, — про папеньку вашего... За что его из Моршана выслали?

В какой-то момент Миху показалось, что еще миг, и господин начнет рассказывать. Ибо дрогнуло лицо Витольда Львовича, будто мучением омраченное, дернулась рука, с силой сжавшая газету, приоткрылся рот, дожидаясь первого слова.

И тут же со стороны коридора послышался тяжелый топот сапог. Меркулов обернулся так, как если бы имел дар смотреть через стены, как Галицкий какой. Хотя, может, они сквозь кладку кирпичную и не лицезреют, а вот за версту воробья заметить — это да. Так или иначе, но угадал Витольд Львович — распахнулась дверь, обнаружился за ней переполошенный молодец лет сорока, только и выпаливший.

— Его превосходительство к себе ждет!

— Как-нибудь в другой раз, Мих, — только и сказал Меркулов, поднимаясь на ноги и беря в руку трость.

Орчук закричал, последовав примеру хозяина. Думалось ему, что ох как не скоро этот разговор настанет, если вообще случится. Для подобных бесед момент особый нужен, благополучный, чтобы все сошлось и настрой соответствующий был.

Выбрался Мих за дверь, а полицмейстерство на ушах стоит. Бегают служивые, кто ремень поправляет, кто кобуру подвязывает, другой саблю выронил, хоть и в ножнах была, а шума предостаточно наделала. Сами-то они оказались на первом этаже, поэтому и очутились теперь в самой гуще событий. Витольд Львович, стараясь растереть онемевшую щеку, выглядел здесь маленьким островком спокойствия, а через него и орчуку уверенность передалась. У полукровки задача главная какая — за господином следовать и во всем ему способствовать. А что вокруг происходит, кутерьма какая, война или вовсе геенна огненная

— дело десятое.

Потому обстоятельно, без лишней спешки поднялись до третьего этажа, где торопливости уже не было заметно, но по тревожным взглядам становилось понятно: всеобщее волнение докатилось и сюда. Обер-полицмейстера они застали в своем кабинете в окружении сухого Константина Никифоровича и румяного Петра Андреевича. Третий помощник Его превосходительства отсутствовал.

— Витольд Львович, ты только посмотри, эти двое меня на дело не пускают! — Возмутился сидевший в кресле обер-полицмейстер.

— Александр Александрович, обговорили же все, — вскинулся Константин Никифорович.

— Ваше превосходительство, и без вас Николай Соломонович голубчика возьмет. Да и не поможете вы там ничем, — в унисон первому полицмейстеру сказал второй.

— Прошу прощения, а что за дело? — Постарался не обращать внимания на последние реплики Витольд Львович.

— Нашли место, где Черный живет. Обошли все окрестные дома, в которых комнаты сдавали, в одном приятеля твоего, — при этих словах обер-полицмейстер крикнул, довольный своей шуткой, и продолжил, — и опознали. Я все боялся, что может он в другой одежде ходит, ан нет. Ровно такой же: черный плащ, лицо скрывает, заплатил аховмедским золотом. Так что собирайся.

— Я готов, — мгновенно отозвался Меркулов.

— На месте сейчас восемь филеров, я отправил две группы на укрепление. Уже добраться должны были. А ты с Николаем Соломоновичем поедешь, все-таки Меркулов, прыть у тебя особенная, да и Мих твой там лишним не будет. Так что отправляйся, специально заставил Истомина тебя подождать.

— Хорошо, Ваше превосходительство, единственная только просьба, позвольте на список украденного взглянуть, одним глазком. Пока все документы Его Высочество не забрал.

— Да смотри, сколько угодно тебе будет.

Александр Александрович достал папку из стола, раскрыл ее, покопался в бумагах и вытащил два листка.

— Это что украли, и что нашли, — пояснил он.

Меркулов внимательно посмотрел сначала на первый листок, потом на второй. Прошелся по строкам, потом внимательно побегал глазами, сравнивая описанные вещи, и вернул обер-полицмейстеру.

— Ну что, увидел искомое? — полюбопытствовал Александр Александрович.

— Еще бы знать, что искать, — задумчиво ответил Меркулов. — Ну так мы побежим, Ваше превосходительство... господа.

Лишь дождался ответных кивков и вылетел, точно, прости Господи, пуля из самого настоящего револьвера. Мих поклон сделал как надо, чуть ли не до пола, а потом за хозяином кинулся. Чуть с лестницы не свернулся, за перилу ухватился, что та аж затрещала, да удержался. Только внизу Меркулова догнал, когда он из ведомства уже выходил.

Их и правда ждал Николай Соломонович, сидя в четырехместном крытом экипаже. Лицо его выражало нетерпение самой высокой степени, а быстрые пальцы нервно теребили лихо закрученный ус.

— Быстрее, Витольд Львович, быстрее, — поторопил полицмейстер, — уж сколько вас

ждать пришлось!

Мих пропустил господина вперед, и едва только орчук оторвал ногу от мостовой, экипаж тронулся. По всей видимости, нетерпение Его высокородия передалось и вознице. Тот покрикивал на лошадей, не гнушался работать кнутом, в общем, нагонял упущенное время как мог.

Все ждал Бурдюков, что Николай Соломонович станет молчать да взор в стороны отводить. Вроде как думал про него Мих, что тот герой войны, статью не обделен, горделивый должен быть. Тут же получилось, что навязали ему молодого чиновника, в ведомство полицейское попавшего случайно, опыта в подобных делах не имеющего, да кочевника (и Бог с ним, что полукровка). Это орчук ведал, каков Витольд Львович в деле, а полицмейстеру откуда то известно должно быть?

Но к удивлению Муха, который привык, что большие и сильные люди молчаливы и грубы — Николай Соломонович не стал запираяться или воротить нос от неподходящей компании. Напротив, он любезно улыбнулся Витольду Львовичу и признался.

— Каждый раз, когда на дело еду, мандражирую, как институтка на выпуске. Уж сколько боев прошел, сколько перестрелок уличных и потасовок, уже здесь, в Моршане, а от привычки этой избавиться так и не смог. Скажешь кому, Истомин перед дракой робеет, так засмеют.

— Опасаться за свою жизнь я не считаю чем-то зазорным, напротив, наверное, этим мы и отличаемся от животных, — в ответ улыбнулся Меркулов.

— Не боятся только дураки, Ваше высокородие, — заключил и Мих, вдруг решивший, что и он может среди высоких господ словом поделиться.

— Я считаю также. Ты, вроде, Михайло? — Дождался утвердительного кивка и продолжил. — Очень сильно отличаешься от представителей твоего народа.

— Мих наполовину человек, — вступился за своего знакомца Витольд Львович.

— Нельзя быть наполовину мертвым или наполовину орком, вы уж извините, — попросил прощение Николай Соломонович, впрочем, без особого энтузиазма. — Уж повоевал с Ордой, многое повидал: и берсерков их, и шаманов, и икекулов, — при упоминании о «ловких воинах» Мих язык прикусил, — бойцы что надо. Прыти и увертливости невероятной. Раньше, чтобы одного орка убить, не менее трех человек теряли, так-то. А про шаманов уж совсем молчу. Помню, по весне нагнали одного, а он магию применять стал. Дар у них и не дар вовсе, а как они говорят «шепот с природой», даже из самой бедной семьи орчонок может шаманом стать. Так вот, дунул, будто вьюга в грудь ударила, лошади ржать начали, отступили. Когда до него почти добрались, крикнул, как собака бешеная, и выскочила стая волчья из пролеска. Загривки дыбом стоят, зубы оскалили, вокруг нас бегают, скотину пугают.

— Что же, сбежал шаман? — Заинтересовался рассказом Витольд Львович.

— Он, конечно, шустрый и ловкий, с магией своей опять же, но не быстрее пули. Был у нас корнет один, Михайловский, дрянь человек. Глупый, крикливый, но уж как из ружья стрелял — равных ему не было. Прямо в голову этого фигляра оркского уколошил. Только через ружья и пушки можно над этими кочевниками власть иметь.

— А волки? — Любопытствовал совсем о другом Меркулов.

— Волки? А что волки. Только шаман на землю рухнул, так и серые разбежались. Я по первому времени думал, что ружейного выстрела испугались, а потом узнал, что колдуны орчьи их вроде неволят. Заставляют делать, что хотят. А убиваешь шамана, и власть над

животными вся заканчивается.

— Да, я слышал о подобном, только, признаться, не видел, — кивнул титулярный советник.

— А я такого посмотрелся, на две жизни хватит. Подлая штука — война, но что поделаться, если понимает Орда только силу. А все эти переговоры и дипломатические реверансы ни к чему не приводят. Народ у них такой. Если видят, что нет у тебя намерения по лицу им съездить, то либо ограбят, либо убьют. Вы не подумайте, к полукровкам или прочим, на службе состоящим, я с пониманием отношусь. Славия должна пользоваться любыми средствами, дабы возвыситься среди остальных государств. Только с умом все должно делаться.

— Вы сказали, что ваша фамилия Истомин, — поспешно перевел Витольд Львович разговор в другое русло, — не тех ли самых Истоминых будете?

— Тех самых, — не без гордости ответил полицмейстер, — одна из древнейших фамилий. Старше нас только Галицкие и Дашковы. Ну и императорская семья, само собой.

— Прошу прощения, если мой вопрос покажется вам бестактным. Я кое-что слышал об Истоминых, но ничего конкретного про вашу родовую магию.

— Мы ее не выпячиваем. Тем более наш дар особенный, не в пример другим. Я не говорю, что сильнее... Да легче показать, чем объяснить. Вы не против, я совсем на немножко?

От этого вопроса у Миха похолодело в груди. Дворяне никогда не спрашивают, можно ли им дар применить или нет. То воля им царем и Ковчегом данная, ее пресечь если только великий князь может и то ненадолго. А ежели спрашивает аристократ дозволения, то значит только одно — тебя задеть его магия может. Испугался орчук, ох как испугался. Магия — это даже не ружье или револьвер, может так бабахнуть, костей потом не соберешь. Хотел было об том господину обмолвиться, но Меркулов уже легкомысленно кивнул.

Сначала вроде показалось, что не произошло ничего. Сидит как сидел Его высокородие, осанка прямая, горделивая, грудь колесом, руки покойно на коленях лежат, только взгляд какой-то отрешенный стал, будто сквозь тебя глядит и о своем думает. А потом почувствовал орчук. Родилось внутри, подле живота жжение некое приятное, бывает такое, когда настойку сладкую откушаешь. Только обычно выпьешь, и тепло сквозь грудь пройдет, задержится там, а потом медленно по телу растекается. Тут же мгновенно все произошло.

От живота в мгновение пробрало, обожгло огнем душевным нутро все. Но странно было Мишу. Вроде и горячо, но приятно: на пример страсти, которая накатывает, когда девка крестьянская тебя в сено манит. Хотя сравнение дурное. Там похоть одна, а тут воодушевление. Подумалось орчуку, что сейчас вся земля его ручищами объята может быть, что он один такой сильный и всемогущий Михайло Бурдюков. Стоит сейчас Черному здесь вдруг появиться, не сносить тому головы. Хотелось закричать что-нибудь ободряющее, песнь военную затянуть, шашку вытащить (кабы была), да на врага понестись.

Вдохнул орчук раз, потом второй, третий. И вдруг понял, что дышит тяжело, грудь вздымается высоко, а прежней легкости нет. Прошло воодушевление, будто его и не было. А Николай Соломонович глядит то на него, то на господина и улыбается.

— Первый раз у всех так бывает. Теряются люди... ну и прочие.

— Я не совсем понял, — задумчиво пробормотал Меркулов, — это...

— Отвага. Все Истомины могут вселять отвагу в окружающих. Чем лучше магией владеешь, тем больше людей ободрить сможешь, страха лишить. Я на войне больше взвода на

себя не брал, это потом поднаторел, а вот отец мой когда-то эскадроном командовал. Так и звали его кавалерийцев «истоминские сорвиголовы».

— И что же, потери в вашем взводе были меньше? — Спросил уже оправившийся от первого шока Меркулов.

— По-разному, — уклончиво ответил Николай Соломонович, — но мой взвод каждый пес орчий знал и стороной обходил.

Витольд Львович не нашелся, что на это ответить, а Миху, понятное дело, покамест следовало сидеть и помалкивать, как единственному представителю недружественного полицмейстеру народа. Неловкое молчание нарушил сам Николай Соломонович, бодро отреагировавший на остановку экипажа.

— Выйдем тут, близко подъезжать нельзя.

Огляделся Мих, место незнакомое, но издали виден шпиль Мглинского вокзала. Витольд Львович тоже головой повертел, но быстро успокоился. Полицмейстер сделал знак следовать за собой в проулок и пошел вперед.

— Четыре месяца назад, именно здесь, на Вешняковке, банду Кольки-кривого брали. Не слышали о нем?

Мих чуть по лбу себя не хлопнул, вот они где — на Вешняковской, с обратной стороны, значит, подъехали. Район тут средний, вроде и не бедные живут, но и благополучным полностью назвать нельзя. Хотя места благолепные, далее церковь Пречистого Фомы, следом цирк, где тоже не мало людей бывает, потом и выход на несколько главных проспектов, но все же близость трех вокзалов делают свое дело. Нет-нет да появится скверна какая или другое непотребство проявится.

— Нет, четыре месяца назад меня еще не было в Моршане, — отозвался Меркулов.

— Так вот, этот Колька-кривой, хромал он сильно, — объяснил прозвище полицмейстер, — прославился на всю страну. Сначала по Малославии пробежался, грабя богатых господ, через неделю вдруг на юге объявился, потом исчез. И вдруг в Моршане одно ограбление, другое, третье. И везде говорят: главарь лиходеев припадает сильно на правую ногу. Тут одну ниточку потянули, другую, ну вы знаете, как в нашем ведомстве происходит, выяснили, что он. А дело ведь в чем, на одном месте он больше двух ограблений не устраивал. Тут же три, да еще в столице. Знамо дело, теперь надолго пропадет.

— И как же вы его поймали.

— Через девку его вышли. Та Кольку боялась шибко. Человек он со странностями, совсем без разумений: мог папиросы об нее тушить, а через минуту в любви признаваться. Ну вот она и обмолвилась своей товарке, а та уже околоточному. Слово за слово, выяснили, что и правда Колька уезжать собирается, и квартирка у банды его аккурат возле вокзалов. Выдавали себя за богатых господ с Запада. Окружили, как сейчас, но пронюхал как-то, пройдоха. Говорят, чутье у него особое на нашего брата, пальбу устроили. А людей вы знаете, сколько на Вешняковке бродит. Могло до большой беды дойти.

— Но не дошло? — Повернул на ходу голову к собеседнику Витольд Львович.

— Не дошло. Благодаря магии истоминской. Штурмом взяли квартиру, всего четверых потеряли против девятерых. Так-то. Нас потом с Его превосходительством приглашали к Его Императорскому величеству. Святого Георгия дали. Жалко, старик занемог тогда, пришлось одному за все ведомство отдуваться. Но Истомины себя никогда не срамили, так-то.

Они вышли на Краснокаменку и Николай Соломонович понизил голос.

— Вон тот дом, четвертый от перекрестка. Окна в квартире выходят во двор, но все

равно лучше не шуметь. Миха вашего лучше прямо тут оставить. Если дворами уходить будет, то как раз сюда выскочит. У меня вон, Подберезкин там дежурит, но пара лишних рук не помешает.

Николай Соломонович указал на старика, сидящего на мостовой и просящего милостыню. Даже удивился орчук — про того ли человека говорит полицмейстер? Нет, обрядить в лохмотья можно любого, однако этот дед с оборванной и замызганной бородой, дрожащими руками с желтыми ногтями и грязной морщинистой шеей явно не мог быть филером. Да еще причитал он так слезно, коверкая слова беззубым ртом, жалобя прохожих.

— Матерью-заступнишкой прошу, люди добрые, сирота с рошшдения, сирый с отрошшества. В руках немошшшь, нишего проклятушшшшие не дершшат. Хоть краюху, хоть монетку малую, кто шшем мошшет.

И судя по шапке с монетами в руках, могли многие. Подавали несчастному так, как орчук не зарабатывал и в лучшие дни. Хотя Мих для себя давно понял, никогда не смог бы нищенствовать, воспитал его папенька не так — что бы ни случилось, всегда можно заработать: не силой, так умом, не умом, так искусными руками. Трудолюбивый человек прокормиться сможет. Нет, не мог быть нищий филером, этого видно, давно милостынею живет.

Но в этот самый момент, когда прохожих возле старика стало меньше, тот проворно обернулся и вдруг, озорно посмотрев прямо на Николая Соломоновича, кивнул. Полицмейстер ответил тем же.

— Лучший у нас по части перевоплощений. Двадцать восемь лет, а каков талант. Постоянно что-нибудь придумывает, вставляет. К нему даже из других городов раз в год с наших ведомств наезжают, дабы мастерству обучиться. Давно говорю Его превосходительству, надо Мишку Подберезкина брать, да методичную брошюру с него писать.

Орчук только диву дался. Двадцать восемь лет тезке, а каков в деле. Сказал бы кто, не поверил. Ну чистый актер, таких и в театре не всегда встретишь. Те в основном ломают комедию, в крайность впадают, а этот в самом деле будто всю жизнь в нищете провел да на улице.

— А что, у вашего Подберезкина и револьвер есть?

— Обижаете, Витольд Львович, конечно, имеется.

— Тогда я бы Миха здесь не оставлял, ни к чему он тут без оружия. Лучше еще одного филера приставить, тоже с пистолетом.

— Не много ли чести этому вашему Черному?

— Если вдруг что не так пойдет, то он непременно через окно уходить станет.

— Обижаете, Витольд Львович, я уж свою работу знаю. У меня и во дворе пара ребят дежурит. Подберезкин уже так, на крайний случай, если Черный каким-то чудом вдруг и оттуда сбежит. Там чуть подальше, в проулке, еще один человек.

— Тогда не понимаю, зачем же оставлять здесь Миха?

Полицмейстер недовольно посмотрел в сторону орчука, но все же сказал правду.

— Не хотел я его к самой операции допускать. Тут дело тонкое, любой случайный человек... или прочий его испортить может. Ладно вы, все же Меркулов, о прыти вашей такие слухи ходят, полезны можете оказаться, но он...

— Это вы зря. К слову, как вы дверь вышибать будете?

— Обыкновенно, сучковатый широкий чурбан берем, да с двух сторон...

— Уже, значит, тихо не подберемся. А вы же знаете, как могут быть бесшумны орки.

— Знаю, — не смог опровергнуть данный факт Николай Соломонович, хотя по его выражению лица, стало ясно, это ему не доставляло удовольствия.

— Это, во-первых, — поднял свободную от трости руку Меркулов и загнул палец, — а уж про силу орчью и говорить не приходится. Тоже ведь так?

— Так, — еще более помрачнел полицмейстер.

— Потому дверь вашу Мих выбьет с одного удара, и никаких поленьев не понадобится, это, во-вторых. — Загнул еще один палец Меркулов, — В-третьих, Мих послушен и приказы исполняет лучше многих подведомственных вам филеров. Потому заключаю, что орчук, как вы его называете, нам не только не помешает, но даже поможет.

— Хорошо, — немного поколебавшись, согласился полицмейстер, — навязали же вас на мою голову. Ладно, идите за мной.

И отвернулся, зашагав к заветному дому. Мих благодарно посмотрел на Витольда Львовича, но тот лишь мимолетно улыбнулся и отправился за полицмейстером. Орчук поправил пояс, вытянулся вверх, позвонками хрустя, размялся и последовал за господами. Намеревался сегодня орчук ни много ни мало доказать господину, что он в нем не ошибся.

Глава 13, где выясняется, что Черный не человек, но и не прочий

Поднимался Мих осторожно, подолгу останавливаясь и прислушиваясь к звукам наверху. Издали это казалось презабавным: огромных размеров ордынец (тем более что для прочей резвости мундир и сапоги пришлось снять) крадется подобно кошке, завидевшей легкомысленного голубя. К чести филеров и прочему разномастному люду, по внешнему виду к полицмейстерству имевших самое дальнее отношение, но все же являвшихся подчиненными Николая Соломоновича, двигались они тоже бесшумно. Единственный раз под кем-то скрипнула половица, но тут же выпрямилась и больше на окаянную никто не ступал.

Шел орчук первым, представляя собой, по словам Витольда Львовича, «орудие таранного типа». Далее, на почтительном расстоянии, следовали сначала Меркулов с полицмейстером, а только потом уже все остальные. Развернуться на лестничном подъеме не представлялось возможным, с трудом одновременно двое встанут да только мешаться друг другу будут. Единственная допустимость для маневра — площадка, где квартиры располагались, вот туда и надобно было добраться бесшумно, а потом уже все начнется.

План Николай Соломонович изложил быстро, благо опыта у него на двоих имелось. Мих все то время на Меркулова глядел, тот хоть и молод, да мнение свое по каждому вопросу имеет, а разумения на целый университет, если не боле. Но и Витольд Львович сс всем согласился, единственное, орчука на острие штурма выдвинув. Только полукровка воодушевился и обрадовался, тут же его будто водой колодезной и окатили. Вся его задача оказалась простой и незамысловатой: одним движением выбить дверь, а потом отступить назад, дав простор летучему отряду. Дескать, нерасторопен будет орчук в крохотной квартире, точнее, как поведал владелец, комнате.

Мог бы поспорить с тем Мих, да не стал, коли уж хозяин решил, так и будет. Уверен был Меркулов в успехе операции, уговорил ко всему прочему под окна не двух людей выставить, а четырех, потому что путь для отступления у Черного один. Посчитал орчук, если вдруг и выпадет неприятель из окна, там его угостят двумя десятками пуль. Как бы резок не был Черный, да ежели даже в бронежилете, хоть одна, но сразит. К прочему, наказал Николай Соломонович целиться не в тулово, что защищено могло быть, а по ногам, чтобы прыть всю разом утратил. Очень хотел полицмейстер ворога живым взять.

Поднялся до самой двери Мих, глубоко и судорожно вздохнул, стараясь унять бешено стучащее сердце, и на Меркулова, что в двух шагах от него был, обернулся. Господин кивнул, сжал в правой руке револьвер, а левой за перила взялся, дабы оттолкнуться и внутрь рвануть, как только возможность представится. Трость-шпагу внизу оставил, ни к чему она здесь была, не вывернешься, не размахнешься.

Проговорил орчук про себя «Отче наш», одними губами, без слов, да пнул ногой дверь под самый замок. И посерьезнее вещи ломал, обычно, конечно, не нарочно, по случайности, но все же опыт в подобных делах имел. Вот и теперь треснула дверь вместе с косяком, отлетела та в сторону, лишь на нижней петле оставшись. И сразу Мих назад отступил, как оговорено было. А далее все в одно мгновение смешалось.

Едва только нога босая коснулась дерева, как почувствовал орчук воодушевление уже

узнаваемое. Даже поворачиваться не пришлось, чтобы увидеть глаза отстраненные полицмейстера, так Мих все понял. Заметил и еще кое-что. У крохотной печи с открытой решеткой сидела темная фигура, завернутая в плащ, а рядом с ней стопка листов. И судя по яркому пламени, бумаге была уготована скорейшая расправа.

Дернулся Черный от удара орка, поколебался, совсем чуть-чуть, взгляд на листки уронив, но все же рванул к окну. Но его нерешительности стало достаточно, чтобы серой тенью ворвалось внутрь нечто, уже у самой стены врага схватившее и отшвырнувшее в сторону. Кувыркнулся Черный, вскочил на ноги и стал напротив Меркулова, окно загораживающего. Тут уже и сам полицмейстер внутрь вбежал, выставил пистолет в сторону злоумышленника да стал стрелять.

Многое в своей жизни орчук видел, но подобной прыти никогда. Тем более сказал бы кто, что ежели постараться, то можно от пули увернуться... Таких брехунами обзывают и под ноги плюют. Но все же глаза не ввали. Едва только револьвер на Черного уставился, бегом с места тот бросился — сначала на спинку кровати наступил, потом двумя шагами по стене пробежал и, падая уже, перевернулся в воздухе близ Меркулова. Хозяин не зевал, пнул противника в грудь, точнее попытался, но извернулся неприятель, вскользь удар пришелся. Схватился с Витольдом Львовичем, вернее, так Мих предполагать только мог, ибо замельтешило в глазах, аж тошно.

И Николай Соломонович, к тому времени два раза выстреливший, к ним поспешил, обходя сбоку Черного и давая остальным филерам проход. Будь Мих ростом пониже, так и не увидел всей трагедии разыгравшейся дальше. Дверь-то облепили со всех сторон, да вот только стрелять никто теперь и не думал — не ровен час в Меркулова попадешь. Тем более видно в общем мельтешении, одерживает пристав следственных дел верх, все больше ударов пропускает Черный, все реже удается ему увернуться.

Да забыли про коварство последнего. Уступая в поединке, шаг за шагом разворачивался злоумышленник и вдруг в один миг, будто специально под удар подставился. Прямо в лицо, точнее в маску кулак Витоляда Львовича пришелся. Загудели одобрительно филеры, прямо как мальчишки, свободнее выдохнул Николай Соломонович, а Черный отправился в недалекое путешествие на пол. Только тут странное и произошло.

Кулачная наука для Муха никогда трудной не была, замысловатостей в ней не особо много. Либо бей, либо бит будешь. Коли уж хлестнули тебе хорошенько по физиономии, то будь добр упади и лежи. Ежели не сильно втемяшили, головой отряхни, мутным взором округу обойди, а уж потом поднимайся, чтобы дальше получить. По крайней мере, всегда так было. Но у Черного наука своя была, неправильная, не выверенная. Тот, влекомый силой удара, вдруг как гуттаперчевый болванчик оттолкнулся руками, потом, перевернувшись, ногами добавил и выдал такое сальто-мортале, что приземлившись, очутился аккурат за полицмейстером. Ахнуть никто не успел, только Меркулов на пару шагов дернулся, но Черный упреждающе развернул в его сторону Николая Соломоновича, будто куклу тряпичную. Одной рукой он обхватил шею Его высокородия, а в другой невесть откуда взявшийся кинжал прижимал к шее полицмейстера.

— Револьверы опустить.

Никогда прежде не слышал Мих подобного голоса. Негромкий, бесцветный, как вода, неживой. Без говора, будто всю жизнь Черный в Моршане провел, но вместе с тем понятно, что нездешний. Чужой, одним словом, и своей бесчувственностью отталкивающий.

— Опустите или полицмейстер умрет.

Медленно и неохотно послушались злодея-филеры, а вместе с ними Витольд Львович. Было видно по Меркулову, что хочет он броситься на обидчика, но не решается. И Черный это понял.

— Не пытайтесь, титулярный советник. Я успею зарезать полицмейстера прежде. Отойдите от окна.

Орчук к тому времени подле самой двери стоял, потому заметил, каким злым стало лицо Меркулова. Никогда господина таким не видел. Желваками играет и чуть ли не зубами скрежещет, но делать нечего. Стал медленно полубоком уходить в сторону замолчавших филеров, походивших на отару овец, увидевших волка. А Черный теперь напротив, к окну подходит. На остальных и не смотрит даже, не беря в расчет, а с господина взора не сводит. Хотя, не видно глаз за маской, но голова в сторону титулярного советника повернута.

Так и двигались полушагами: медленно, степенно, аккуратно ступая на половицы. Будто в зеркало смотрелись, стараясь движения друг друга повторять. Понятно, Черному затруднительнее это дело — перед собой толкает Его высокородие. Да все несподручно, не с руки, Николай Соломонович ведь повыше пленителя своего будет. Так и танцевали бы дальше, да вдруг полицмейстер, точно споткнувшись, полетел вперед, аккуратно на Меркулова, а следом звон стекла раздался. Только потом понял Мих, что Черный специальным образом толкнул Его высокородие, а сам в окно сиганул.

Заговорили почти одновременно снаружи револьверы, а орчук в который раз порадовался предусмотрительности господина. Ведь сам полицмейстер, который сейчас с пола только на ноги становился с помощью Витольда Львовича, хотел всего пару людей оставить. Теперь наделают дырок в Черном, поболее чем дуршлаге. Еще бы умудрился ноги не сломать, он ведь Его превосходительству живой нужен был.

Наступившая следом тишина оглушила, ударила по ушам, будто пушка ядром разродившаяся. Потому голос Меркулова, который уже подле развороченной рамы стоял, прозвучал пугающе.

— Не стрелять!

И был таков. То бишь как стоял, так и выпрыгнул наружу. Несколько филеров, самых бойких, бросились к лестнице, чтобы перехватить Черного, а Мих напротив, внутрь протиснулся, бережно полицмейстера, шею потирающего, отеснил, да к проему примерился. Тесновато, конечно, но быстрее пути вниз оказаться нет. Люди в засаде еще револьверы перезаряжали, потому выбрался кое-как наполовину из окна, потом ногу перебросил, другую, да и спрыгнул. Филеры сначала вздрогнули, но поняв, что это за дура приземлилась, поспешили дальше пистолетами заниматься. Зачем спрашивается? Даже Витольда Львовича почти не видно, несетя серым пятном вперед, а уж Черного и подавно.

Да только и Мих в беге поднаторел. Вот и теперь шаг, второй, третий сделал и уже несетя подобно локомотиву, единственно что паром не дышит да рельсов впереди нет. Но на пути у орчука лучше не становиться — задел случайно палку, на которой веревка для сушки белья натянута — только треск послышался, ненароком плечом коснулся стены следующего дома — песок кирпичный посыпался. Не бежит Мих — мчится как лошадь на волю пущенная, хотя как раз свободы действий сейчас орчуку не доставало. Места и пространства маловато, возможности нет развернуться, приходится себя сдерживать.

Но кончились дворы, выскочил орчук в проулок, чуть в стену не впечатавшись, заозирался. Справа, по всей видимости, Солоновка, но до нее еще добраться надо. Путь не близкий, а фигур не видать. Слева же, в двух шагах, Краснокаменка. Только странно, ни

Подберезкина нет у угла, ни еще одного филера, сюда же приставленного. Только... ботинок.

Похолодело у Миха внутри, несколькими большими шагами расстояние преодолел, выскочил на Краснокаменку и тут все открылось. В стороне с зажатым в руке револьвером, раскинув ноги в разные стороны, лежал тот самый второй, имени которого орчук не знал. А вот рядом с ним, чуть выставив ногу с худым ботинком, для конспирации в нескольких местах дырявым, в проулок, отходил Подберезкин.

Приходилось видеть Миху умирающих людей, не вдоволь, но приходилось. Вот и теперь лишь взглянув на самого талантливое филера, сразу орчук все понял. Рана на шее оказалась слишком обширна, как ни старался сейчас Витольд Львович сдерживать кровь, льющуюся оттуда, но ровным счетом ничего не мог поделывать. Странная, наверное, картина. Высокий молодой титулярный советник, если судить по мундиру, пытался тщетно спасти нищего старика. Хорош был Подберезкин в таком деле, настоящий дока: ногти и вправду обломаны да не ухожены, кожа темным натерта, будто в гари, волосы свалены в грязную шапку, одежда, опять же. Единственный просчет вышел с глазами. Слишком они молодые были, встревоженные, жадные до жизни. Цеплялся ими Подберезкин за всякую мелочь, точно веревкой привязать к этому миру себя пытался. И с каждой секундой все быстрее глаза бегали.

— Ну что стоишь?! — Крикнул, обернувшись на него, Меркулов. — За врачом беги!

— Господин... — Замялся Мих.

— Беги, говорю! На Терентьевской клинической больница! Волоком сюда врача тащи!

— Господин, все уже... Преставился.

Меркулов посмотрел на лицо Подберезкина. Тот и правду затих. Кровь еще лилась сквозь пальцы Витольда Львовича, но взор филера уставился теперь в одну точку, застыл, будто лежащий об чем-то крепко задумался. Орчук перекрестился: недолго мучался, сердечный.

Витольд Львович уселся рядом на мостовую, вытер окровавленной рукой лоб, нисколько не обращая внимания на юшку, и устало посмотрел на Миха. Аж вздрогнул полукровка. Лицо у хозяина молодое, благолепное, ни морщинки, ни пятнышка темного, а вот глаза старческие. Измученный взгляд, истерзанный, обессиленный. Точно сгорает изнутри. Только виду Меркулов не подал.

— Пойдем второго посмотрим, может, жив еще...

Филер, лежащий с раскинутыми ногами, оказался всего лишь в беспамятстве. Прежде чем его привели в чувство и он начал говорить, горемыка испуганно похлопал глазами, смотря то на Меркулова с окровавленными руками, то на бездыханного Подберезкина с развороченной раной на шее. К тому времени подоспел и полицмейстер с остальными. Некто услужливый из филеров достал ведро воды с тряпкой, а орчук уже помог господину умыться — негоже окровавленному людей пугать. Остальные тоже без дела не остались. Один принес большой кусок парусины (сдавалось Миху, что подобный он видел в одном из дворов, пока бежал сюда), второй помчался за извозчиком, тело увезти, несколько сразу стали разгонять набежавших зевак.

Только Витольд Львович ни на что внимания не обращал, вцепившись в выжившего пострадавшего. Рядом стоял Николай Соломонович, явно тоже заинтересованный, но в допрос не вмешивался.

— Постарайся ничего не упустить. Как было?

— Я в проулке стоял, шагах в пяти отсюда, вон там, — указал филер, тут же почему-то потрогав голову. — Заслышали мы сначала, как стекло бьется, потом выстрелы раздались. Ну и стало сразу понятно, что к чему. Револьверы достали, только сделать нечего не успели. Выскочил этот... этот... в плаще, меня так кулаком треснул, и все... Потом уже вас увидел.

— Этот ж какая сила удара должна быть, чтобы на пять шагов отбросить? — Удивился нахмуренный полицмейстер. Было видно, что он крайне раздосадован сорвавшейся операцией, если не сказать больше, но пытался бодриться. — Да тут и больше пяти.

— По моему опыту, Черный способен и не на такое. — Ответил ему Меркулов и вновь повернулся к пострадавшему. — Как вы себя чувствуете? Голова кружится? Тошнит?

— Да, и кружится, и тошнит, — ответил филер.

— Ему надо к врачу, — вновь повернулся к полицмейстеру титулярный советник, — по всей видимости, головокружение.

— Ребехин, Куйко, — негромко произнес Николай Соломонович, но подчиненные будто выросли перед ним из-под земли.

Его высокородие отдал приказы относительно пришибленного, того бережно подняли под руки и отвели в сторону. Витольд Львович тем временем выпрямился и потер темя, явно над чем-то задумавшись.

— Он вас знал, — обратился Меркулов к подошедшему Николаю Соломоновичу.

— Кто?

— Черный. Он сказал: «Отпустите или полицмейстер умрет».

— Да меня много кто в городе знает, все-таки Истомин не последний человек. Или вы меня в чем-то подозреваете?

— Теперь нет, — честно признался Меркулов, — раньше да. Черный действительно мог вас серьезно поранить, вон даже след остался. — Указал он на свежий порез, еще подернутый сукровицей. — Тем более если бы и вправду были замешаны, то не стали рисковать жизнью своих людей здесь, не выставили подчиненных под окнами, одним словом, дали Черному спокойно уйти. Нет, вы ему ничего не сообщали.

— А кто-то сообщал?

— Конечно. Вы видели, чем он занимался, когда мы ворвались?

— Сжигал бумаги, — только теперь вспомнил Николай Соломонович.

— Кто-то ему сообщил, что мы вскорости прибудем. Кто-то, кто об этом знал. Но Черный не успел уничтожить все свидетельства. Вы на квартире людей оставили?

— Обижаете, Витольд Львович. Конечно, оставил.

— Тогда стоит взглянуть на найденное. Может, что интересное обнаружим... Мих, пойдем.

А орчук и без того уже подле хозяина был. Чуть ли не вперед убежал. Полицмейстер последние указания раздал и с ними последовал. Вроде, времени мало прошло, пока Мих бежал по дворам, а вот пешим ходом да не в горячке боя оказалось, что далече нужный дом находится. Подле него, у самого подъезда, дежурил уже человек в форме, а рядом деловито сновали остальные ребята из их ведомства. Знал орчук: это особая группа, которая до определенного момента сидела далеко в засаде.

Их пропустили, не произнеся ни слова. Лишь один из филеров, что толкались тут же, завидев Витольда Львовича, подошел и вручил тому трость, которую на его попечении оставили. Отдал торопливо, точно она жгла ему руки, опасливо глядя на рукоять. Не иначе как шпагу вытаскивал.

Меркулов поднялся на второй этаж, остановился у выломанной двери, оглядел все и к орчуку повернулся.

— Мих, пока не заходи. Ненароком затопчешь что.

Полукровка насупился. Тоже ему хотелось посмотреть, что там да как. А со стороны площадки, где квартиры расположены, в мельчайших деталях все не рассмотришь. Поглядел на ножища свои, ну да, больше обычной человеческой ступни, так он же с разумением, аккуратно мог пройти.

Полицмейстер вместе с Меркуловым подошли к печке, теперь почти не горячей, и подняв с пола разброшенные листки, стали их изучать.

— У меня чертеж какой-то. Непонятный. И заметки к нему на гоблинарском, — повернул голову вбок полицмейстер, пытаясь нечто разобрать.

— Позвольте, — присоединился к нему Витольд Львович, — и вправду чертеж некоего аппарата. Только непонятно, к чему его применить можно. А вот эти заметки, по всей видимости, меры длины.

— А у вас что?

— У меня намного интереснее. Насколько я понимаю, это план помещения. Чтобы мы не гадали, тут даже подписано сверху.

— «Первый императорский музей, галерея драгоценностей № 2», — побагровел полицмейстер.

— И написано, как вы видите, на славийском. Есть еще общий план.

— Откуда же он все это взял?

— Не догадываетесь все еще, Николай Соломонович?

— Про сообщника я давно понял. Меня смущают разговоры о наущничестве. О самой операции знали всего несколько человек, мои филеры да группа помощи не в счет. Им в самый последний момент сообщили, и на виду все были.

— Думаю, тут задействованы чины повлиятельней.

— Я даже знаю кто, — налились злобой глаза полицмейстера.

— Не поделитесь? — Полюбопытствовал Витольд Львович.

— Хитрый лис Никифорыч. Появился тут, месяца не прошло, как Егс превосходительство каждое слово ловить стал как истинно верное. Все думают, провинциал, человек с низших чинов до самого полицмейстера поднявшийся, а я его подлюю душонку насквозь вижу.

Задохнулся от ненависти Николай Соломонович. А Мих вспомнил слова Петра Андреевича о былом фаворе бравого «гусара», которого тот вмиг лишился после появления в Моршане Константина Никифоровича. Были у Истомина все шансы не любить вновь прибывшего. Тут все так просто, что даже орчук догадался. Кто ближе всех к Александру Александровичу, тот после отставки старика и первым человеком в ведомстве станет. А Его превосходительство давно уже не мальчик.

— В чиновничестве нет ничего предосудительного. К слову, хочет ли человек выслужиться или действительно уважает того, кто над ним стоит. Это, знаете ли, еще не преступление.

— Прошу прощения за свою несдержанность, — пришел в себя полицмейстер. — Я не имел право так говорить о моем... коллеге. Скажите лучше, — постарался перевести он разговор в другое русло, — у вас есть какие-нибудь мысли, как найти этого Черного?

— Пока никаких, — признался Меркулов, — нужно хорошенько подумать и изучить

найденное, прежде чем предпринимать дальнейшие действия. Очень уж ловким человеком оказался этот Черный, прямо неуловимый.

— Так, да не так, — покачал головой полицмейстер. — Не человек он, да и не прочий.

— Что вы хотите сказать?

— Есть у Истоминых помимо дара внушать отвагу и оборотная сторона. Через нее мой дед в одиночку плененный из самого Майдара сбежал и до Мглина добрался.

— Ваше высокородие, не томите.

— Постараюсь вкратце. Я говорил вам, что на существ, людей или прочих, без всякой разницы, но дружественно настроенных, а это самое важное, магия действует воодушевляюще. На врагов же, напротив...

— Удручающим действием?

— Именно, вроде апатии. Только все очень сложно. Число существ, на которых Истомин воздействует положительным или отрицательным образом, всегда не должно превышать определенного количества.

— И каково же ваше число?

— Девятнадцать, — признался Истомин. — А вот теперь подумайте. Всего в штурмовой группе было семь филеров, плюс вы и орчук. Всего получается девять. Те, что под окнами, не в счет. Магия действует лишь на тех, кого я вижу.

— Понимаю, — забарабанил Меркулов пальцами по рукояти трости, — магия должна была подействовать на Черного негативным образом.

— Но не подействовала, — чуть ли не шепотом подтвердил Николай Соломонович.

— Тогда действительно странно, — впервые признался Витольд Львович в своей беспомощности. — Кто же тогда Черный?

— А что тут понимать. Этот Черный не человек и не прочий... он нечто.

Черный плащ с шуршанием коснулся стены. Увидел бы кто со стороны — рассмеялся, вот учудил блаженный. Полез за чужим добром в полицмейстерство, таких воров преглупых даже среди транкльванийцев нет, а уж последние умом точно не хвастаются. То, что это тать, сразу ясно. Кто еще через окно влезть пытается?

Только никто не рассмеялся, не удивился и не закричал. Выждал незнакомец удачный момент, когда в Столешниковом переулке ни души не было, да бросился, будто заправский циркач, наверх карабкаться по водосточной трубе. Правда, было видно, что сил у него немного, чуть не сорвался окаянный несколько раз. Уже наверху он не без труда влез в распахнутое окно и тут же задернул его плотной шторой.

Хорошо, что не проходил мимо никто, иначе бы непременно услышали сердитый голос, по всей видимости, хозяина комнаты или кабинета.

— Ты какого черта здесь?! — И уже тише, вдруг поняв, что их могут слышать. — Чего здесь делаешь?

Черный поправил штору, чтобы внутрь теперь не проникал ни один даже малейший лучик солнца, и сел как был, прямо на пол, почему-то ощупывая себя.

— Мне некуда идти. Они сейчас у меня.

— Я же тебя предупреждал!

— Слишком мало времени, я не успел все уничтожить! Не успел собрать вещи!

— Бестолочь, все ведь сделал, чтобы ты ушел... Ладно, что теперь?

— Надо залатать раны, в меня немного попали.

— Твой хозяин говорил, что тебя нельзя убить.

— Каждого можно убить, если знать как, — спокойно ответил Черный, — но можете быть покойны, сердце они не задели. Оно слишком хорошо защищено. Все же для полной поправки необходимо время.

— Время, время, его как раз и нет. Меркулов точно по пятам за тобой идет.

— У него нет ниточек ко мне. Пусть он знает, кто убил Логофета и ограбил музей, но на этом все.

— С этого пса станется. Недооценивал я его, не думал, что так ловок окажется.

— Дайте пару дней, я смогу пробраться к нему ночью и...

— Черт тебя дери, как ты не поймешь, нужен он. С этой святыней тут такая заваруха началась, не получится теперь сухим из воды выйти. А эдакий козел отпущения всегда под рукой должен быть. Подумай только, сын изменника, без году неделя в полицмейстерстве, оказывается замешан в таком громком деле. Никто и носом не поведет, тем более друзей у Меркулова нет почти.

— Аристов, — вымолвил одно слово Черный.

— Что Аристов?

— Вы его подставили. Вряд ли он питает к вам нежные чувства.

— А что мальчишка видел? Ничего. Дело свое он сделал. Будет упрямяться, себе хуже сделает. Аристов не допустит, чтобы все открылось.

— Одно но, когда Меркулова схватят, то великий князь будет допытываться у него, где на самом деле святыня, — при этих словах Черный засунул палец пониже груди, нащупывая в себе дырку.

— Это дело не одного дня. Понятно, что первое время он будет отпираться, но кто в то поверит? Подумают лишь о его злокозненности. Представляешь, что с Витольдишкой газеты сделают? Они такого Асмодея из него раздуют, любо-дорого посмотреть. А я уж напоследок тому поспособствую. Думаю, на днях уже надобно обставлять дело с Меркуловым, слишком, каналья, далеко залез. Ну что молчишь, дубина, думаешь рискованно все это?

— Мне надобно лишь получить святыню и переправить ее хозяину.

— Вот именно что. А на мое благополучие тебе плевать, потому я ее и не отдаю. Почитай, сейчас все на карту поставил: жизнь, карьеру, дальнейшее свое будущее.

— Вам за то платят, причем очень хорошо.

— Не твоего ума дело, как мне платят, олух. Тебе наказали способствовать, ты и помогай, а не мудрствуй. Вон до чего дошло, среди бела дня ко мне заявился.

— Мне некуда идти. Нужно укрытие, — только и сказал Черный.

— Есть одно место, но туда можно попасть только ночью. Где же тебя спрятать до тех пор?

В переулке послышался шум подъезжающего экипажа, стукнули о мостовую каблуки, раздались голоса. Полицейский чин подбежал к окну, выглянул, и на мгновение в свете дня озарилось его лицо — но тут же отпрянул в темноту.

— Проклятый Меркулов! Уже тут.

— Мне приходилось останавливаться, чтобы не привлекать внимание, — стал оправдываться Черный, однако без особого усердия.

— Да заткнись уже. Представляешь, что будет, войди кто-нибудь сейчас в комнату?

— Я могу выброситься из окна, сил еще достаточно. Постараюсь убежать.

— Чтобы все видели, откуда ты выкинулся, дурья башка? Погоди...

Полицейский чин подбежал к сундуку, такому, каков есть в любом кабинете сыскного ведомства даже у самого последнего коллежского секретаря, открыл его, обвел взглядом и повелительно указал рукой Черному.

— Полезай!

Незванный гость с сомнением оглядел собеседника, но поняв, что тот не шутит, приказанье все же исполнил. С удивительной ловкостью заправского гимнаста он сложился внутри чуть ли не втрое, прижал голову к груди и со спокойствием, точно не было у него ровно никаких ранений, замер. Крышка захлопнулась, и полицейский чин с некоторой дрожью провел по дереву рукой, явно пытаясь успокоиться и взять себя в руки.

Не без дрожи подошел к окну, отдернул шторы, искоса взглянул на вылезавшего из экипажа вслед за Меркуловым орчука и ненавистно сдвинул брови. Терпеть выскочку-аристократа осталось совсем недолго.

Глава 14, где Мих видит магический огонь, про себя прощается с жизнью и едет на Сигаревку

Мих шел третьим, после полицмейстера и господина, вновь облаченный в мундир и сапоги, без которых чувствовал себя уже неудобно. Орчук задумался о своем, потому чуть не налетел на двух доходяг, с трудом тащивших кованый сундук. Посмотрел на них полукровка, тяжел был ларь, того и глядишь бедолаги пупки надорвут. Кабы в другое время был, непременно помог, но от господина сейчас нельзя было отставать.

Поднялись в знакомом направлении, которое стало для орчука уже не таким пугающим — все же Его превосходительство хоть и горяч бывал в гневе (вспомнить только первое прибытие Муха с хозяином сюда), но человек деловой, с пониманием. Если в возмущение его не вводить, то и плохого ничего тебе не сделает.

Вот и теперь, не как обычно приветственно рукой в сторону кресла указал, больше того, сам навстречу выбежал, полицмейстера и титулярного советника под руки взял да к себе в кабинет привлек.

— Ну давайте, рассказывайте. А голубчика этого в дальнюю закройте, самую тесную. Такую теперь жизнь окаянному устрой, мало не покажется. Эх, жалко я бумаги все великому князю с Константином Никифоровичем отправил. Но ничего, мы этого Черного расколем, все равно нам зачтется.

— Я, к слову, уже вернулся, — появился в дверях первый полицмейстер, — по делу одному к себе в кабинет заходил. И что-то не увидел плененного, пока господа поднимались.

— Константин Никифорович, а окна вашего кабинета куда выходят?

— Как и у остальных, в Столешников переулок, — нахмурился Его высококордие, — почему вас этот факт так интересует?

— Смотрите, — поднялся на ноги Меркулов и подошел к окну, — видите вон ту крышу. Это и есть тот самый дом, где жил Черный. Мы побеседовали с владельцем его квартиры, и тот сказал, что человек в плаще часто ходил на крышу. За что хозяину приплачивали. Ничем предосудительным он там не занимался, лишь смотрел на звезды из телескопа. По крайней мере, так объяснялся.

— Ну и к чему вы ведете? И где Черный? — Недоумевал Александр Александрович.

— А к тому, что никакого телескопа у Черного не было, а вот подзорная труба, — Витольд Львович извлек золоченый цилиндр с зауженным основанием, явно морского назначения и, подойдя к столу, положил перед Его превосходительством, — была. Только очень трудно наблюдать за звездами из подзорной трубы, да еще днем. А вот за обер-полицмейстерством, не за всем, только за верхними этажами, смотреть можно запросто.

— Ну и зачем ему за обер-полицмейстерством наблюдать? Да где Черный, в конце концов?! — Ударил по столу Александр Александрович.

— Ушел, через окно. Под обстрелом выбрался в переулок, потом на Краснокаменку, — нехотя принялся рапортовать Николай Соломонович, — оглушил Селиверстова и убил Подберезкина. Думаю, и сам не избежал ранения.

У орчука создалось впечатление, что это не Черный умертвил опытного филера, а только что полицмейстер своими словами вогнал острый кинжал глубоко в сердце Его превосходительства. Александр Александрович, до того привставший из-за стола, тяжело

плюхнулся в кресло и закрыл лицо двумя руками.

— Черный нас ждал, — вступился за своего компаньона по несчастью Меркулов, — когда мы ворвались, он жег бумаги. Его явно кто-то предупредил.

— Кто его мог предупредить? — Нахмурился обер-полицмейстер.

— Господин Меркулов довольно непрозрачно дал понять, что некто из полицмейстерства сотрудничает с Черным — подзорная труба, крыша, вид на наше ведомство.

— В моем учреждении никто не якшается с преступниками, — чуть ли не прорычал Александр Александрович.

— Извините, что опоздал, господа, отлучался по крайне неотложному делу, — блеснул в дверях оправой очков румяный полицмейстер, — что я пропустил?

— Витольд Львович считает, что у нас завелся предатель, сотрудничающий с Черным, — не меняя недоброго выражения лица, ответил Константин Никифорович.

— Не исключаю такой возможности, — отвечал Петр Андреевич, — я не говорю, что именно в этой комнате, но изменник может иметься.

— До сих пор не верю, — уперся обер-полицмейстер, — но даже если так. Как нам теперь этого искариота искать?

Вопрос явно был задан титулярному советнику, поэтому он и ответил.

— Пока не представляю. Важно теперь не упустить Черного. Необходимо перекрыть вокзалы и выезды из города.

— Ох, сил-то сколько придется выделить. Да прежде с великим князем побеседовать, — спал с лица Александр Александрович, — с другой стороны, действительно нельзя упускать Черного. Хоть он возможно и ранен, да опасен. Ладно, а ты Витольд Львович куда сейчас?

— В Императорский университет, надо к Галахову Виталию Арсеньевичу заглянуть, он может на кое-что пролить свет... Хотя нет, сегодня же выходной, тогда к нему домой. Он оставлял мне адрес.

— Галахов? Ну ничего себе, я уж думал он давно, прости Господи, преставился. Уезжал он надолго из Славии. Сдал сильно после смерти сына. Ну раз надо, так езжай. Ты, Николай Соломонович, ответственный за вокзалы и выезды. Про эллинг и аэропорты не забудь, чтобы ни одна живая душа у меня тут не выскользнула. Ты, Петр Андреевич, займись волокитой бумажной, ты в этом человек терпеливый. Ну а Константин Никифорович со мной. Давай, голубчик, готовь экипаж, я пока в уборную схожу. Стар стал совсем, пузырь, прошу за подробности, ни к черту. Ночью по пять раз встаю. Ну чего стоите, время не ждет.

Уже на улице, когда Меркулов ловил пролетку, орчук решил полюбопытствовать, чего же интересного может рассказать Галахов.

— Позже узнаешь. Но сейчас мы не к Виталию Арсентьевичу. Сначала заедем к Аристову, хотел кое-что у него узнать.

— А зачем же тогда не сказали, как есть?

— Ну сам подумай, Мих, — загадочно ответил Меркулов, усаживаясь в экипаж и называя извозчику адрес.

— Так вы думаете, что там и был тот искариот? Один из полицмейстеров?

— Видишь, ты уже можешь сводить одно к другому.

— Но хоть не «гусар».

— Кто?

— Николай Соломонович. Я его промеж себя гусаром прозвал.

— А ведь действительно подходящее прозвище. С чего же ты решил, что не он предатель?

— Вы же сами давеча говорили ему лично, что на его счет сомнений не имеете.

— Так не сказать же ему в лицо, что подозреваю. Представится случай, и остальным полицмейстерам то же самое скажу. Может предатель слабину даст, на том его и поймаем.

— Зачем же вовсе о предательстве речевать было с ним?

— Так все равно одно к двум сводится. Не я сегодня сказал, кто-нибудь завтра. И необязательно невиновный. Может и сам предатель, чтобы от себя подозрения отвести. Так-то...

— Господин, только у меня просьба к вам одна, — неожиданно вставил орчук посреди разговора.

— Говори.

— Давайте хоть перехватим что поесть, ужно кишка кишке бьет по башке, мочи никакой нет.

— Ладно. Любезный, будь добр, через Людские ряды.

Людскими рядами, а в бытность государя Павла — Битыми, называли торговые ряды близ Кремля. Ранее здесь продавали битую птицу, потом зверей охотных, а после и всякую всячину. Вскорости из-за неблагозвучия Битые ряды превратились в Охочие, но в народе их прозвали попросту Людскими — ибо прочему сюда ход был заказан. Помимо разнообразных товаров — полезных и не очень (поговаривали, что на Людских рядах можно приобрести практически все) можно было купить здесь и еду вразнос. Чему именно сейчас Мих был чрезвычайно рад.

— С самого жару, по грошу за пару! Вались народ, от всех ворот, обирай блины, вынимай мошны!

— Подходи добрый человек, купи для друга калач! Не полюбится, сам съешь!

— Вот сбитень, вот горячий! Кто сбитню моего? Все кушают его: и воин, и подьячий, лакей и скороход, и весь честной народ!

— Пряник медовой из муки ситной, с имбирем, анисом, спиртом и водой!

Глаза у орчука разбегались, все хотел надкусить да в брюхо отправить. Завсегда знал, что нельзя в лавку кондитерскую или на ярмарку голодным ходить, слюной весь изойдешь. Или еще чего хуже — купишь всего, а откусишь два раза и баста, наелся то бишь, деньги потратишь глупым образом. Но сейчас не мог себя сдержат. Почитай со вчерашнего дня не кушал.

Благо, не отказывал ни в чем Меркулов, сам увлекшийся запахом гречневиков. Потому взяли по куску теплого еще пирога, по свежему калачу с большой ручкой, два внушительных свернутых куска ветчины на деревянной палочке по десять копеек, ворох пирожков в промасленной бумаге и жареной колбасы. Запивали все «кислыми щами». Хотел было Мих взять еще тут же, в квасной лавке у инвалида в сбитом набок картузе, провесную белорыбицу или вареную белугу, но вовремя остановился. Теперь это бы скушать.

— Худо, что так едим, господин, — зараз отправил в рот весь кусок ветчины орчук.

— Чем же тебе худо? Если еще что хочешь, бери, я препятствовать не буду.

— Так разве об том речь? — Нацелился сразу на два пирожка Мих. — Все вкусно, спору нет. Я так раньше не едал.

— Что же тебе не нравится? — Откусил Меркулов большой кусок от калача.

— Худо, что едим редко, когда два раза в день, а обычно и один. Набиваем так брюхо,

что вздохнуть тяжело. А кушать нужно понемногу и самым частым образом. Так на Славии, исконной земле, всегда заведено было. Кушали часто и понемногу, то сбитнем с киселем гороховым перекусят, то хлебом ржаным с компотом, редко когда отобедают плотно. И что, ни хворей, ни падучести всякой не было. А теперь мужик такой хлипкий пошел, что рукой двинуть не может, другой — больной всеми недугами.

— И все из-за неправильности питания? — Усмехнулся Меркулов.

— Из-за чего же еще, господин. Знамо дело, из-за дурной манеры кушанья. Вот и мы с вами в бесовство ненужное ударились. Гоняете вы меня по городу голодным, приходится потом за весь день кушать.

— Обещаю, как только дело закончится, будем обязательнейшим образом завтракать, обедать и ужинать. А теперь поехали. Ух, как посвежело, надо было сбитня горячего брать, а не кваса холодного.

Небо и впрямь с самого утра заволокло плотной пеленой, поднялся ветер, вырывающий мелкий сор из-под метел дворников, потянуло только намечающейся августовской прохладой. Духота уходила из столицы и жители Моршана наконец могли вздохнуть свободно, а не прятаться в самую жаркую часть дня по домам.

Потому и ехать в открытом экипаже, да после того, как сытно откушали, было своего рода отдыхом. Развалился Мих, смотрит ленивым взглядом, как мостовые и улицы друг друга меняют, изредка на господина поглядывает. Тот лишь вперед уставился, никуда особо не смотря, да тросточку бойко в руках вертит — знамо дело, задумался. Опять лихорадка умственная Витольдом Львовичем завладела. Не умел Меркулов от нее отвлекаться. С одной стороны, человек при деле, есть ему куда применить себя (многие и вовсе всю жизнь могут болтаться неприкаянными, оттого и горькую пить начинают), с другой — не может отвлекаться, радоваться простым житейским пустякам. Такие люди обычно горят ярко, да быстро.

За тем, в полном молчании и рассуждениях — каждый в своих — и добрались до «плохого квартала», где обитал Аристов. Снова орчук подивился неблагоприятности выбора места проживания — близ Сигаревского рынка или попросту Сигаревки редкий человек захочет селиться. В последние годы все больше люду простого в Моршан стало прибывать. «В столице больше денег можно заработать, чем землей», думали многие и шли на Сигаревку, где и происходил найм. На деле как оно оказывалось — ежели ты кузнец искусный или плотник с золотыми руками, то без куска хлеба точно не останешься. А остальных, от сохи оторвавшихся да кроме ломовой работы, как Мих, показать не умевших, ничего хорошего не ждало. И то, у орчука силища была необыкновенная, тем и брал, многие же попросту без найма сидели.

Что оставалось голодающим крестьянам? Воровать, грабить или другим лиходейством заниматься. Все они здесь, точнее чуть дальше, в двух кварталах, в бесконечном лабиринте коридоров и переходов, на скошенных и потрескавшихся лестницах, у насаженных друг на друга ночлежек всех мастей, куда даже полицейские лишний раз соваться не рискуют. Сигаревка она и есть Сигаревка, другого слова не надо. И вот тут, пусть хоть и на большой улице, живет если не самый первый, то точно не последний человек в Славии. Странно.

Встретил их Петр Мстиславович, только весьма презабавным способом. Сам выскользнул наружу и плотно закрыл за собой дверь. Точно не хотел, чтобы гостей его кто из домашних видел. А может сам опасался внутрь полицейских пускать.

— Приветствую, Витольд Львович, — несколько растерянно пробормотал рыжий

дворянин.

— Добрый день, Павел Мстиславович, — улыбнулся Меркулов. — У меня к вам разговор.

— Если только короткий, мне надо кое-куда ехать, — снова обернулся Аристов на дверь.

— Он не займет много времени. Вы много знаете о господах полицмейстерах. Скажите, может, кто из них в последнее время нуждался в деньгах? К примеру, серьезно проигрался в карты?

— Такие интимные подробности не могу знать. В карты играет и проигрывается любой, тем более по вашему ведомству. Каждый знает, в обер-полицмейстерстве любят за зеленым сукном посидеть все, от коллежских секретарей до Его превосходительства. Кто в Славии играть не любит? Бывало, и сам грешным делом баловался. Это все, Витольд Львович?

От нетерпения Аристова орчук и сам стал нервничать. Посмотрел на руку дворянина и обомлел — кожа покраснелась, точно ошпаренную воду на нее вылили.

— А не скажете, кто бы мог поспособствовать моему интересу? Знакомств нужных еще не заимел, а беспокоить свое руководство по мелочам не хотелось бы.

— Конечно, — несколько успокоился Павел Мстиславович. Он даже улыбнулся, вновь став похожим на себя обычного, вытащил из внутреннего кармана визитницу, немного покопался в ней и протянул светлый прямоугольник. — Его зовут Большов. Скажите, что от меня.

— Большов — это фамилия, — посмотрел на визитку Меркулов, — как имя-отчество?

— Большов — это все. Человек с такими деньгами может обходиться без имени и отчества. Его каждый ростовщик и крупный игрок знает. Только учтите, Витольд Львович, что для него титулы ничего не значат. Поэтому будьте осторожнее...

— Отец, опоздаем! — Высунулась рыжая голова юнца, в котором Мих узнал того самого, что устроил скандал у великого князя.

— Уйди! — Посуровел Аристов, отвесил подзатыльник, после чего закрыл дверь.

— Что ж, не буду задерживать, вижу, что вы действительно торопитесь, — пожал руку титулярный советник аристократу, — на Мглинский вокзал едете?

— Да, — каким-то низким, совсем чужим тоном ответил Павел Мстиславович.

— Сына берегите, неровен час опять в плохую компанию попадет.

Витольд Львович обернулся к извозчику, который еще не успел отъехать и смотрел на эту сцену с нескрываемым любопытством, а орчук будто врос в землю. Потому что в этот самый момент на пальцах Аристова заплясали огоньки.

— Витольд Львович! — Голос дворянина не предвещал ничего хорошего, скорее уж наоборот. — Обождите минутку.

— Полноте, Павел Мстиславович, мне еще преступника надо поймать, а не за нашкодившими мальчишками бегать. Езжайте с Богом. Мих!

Против воли оторвался взор орчука от Аристова, сначала поклонился, глаз не отводя от скачущих по пальцам главы семьи магических язычков пламени, и повернулся. Ко всему был готов, точнее к смерти мучительной и долгой, но нет. Нетвердым шагом по пролетки дошел, внутрь взобрался, где Меркулов, делая вид, что ничего не происходит, уже наказывал, куда необходимо направиться.

Хлестнул извозчик сытую лошадь, тряхнула головой гривастая и запрыгали колеса по мостовой. Не утерпел Мих, десятка шагов не проехали, обернулся, посмотрел на Аристова.

Тот стоял на том же самом месте, не сводя глаз с экипажа, вот только руки теперь были самые обычные — не в огне и краснотой подернутые.

— Господин, чего-то я не понял, — повернул он к Меркулову.

— Чего именно?

— Он нас сейчас... ну того... чуть не этого.

— У нас был некоторый риск умереть чуть раньше, чем хотелось бы, — признался Витольд Львович, — магия Аристовых очень мощная. Вряд ли я смог ей что-то противопоставить.

— Вы мне другое объясните, чего он?

— Скажи Мих, что делает, к примеру, медведица, когда рядом с выводком почует человека?

— Известно что. Не завидую я тому человеку. Да и не только ему. Даже орку скажу, лучше бы панихиду себе сразу заказывал. Медведь он и так зверь сильный, а когда отступать возможности нет, потому что дети за спиной, еще более распаляется.

— Так и с человеком. Знаешь, Мих, не так сильно мы ушли от зверей. Когда Аристов почувствовал, что его сыну может угрожать опасность, то был готов на крайние меры.

— Разве вы сына его обидеть хотели?

— Нет, что ты. Просто Павел Мстиславович подумал, что я могу захотеть.

— Господин, вы простите меня, но манера говорить у вас дурная. Подобно девке молодой, что вокруг вымени вьется, и так ущипнет, и так надавит, а корова не доится.

— Интересное сравнение, — усмехнулся Меркулов. — Ты, Мих, поэзией не хочешь заняться? — Получив сердитое и отрицательное мотание головой, он продолжил. — Ладно. Дело в том, что Аристов-младший и есть тот виновник, что сжег склад с похищенными и уже найденными вещами.

— Так он и есть Черный? А что же мы уезжаем? За подмогой? Как же мальчишка так потешно двигаться мог? И от пуля уходил? Магия?

— Подожди, подожди, — успокоил разволновавшегося орчука титулярный советник. — С чего ты решил, что Черный это и есть Аристов-младший? Черный нанял, если так можно выразиться, паренька для пожара. Хотя думаю, что наш недруг здесь лишь простой инструмент. Все ниточки у человека в полицмейстерстве.

— Зачем же это делать было?

— Нужен был пожар такой силы, после которого можно было сказать, что нечто, находившееся там, уничтожено. То есть теперь мы знаем, что святыня, которую все так ищут, может гореть. Перу во многом повезло, оно было вдалеке от эпицентра, хотя думаю, его расположение тоже неслучайно. Необходим был сильный жар, чтобы бриллианты превратились в графит. Получить подобную температуру возможно, но в специальных условиях, и все это будет достаточно трудоемко. А тут какой-то деревянный склад вдруг полыхнул, да так сильно. Понятно, на кого в первую очередь подумают.

— Не проще ли умыкнуть, и дело с концом?

— Нет, если ты снова украдешь украденное, то его будут искать. А если инсценируешь пожар, в котором уничтожишь святыню, то вроде и кончено все. Черного будут искать, но, скорее, по привычке и из-за того, что кого-то найти надо — все же сам великий князь и обер-полицмейстер в том заинтересованы.

— Но ведь всех Аристовых тогда проверили, не могли они устроить пожар?

— Так и проверили только тех, кто официально мог магией обладать. Ключевое слово

здесь, Мих, официально! То бишь после совершеннолетия. Помнишь, что Аристов сказал после выходки сына у великого князя? Сам проговорился, что четырнадцать отпрыску скоро, магия начала уже в тело входить. В это время дар может весьма бурно себя проявлять. На него влияют любые эмоции: страх, ненависть, злость. А теперь представь себе мальчишку ночью в деревянном сарае, занимающегося противными закону действиями. Эмоций там была масса.

— А ведь он стыдное безобразие у великого князя устроил из-за целковых, — догадался орчук, — требовал у отца денег.

— Именно, — улыбнулся Меркулов, — грозился даже дар родовой продать! Благо, до того не дошло. Видишь, мотив даже искать не пришлось. Аристов сам был уверен в непричастности своей и детей, но когда увидел перо, все понял. Такое мог сделать только кто-то из его семьи. Он не глупый человек, быстро все сопоставил. Решил сына от греха из Славии увезти, а уже потом разобраться во всем.

— А когда вы ему об том молвили, так испугался.

— Да, что я по его душу приехал. Точнее по сыновью. Говорю же, родители ради детей готовы на многие вещи, что перед ними смерть какого-то чужого человека? Итак, давай подытожим. Некто, назовем его Н.

— Как Николай? — Насторожился Мих.

— В данном случае просто некто. Итак, этот Н. передал Черному подробный план залог музея, то есть помог совершить ограбление. А может быть, и лично участвовал в ограблении. Думаю, и Логофет был убит по его наводке.

— Зачем?

— Чтобы провалить мирные переговоры. Убийство принца дело сложное, а вот Логофет, который ходил один, выдавая себя за обычного аховмедца, тут другое. Скорее всего, по замыслу Н. это могло спровоцировать жителей Матара для разрыва дипломатических связей. Но святыня оказалась слишком важна для аховмедцев.

— Ага, а магия крови?

— Это как раз говорит о том, что они теряют терпение. Если честно, не представляю, на что надеется великий князь. Даже поимка Черного и передача его в руки аховмедцев вряд ли поправит положение.

— Черный теперь хорониться будет.

— Скорее всего, ты прав. Поэтому у нас всего лишь одна вероятность раскрыть это дело — выйти на Н.

— Ну вы загнули. Этот лис так все запутал, век разбирать будем.

— Мысли логически, Мих. У каждого действия есть причина. Почему полицейский, причем, думается, не самый последний, пошел на преступление?

— Мало ли чего ему в голову втемяшило.

— Нет, я вижу тут два основных фактора. Первая — некая обида на государство или Императора, ведь дело идет о предательстве Славии, а не рядовом казнокрадстве или попустительстве. Вторая, и, на мой взгляд, наиболее вероятная — острая нужда. Только как он с Черным связался? Это больше всего покоя не дает.

— Может, это его человек? По особым поручениям.

— Маловероятно, эти аховмедские монеты, потом записи на гоблинарском. Допустим, деньги он использовал, чтобы запутать нас, это вполне вероятно. Но его бумаги? Скорее всего, Черного выделили в помощь Н. для осуществления ограбления и дальнейшей передачи

СВЯТЫНИ.

— И что же нам делать теперь? Куда не кинь, везде клин, — почесал макушку орчук.

— Поговорим с Большовым. Как мне кажется, следы Н. должны где-то всплыть. Вероятно, он задолжал прежде большую сумму, а теперь вдруг отдал ее.

— Если скажет, — хмуро отозвался Мих.

Он замолчал, потому что они вкатили на Сигаревку, точнее не на сам рынок, а лишь в кварталы, к нему относящиеся. Их тут же обступили ночлежные дома в два, три этажа. Знал орчук, что последнее дело сюда попасть: внутри нары, под ними логовища на двоих, в лучшем случае огороженные рогожей. Спят без всякой подстилки, как есть не раздеваясь, либо на тряпье. Как звери дикие.

И дух тут тяжелый, пахло нестиранной одеждой, грязью, пережаренной картошкой с прогорклым салом и капустой. Это ведь сегодня еще посвежело, что же тут в духоту полную творилось? Мостовая пошла вниз, потому извозчик натянул поводья, чтобы лошадка не разбежалась, на том ходу и догнал их один оборванец.

— Ради Христа господа, купите свистульку? Сам вырезал, посмотрите как на соловья похожа?

Обернулся орчук, а за ними, чуть прихрамывая на левую ногу, в оборванном тулупе бежит детина. Немалого росту, хотя и худ, если отмыть, то и на лицо не плох, но есть в нем нечто странное — чуждое обычному человеку. Такое только во взгляде и проявляется.

— Постой! — Крикнул Меркулов извозчику. — А сколько стоит свистулька?

— А сколько не жалко, добрый господин. Мне и двух копеек хватит.

— На что ж тебе?

— Камешки я цветные покупаю, дырки в них делаю, на лесу начиняю. Все денег стоит, господин, — серьезно заявил незнакомец.

И тут Мих единственно что по лбу себя не хлопнул. Знал он этого юродивого, точнее слышал — Бусиновым его нарекли. Ходила молва о нем до самой Никольской. Откуда появился, кто таков — не рассказывал, а прославился вот чем. Каждое воскресенье, после службы, становился возле церкви да раздавал детям сделанные за неделю бусы. Говорят, улыбался, плакал и благословлял всех.

Мужицкая жизнь тяжелая, многого требующая, потому такое вот, странное, непонятное, в общую канву не укладывающееся, крепко запоминается. Бусиновом среди простого люда знали, иной раз кто и приходил в храм Николая Чудотворца посмотреть на чудного. А в самой Сигаревке на юродивого особый указ был — никто, в том числе залетные, не имели права его обижать.

— На что же ты живешь?

— Добрые люди помогают, там подкормят, здесь приютят.

Меркулов вытащил пятиалтынный и протянул Бусинному. Тот заулыбался, как душевно недужный, схватил монету и стал кланяться.

— Спасибо господин, много камешков теперь куплю. Спасибо.

Лошадь пошла дальше, оставив позади радостного юродивого. А господин повернулся к орчуку.

— Давно я заметил одну странную вещь. Чем умнее человек, образованнее, тем он несчастнее. Странно, неправда ли? Но самые богатые и высокородные господа более удрученные, чем обычный мужик. У последнего какие радости? Денег найти хоть немного, чтобы положение свое облегчить. А жена добрая, дети, отца уважающие, друзья-соседи —

все есть. Иного и не требуется. Но найди он случайно рубль, совершенно на него не рассчитывая, принесет домой или пропьет — уж и не важно — так каждый раз теперь ходить будет, искать в каждой бумажке замусоренной или еще где, расстраиваться. А ведь жил до того вполне неплохо.

— А чем же образованные люди голову свою недужат? — Спросил орчук.

— Это вопрос непростой, метафизический, — усмехнулся Меркулов, — если образованный до знаний голодный, то это даже неплохо. У него есть цель, неважно, плохая или хорошая, он к ней идет. Если же он скучающий, кончивший лицей или университет, но из богатых, то все, к чему не прикоснется, покрывается хандрой. Кажется ему, что любую вещь этот грамотей для себя открыл, все ему скучно.

— Не знаю, мне тяжело такое понять. Когда разбогатею, тогда и покумекаю, — усмехнулся орчук, но лишь на мгновение, точно испугался, — а если заскучаешь, чего делать надо?

— Радоваться мелочам, всякой пустяковине. Открывать для себя мир, который ты за несколько жизней открыть не сможешь. Жизнь, она человеку одна дается. И каков бы богат ты не был, перед смертью все равны, перед ней не откупишься.

— Да, жить надо уметь.

— Надо просто жить, — слишком серьезным тоном ответил Меркулов.

— И платить надо, господин, — повернулся извозчик, — жить и платить. Приехали.

Вылез Мих на мостовую, тут же вступив в нечто гадкое, выругался да вытер сапог о выступавший на дороге камень. Огляделся. Место уж совсем невзрачное: мостовая узкая, дома напротив высокие, от солнца дорогу закрывающие. И вокруг ни души, будто не живет тут никто. Хотя может статься, что сейчас ушли все на заработки или отсыплются, оттого так пустынно.

— А какой из этих домов? — Задумчиво спросил Меркулов извозчика.

— Вон в ту арку, — указал ванька в темноту проема.

Какой-то глупый человек решил, что солнца в этом темном царстве и так вдоволь, потому проход за аркой сверху укрыл диким виноградом. Ягоды синие, мелкие, такие обычно кислыми бывают, но свою главную задачу выюн выполнил — заполонил собою все пространство сверху, отчего ясным днем тут было темно, как поздним вечером.

Нахмурился орчук: в Сигаревке, да ступать в место, где и не различишь ничего — дурной тон. Тут баб с тюками днем, бывает, грабят, а уж про срезанные в ночи пальцы с перстнями он вовсе молчит. Единственная надежда на прыть Меркуловскую.

Господин же не волновался. Спокойно махнул орчуку и ступил в арку. Мих за ним последовал, только недолго. И шагов десять не прошел, как коснулась шеи холодная сталь и хриплый голос прошелестел над самым ухом.

— И куда такие красивые господа из полицмейстерства собрались?

Орчук надеялся, что сейчас кинется Витольд Львович да вмиг отбросит прочь его обидчика, но чуть подальше раздался другой голос, к слову, не менее мерзкий.

— Ага, мы сегодня крысам легавым не подаем!

— Спокойнее, спокойнее, я к господину Большову. По протекции Павла Мстиславовича Аристова.

То ли загадочное слово «протекция» свое дело сделало, то ли фамилия рыжего дворянина, но нож от горла убрался.

— Здесь ждите, — сказал третий, остававшийся еще дальше. — Доложить надо.

И ушел, судя по стуку каблуков. А они остались. Будто делать еще чего оставалось?
Теперь только ждать.

Глава 15, где Витольда Львовича пытаются обокрасть, но и это обстоятельство он использует себе на пользу

— Я вас несколько другим представлял, Витольд Львович, — сказал Большов.

Понял Мих, что это явно не фамилия, скорее, прозвище. Пудов в нем не меньше восьми, ростом тоже Господь не обделил. Только заметно, что давно Большов не работал руками — тело оплыло, шеи не видно совсем, ладони мягкие, нежные. Облачен, опять же, странно: не в мундир, а свободного покроя одежду, нечто вроде халата. Стыдливую лысину, точно каторжник какой обритый, порой поглаживает да поглядывает с хитрецей. Непрост, ох непрост.

И вокруг не менее любопытно. Вот только казалось, бедные дома Сигаревки проходили, а стоило немного в арку углубиться — совсем другая картина, будто к найцам или катаяцам попали. Повсюду подушки большие, которые, вроде, пуфами называются, вместо пола деревянного — ковер, стола вовсе нет. И задымлено вокруг, но вдыхать такое приятно, сладость особенная даже во рту чувствуется.

— Меня почему-то все не так представляют, — ответил Витольд Львович.

Стоял он перед Большовым спокойно, а тот, развалившись на пуфе, лениво смотрел на поднос с фруктами. Миху вдруг подумалось, что хозяин не славиец: вон глаза чуть раскосы, кожа темнее, хотя лицо, опять же, типично Моршанское, да и акцента нет. Черт его разберет.

— Касательно вашей просьбы... — Большов задумался и вновь провел рукой по лысине, — ничем помочь я вам не смогу. И протекция Павла Мстиславовича не поможет, и мундир ваш. Поймите, Витольд Львович, есть Славия, — обвел он рукой комнату, — над ней Государь Император, есть Моршан, над ним генерал-губернатор, есть игорные дома и ростовщики, над ними уже я. Начну трепать про каждого клиента, кто со мной дело иметь будет?

— А если я скажу, что это просьба самого обер-полицмейстера?

— То я вам отвечу, что в следующий раз, когда увижу драгоценнейшего Александра Александровича, а встречаемся мы с ним частенько, то лично все ему расскажу. Ну полно, Витольд Львович, не вашей головы эта забота, не обижайтесь. Не держите на меня зла, вам это совсем не с руки, со мной даже великий князь и генерал-губернатор не ссорятся.

— Да не держу я на вас зла, — негромко ответил титулярный советник, — но как вы не понимаете, что дело идет государственной важности.

— Простите, Витольд Львович, какой страны? — Усмехнулся Большов. — Я, знаете ли, космополит. Удивительно легко чувствую себя в любом государстве, быстро ко всему приспособливаюсь. Я жизнь знаю, меня судьба-злодейка помотала. Это в Славии что-то задержался, хорошо тут: законы суровы, но уравниваются своей неисполнительностью, люди холодны, но смягчаются после первой взятки, правители требовательны, но лишь к тем, кто не может быть полезным.

— Неприглядно вы Славию описываете.

— Она не лучше и не хуже других государств. Трактльванийцы всем хороши, но уж

больно глупы. А этот их восторженный и тупой патриотизм — просто ужас. Тонуть будут, но все то время говорить, что в Тимише самые лучшие корабли и капитаны. Орки не могут оторваться от своих традиций, потому дела ведут нерационально. С такими каша не сварится. Эльфарицы... Да вы сами знаете: пьют больше, чем работают. Сколько раз мне сделки портили. Китайцы, вроде, и хитры, и умны, однако ж только и ждут, когда возможность представится нож тебе в спину воткнуть. Получается, что среди всех народов только со славийцами и можно дело иметь. С недостатками народ, но открытый, добрый. Без нужды греха не совершающий. А уж с каким азартом играет. К примеру, вы знаете, только в вашем ведомстве человек играет?

— Сколько?

— Да почти все, — рассмеялся Большов, — если от вашего чина начинать, то и вовсе все. Есть пара фигур, которые вроде и интереса не имеют, но и им приходится, дабы к начальству поближе быть, и так далее. Могу, кстати, одним слухом поделиться, к моим делам он отношения не имеет, потому говорю без утайки. Единственное условие, все же на меня при случае ссылаться не нужно.

— Будьте покойны, — заверил Витольд Львович.

— Не так давно в одном салоне, может, с месяц назад, мой поверенный человек играл с полицейским чином, повыше вас, но пониже Александра Александровича. Подчиненный мой не без способностей, карты его любят, вот и облапошил благородного. Да немножко-немало на девятьсот целковых.

У Миха аж в горле пересохло. Слышал он, что многие целые состояния в карты проигрывали. Да что далеко ходить — на их же Никитской купец Никифоров по синему делу сам сто рублей на ветер пустил по осени. Таких тумачков от жены получил, чуть ли не месяц потом к рюмке не притрагивался. Но то торгаши, у них деньги к рукам быстро прилипают. Вот и тогда Никифоров сказал: «Бог дал, Бог взял». И не стал жить хуже.

— Полицмейстер? — Только и спросил Витольд Львович.

— Полицмейстер, — кивнул Большов и продолжил, — вы знаете, как в таких случаях бывает. Начинают расписки писать, божиться, что отдадут, а потом пропадают или юлят сколько сил есть. Тут, напротив, по словам моего человека, даже бровью не повел проигравшийся, очки поправил и предложил следовать с ним до дома.

— И что дальше?

— Ничего, доехали, зашел к себе, потом вышел и полностью рассчитался.

— А ваш человек не интересовался, откуда у проигравшегося такие немалые деньги?

— Ох, Витольд Львович, удивляюсь вашей проницательности. Какие правильные вопросы задаете. Интересовался, конечно. Осторожно, меж делом. Сказал, дескать, понимает, как трудно такие средства сразу достать, готов подождать. Но полицмейстер ответил, что недавно по работе играл с высокородными господами, хотя сам к стуколке страсти не питает, и вдруг ему крупно повезло, поднял банк. Потому особых нужд не имеет.

— Очень интересно, — задумался Меркулов. — Спасибо и на этом. Возможно, это поможет. Еще один вопрос. Не называйте имен, только скажите, есть ли у вас знакомый, который в течение года много проигрывался, но внезапно вдруг рассчитался со всеми долгами?

— Витольд Львович, я думал, мы поняли друг друга, — разочарованно протянул Большов.

— Я не прошу вас выдавать чужой тайны. Просто кивните, если так.

Собеседник еще немного поразмыслил, но все же качнул головой. На том Витольд Львович с Большовым попрощались, причем, как заметил Мих, довольно тепло, будто старые добрые приятели сто лет не видевшиеся, но поболтавшие пять минут и оставшиеся вполне довольные друг другом.

— Эх, извозчика теперь где тут искать? — Спросил будто сам себя Витольд Львович, выйдя из арки.

— Лучше до Сигаревского рынка дойти, — предложил орчук. — Господин, про полицмейстера этого. Выходит, у Петра Андреевича денег вдоволь?

— Да, очки среди всех полицмейстеров только он носит.

— И что же теперь, получается, раскрыли мы предателя? Надо тогда Его превосходительству рассказать, да Его высокородие того... арестовать.

— Уж слишком ты скорый на расправу, Мих. А если правда что рассказали?

— Что правда?

— Правда он те деньги выиграл. Случается такое. Запомни, старайся проверять всю информацию. Кто знает, сказал Большов правду или нет. Допустим, по поводу последнего вопроса, который я задал, смысла врать ему не было. Но вот если брать Петра Андреевича, то вполне мог глаза нам отвести.

— То есть, Его высокородие не предатель?

— Кто же его знает, может статься, что и предатель. Постараемся выяснить.

— Тяжело как с вами господин, — признался Мих, — один раз вперед шагнете, два назад.

— Огульно обвинить большого ума не надо, нам же мотив надо найти, доказательства хоть какие-нибудь получить. Ты же хочешь после навета ростовщика на полицмейстера ополчиться.

— Станный вы человек, господин. У нас в Славии как? Ежели подозрение какое есть, то берешь человека да за грудки трясешь.

— Ты еще вспомни, как в Транкльвании в темные века признания из так называемых ведьм выбивали. Топят в пруду, если всплывает, значит, виновна, грех на ней есть. А тонет — невиновна. Любопытная аккриминация.

— Вы уж извините, господин, не знаю про какую такую криминацию говорить изволите, но свой смысл в том есть. Невинной душе ничего на том свете не страшно, она в райских куцах обитать после смерти будет.

— Мих, лучше помолчи, — оборвал его Витольд Львович. — Куда теперь?

Расступился проулок, выплюнув их на широкую площадь, заполненную торговыми рядами. Далее шли жилые подворья, среди коих уже затесалось несколько трактиров, харчевней и питейных. А уже со всех сторон площадь обступили доходные дома и ночлежные.

Народу было не протолкнуться. Хотя разве бывает по-другому на Сигаревке? Кто продает, кто покупает, кто ворует, кто на работу устраивается. Последних, конечно, не в пример больше. Стоят горемычные, чередя своего ждут, когда окликнут, подойти попросят. Люд тут разный: от крестьян в оборванной одежонке до рабочих, что в сапогах, хоть и замызганных, и в рубахах. Изредка и из интеллигенции кто попадается. Таких всегда запросто отличить. Лицами худы, телами худосочны, глаза стыдливо опускают. Мужик простой тоже сух бывает, но в нем стать особая, жилистая, как в лошади тягловой. А эта интеллигенция, тьфу, ни в руках, ни в ногах силы нет. Но все ж не обижают их, по нужде

сюда пришли, не по прихоти. Как говорится, от сумы да от тюрьмы не зарекайся.

Пошуровал по площади взглядом, увидел в дальней части, на самом выезде, извозчика. Не на экипаже, а ломового, тележного, но выбирать не приходилось. Рукой махнул титулярному советнику, но Меркулов с места не сдвинулся. Напротив, резко развернулся и схватил за руку, будто замершего подле мальчонку. Тот, к удивлению Миха, не закричал, лишь попытался вырваться, но Витольд Львович держал крепко.

— Ты разве не видишь, к кому в карман лезешь? — Спросил он, внимательно оглядывая оборванца. — Ну говори, или в околоток сейчас поедешь. Думаю, тебя там точно знают.

— Видел, — нехотя сказал мальчонка, — на то и уговор был, карман такой важной цаце обнести.

Он вытер рукавом сопливый нос и всхлипнул. Не пытаясь разжалобить, а от обиды, что попался, дурак такой. Орчук тоже к тому моменту мальчонку разглядел. Махонький какой, по годам лет девять, не больше, да и статью Господь обделил. Низенький, худой, хотя уличные сироты в таком возрасте редко жиром обрастают, это больше барчуки. То, что мальчонка без родителей, Мих не сомневался. Таких тут вдоволь, стайками знай себе бегают, хватают, что плохо лежит.

— Меж кем уговор?

— Меж нами, — непонятно махнул рукой пацан позади спины. Точно испугавшись именно этого движения, кучка пацанов, чуть постарше злоумышленника, разлетелась в стороны, подобно воробьям.

— Проиграл ты уговор. Зовут-то тебя как?

— Сенька, — всхлипнул пацан.

— Арсений значит. И давно карманы щипаешь?

— Третий месяц пошел, — перестал всхлипывать мальчонка и с интересом поднял голову. Не каждый полицейский после подобного с тобой так спокойно и чинно разговаривает, точно судьбу подробно пытается выведать.

— И выходит?

— Так дело не мудреное. Главное руку сунуть, а потом на движении растяпу поймать.

— И не попадался ни разу?

— Ни разу, — не без горделивости признался Сенька.

— А можешь вон у того господин портмоне вытащить? — Лукаво спросил Меркулов.

— Лопарь можно выманить, только вы потом меня сразу в околоток. Так?

— Вот и не угадал. Мне как раз похожий талант может пригодиться. Думал я по-другому все обставить, но с тобой даже лучше. Так покажешь, что умеешь, или нет?

Он медленно разжал руку, и мальчонка остался на месте. Головой дернул, теперь бы и всем телом двинуться, да замер. Блеснули глаза, понял Мих, интересно мальцу стало. Вытер снова сопливый нос, подошел к прилично одетому господину, разглядывающему нечто на прилавке, потерся рядом так, сяк. Сам встал, будто высматривает чего, а рука, точно змея, проскользнула к пиджаку и замерла. Долго стояли, но тут господин влево сдвинулся, а мальчонка напротив, в сторону. И в пальцах его лишь на мгновение мелькнул коричневый портмоне, но тут же исчез за грязной пазухой.

Оглянулся несколько раз пацан, подошел к Витольду Львовичу и протянул добычу.

— Ловок, — не без восхищения признался Меркулов, — такие таланты на Сигаревке пропадают.

— Не пропадают, — совсем забахвалился пацан, — Митька-Валет на следующий год к

себе обещал взять. Сказал пока воровскую науку изучать, руку набивать.

— Если за год руки этой не лишишься. Слышал, что с ворами катайцы делают?

— Так мы же не варвары последние, — возразил Сенька.

— Ну ладно, давай тогда тоже познакомимся, — левой рукой забрал портмоне титулярный советник, а правую протянул, — Меркулов Витольд Львович, временно исполняющий обязанности пристава следственных дел по особым поручениям сысского управления при Моршанском обер-полицмейстерстве.

Это господин специально так пышно представился, чтобы на пацаненка впечатление произвести, догадался Мих. Хотя мог и не стараться, у того лишь после фамилии глаза на лоб полезли, будто в лавку бакалейную за пустяком каким пошел, а там с Государем Императором встретился.

— Тот самый, что быстрее тени своей одевается?

— Не знаю, не соревновался с ней, — засмеялся титулярный советник, — погоди минуту, — он подошел к господину, в карманах которого сейчас гулял ветер, присел, словно что с земли поднимая, и выпрямился, — любезнейший, вы, наверное, обронили.

Облапошенный повернулся, пощупал себя по карманам, открыл от удивления рот и похлопал глазами.

— Благодарю, благодарю, Ваше благородие. Право не знаю, как...

— Ничего серьезного, прошу прощения, должен идти.

И правда пошел, чуть дальше от вздыхающего господина и гомонящего люда. Только пацаненку почти незаметно знак за собой следовать сделал. Миху и вовсе слова не нужно было говорить. Он к хозяину как лист банный к мягкому месту приклеился.

— Ну что, Арсений, будем дружить?

Мальчонка в ответ лишь кивнул, теперь поглядывая и на орчука. Ну вот, заметил наконец. Тоже ведь вор, так, чиграш еще. Настоящий стырщик каждый маловажный момент и изменение в окружающем замечает. Чутье, опять же, имеет, кого можно обнести, а к кому лучше не соваться.

— Будем. Только вам на что дружба такая?

— Есть у меня свой интерес, говорю же. Лучше объясни, как найти тебя, когда нужда будет?

— Так вон там, видите в три этажа дом? Там и обитаю. Скажите, что Сеньку Шалого ищите. Это прозвище такое секретное, через него вас ко мне и отведут.

— Запомнил? — Повернулся Меркулов к Миху, а потом уже мальчонке объяснил, — если что, приедет Михайло. Он у меня нечто вроде поверенного.

— Правду, значит, люди говорят, — все еще пытаюсь отойти от шока, признался воришка, — а я со спины подумал, обычный городской. Они все громадные, энтот чуть пошире, такое тоже бывает.

— Невнимательный ты, — заметил теперь орчук. — На руки чего ж не поглядел, разве бывает у человека такой цвет кожи?

— Не бывает, — выдохнул Сенька, — я орчуков вблизи не видел. На мельнице с восточного тракта один робит. Только тот в муке все время, будто и человек, да вблизи его не разглядишь. Не разрешают. А тут...

— Ну будет, — сказал Витольд Львович, — у меня до тебя дело есть. Держи вот, — протянул он монету, а Мих охнул, полтину отдает, видит Бог, сдурел господин, — понятное дело, что за день ты больше заработаешь. Однако ж тут, считай, через меня самому Государю

служить будешь.

Мальчишка аж дышать перестал, монету сжал побелевшими пальцами, каждое слово Меркулова ловит. Не каждый день простому воришке такое заявляют.

— Отправишься сейчас в Столешников переулок, встанешь напротив обер-полицмейстерства и станешь следить за окном, может, заметишь чего. Окно так считаешь, — Меркулов отогнул три пальца на одной руке и четыре на другой, — это по высоте, а это от левого края.

— Ну что вы, Ваше благородие, — шмыгнул Сенька, — я до десяти считать обучен. Третий этаж и четвертое окно с краю.

— Верно, — кивнул Витольд Львович, — а как только смеркаться будет, дуй в Малышевский переулок, дом десять, квартира девять. Денег на еду и извозчика хватит с лихвой. Теперь беги.

Мих только головой покачал. Много дал, ох много. Ясно дело, не будет Сенька этот ваньку нанимать, на своих ногах доскачет, у юности прыть особенная. Да и есть: если захочет, перехватит что копеечное на улице или вовсе стацит с прилавка, а полтину себе оставит. Меркулов и глазом не моргнул, пошел дальше, к извозчику тележному, будто и не было никакого разговора с мальцом. Легко сговорился с ломовым ванькой, дав вдвое больше обычного (опять же расточительство), а последнему какая разница что везти, груз или пассажиров? Лишь бы платили. Адрес назвал незнакомый, точнее улицу Мих знал, но прежде с господином туда не являлись. Минута прошла, и уже, трясясь, выезжали они с Сигаревской площади.

— Зря мальчонке деньги дали, не вернется.

— Вот ты, вроде, Мих, старше и опытнее, а людей совсем не знаешь.

— Вы, господин, извиняйте, но людей я лучше вашего знаю, повидал.

— А вот все же в детской психологии не силен. Каков бы этот Сенька не был вор, лихоимец, а все же он еще ребенок. И завлечь его можно не в пример легче, чем взрослого. Дай ему цель, такую, какую больше никто не дает, скажи, что он нужный для особенного дела, воодушеви его, так все сделает и цены не спросит.

— Не знаю, господин. Я привык к тому, что рука, которая гладит, в другой момент сразу ударить может. А от добра добра искать не требует.

— И от меня добра не ждешь?

— С вами, по-другому, господин. То ж я про людей говорил, а вы...

— Ну что я? Говори, коль уж начал.

— Вы совсем другой, странный. Таких я вовсе не встречал. Бедны, но деньгам счет не ведете, уж простите, сын изменника, но чести в вас побольше, чем в князе каком, надзору над вами нет, однако ж работаете на износ. Таких прежде не видел.

Меркулов улыбнулся чуть заметно, одними уголками губ, но ничего не ответил. А Мих и добавлять ничего не стал. Последние слова, сказанные им, давили и еще звучали в голове. Подобное откровение и перебивать теперь кощунственно. Хотя вопросов хватало. Как любил повторять титулярный советник, во-первых, куда они теперь отправляются? По-хорошему следовало Петра Андреевича за грудки взять, да все выпытать из него, но вон как хозяин изъяснился. Во-вторых, что за окно, за которым в Столешникове переулке следить Сеньке поручил? В который раз орчук поругал себя за ненаблюдательность, ведь сколько раз туда-сюда шастали, обрати внимание, проклятая ты душа, так нет. В-третьих, ничего ясного, как изловить Черного, господин не говорил, а поймать надобно. В-четвертых, святыню эту,

опять же, достать надо, если цела еще. Тыфу, от вопросов вон оно как, голова кружится.

Вывез их возница, да и какой возница, скорее уж возчик (так тряс, что Мих чуть печенку не выплюнул) с Сигаревского района совсем к центру города, проехал еще три-четыре квартала, завернул в проулок, снова на широкую улицу вывез, Черниговскую, как понял орчук, да встал подле одного из домов. Место тут обычное, не из роскошных, но и не трущобы последние. Живут в таких те, кто больше ста рублей в месяц получают, но богатств особых не имеют. Эдакие середняки, опора и совесть государства (подобное выражение Мих в газете вычитал).

Меркулов на номер дома посмотрел, кивнул, будто сам себе, и направился к подъезду. Квартир на этаже оказалось немного, более того, у каждой двери была табличка с фамилией. Витольд Львович подошел к третьей двери, где было написано «Галахов В. А.». Уже было к ручке потянулся, да замер в нерешительности. Вторую длань вскинул, Миху обозначая, чтобы не двигался. Орчук не глупый был, на месте застыл, даже дышать реже стал. А Витольд Львович на косяк показал, и револьвер стал вытаскивать.

На том месте, что заметил Меркулов, виднелась неглубокая зарубка, оставленная либо ножом, либо кинжалом. Кабы топором ударили, так глубже вошел, да и пошире. Опять же, след оставили совсем недавно, дерево на том месте светлое совсем, не потемнело от времени. Мих даже помолился про себя. Почему у них все не слава Богу? Не бывает так, чтобы день прошел, а они в неприятности не попали. Тут же, с самого утра из огня да в полымя. Сначала Черный мог поранить, потом Аристов с перепугу чуть горсть золы от них не оставил, следом ребята Большого нож к горлу приставили, теперь вот это. Вряд ли внутри сейчас с нетерпением дорогих гостей ждут, стол накрывши. Опять какая-нибудь неприятность.

Подумал орчук, что надо знакомцев в обер-полицмейстерстве (а появилась у него пара таких людей — простых, без предрассудков о прочих) на предмет наличия компенсаций любых за опасность поспрашивать. А что, кинул в тебя какой лихоимец нож — будьте добры, рубль или хотя бы полтину, наставили револьвер — пожалуйста, Михайло Терентьевич, вам два целковых. А то ведь никакого здоровья не хватит. Видит Господь, не доживет так до пенсии.

Присел орчук, ожидая приказания, когда можно будет дверь вышибать, но Меркулов ручку потянул и вон оно что — открыто. Плохой знак, даже в самых хороших районах запираются, лихого люду хватает. Что после случилось, лишь подтвердило самые плохие опасения Муха.

Заревело внутри, будто чудо-юдо какое, коими детей в сказках пугают там затаилось. Но тут же зацокали копыта и вылетел на Меркулова аховмедец. Витольд Львович тоже не лыком шит, да еще с магией своей редкостной, успел два раза курок спустить. Яростный гул смешался с криком, обычным криком боли, и в следующее мгновение Меркулов оказался погребенным под аховмедцем. Последнего он ранил: по поросшей густым жестким волосом ноге потекла густая, будто торопящаяся покинуть тело козлоногого, кровь. Однако ж сил у аховмедца было еще вдоволь, и бед он мог натворить еще немало. Пришлось Миху на выручку спешить.

Подскочил он к ироду, который уже на Витольда Львовича навалился, да оторвал козлоногого от пола, точно пушинку. Конечно, кабы последний магию крови применил, не сдюжил бы, если только берсеркерство потаенное помогло. Но теперь сражались на равных, исключительно на силу врожденности напирая, а тут против орка никто бы не выстоял.

Полетел аховмедец так, как не всякая птица может. Правда, недолго. И нескольких мгновений не прошло, как вниз направился, по лестнице, да там в пролете и затих.

Рано обрадовался орчук, из темноты проема вдруг выскочил еще один козлоногий. Судя по размерам, породовитее предыдущего. Только и успел Мих Господа поблагодарить, что бодливой корове тот рога не дал, точнее отнял — каждый знает, что ранее, совсем в древние времена, чуть ли не у каждого аховмедца рога были. Если бы теперь они остались, очень тягостно орчуку пришлось. И так дыхание перебило, когда козлоногий башкой своей преглупой в грудь влетел, но это ничего. На мгновение всего лишь Мих потерялся, даже когда дурак этот его метелить кулаками стал, сознание не потерял. Каждый знает, что у орка голова — накрепчайшее место. Вот ежели он кувалдой или молотом каким вдарил, еще бы посмотреть надобно, а так...

В себя пришел Мих, почувствовал, как запалывается берсеркерская кровь внутри, рыкнул, сцепил в замок две руки да вдарил козлоногого. Отлетел аховмедец, будто весу в нем никакого не было, да затих. В былое время испугался бы орчук, что убил существо живое — хоть и не человек был житель Матара, а все-таки создание Господа (к тому еще в прошлом столетии церковь православная пришла). Теперь же даже не посмотрел в сторону упавшего, хотя до боевого безумия, в песнях прославленного, далеко было, но уже отступился от себя прежнего Мих, став ближе к своим истинным предкам.

А аховмедцев все прибывало, словно вся квартира ими набита была. И лезли теперь, как засоленные огурцы из кадки, стоило лишь крышку приподнять. Витольд Львович только подниматься начал, крепко его первый приложил, потому на господина орчук не надеялся. Да и вообще теперь Мих мало думал. Кабы побольше разумения сейчас в голове было, отступил на один шаг, к лестнице отходя, чтобы не с двумя сразу драться, а одного вперед пропустить. Тогда аховмедцы друг другу бы мешались, а ему напротив сподручнее стало. Но кровь берсеркерская теперь и до головы добралась, напрочь всякую рассудительность вымыв. Бросился вперед орчук, щедро тумачи направо и налево раздавая.

Конечно, при таком ведении боя и сам пропускал удары. Все-таки, каков орчук не был, а против двух аховмедцев тяжело сдюжить. Вот и встали, как в дурном рассказе, на одном месте синяки друг другу дарят, а никто ровным счетом верх взять не может. Кабы знал Мих одну старую игру, что в Китайском султанате выдумали, решил, что именно теперь наступил момент, который и называют пат. Но того не ведал орчук, потому надеялся лишь, чтобы голова выдержала, да в беспамятство он не провалился. И не в срамоте дело — мол, не справился с козлоногими, за хозяина потом беспокойно. Навалются на него аховмедцы и никакая резвость не поможет.

Но крикнул кто-то из квартиры, негромко, на аховмедском. Голос показался странный, знакомый, будто слышимый прежде. Теперь и орчук с кулаками замер. Кровь хоть и играла, выплеску требовала, да как-то не по-людски теперь прочих бить, не хотят те драться. Потом и вовсе господский голос на ухо прошептал: «Диш ара». Специальным образом негромко, чтобы противники не услышали и не поняли, что берсеркер перед ними. Пусть и не чистокровный, но все же. Теперь злость вся с Муха окончательно сошла, зато пришла боль — в груди, под ребрами, на лице.

А аховмедский голос все не прекращается. И говорит, говорит, будто втолковывает козлоногим что, приближаясь в то же время. Шаркнул ногами по полу, запахнул халат и вышел на свет тот самый старик-профессор, Галахов Виталий Арсеньевич.

— Потому что разобраться надо, — продолжил он уже на славийском, — прежде чем

гостей бить. Это завсегда успеется. Это же не тати какие, а Витольд Львович с Михайло Тереньтевичем. Чуть первого орчука на государственной службе не загубили. Господин советник, хоть вы повлияйте на своих подчиненных.

Следом за Галаховым, из казалось уже необъятной квартиры, вышел последний ахвомедец — старик с седыми волосами на голове и обнаженными ногами, тот самый, что обнаружил убитого Логофета — Маар То Кин.

в которой Мих наконец узнает, что из себя представляет аховмедская святыня, но решительно не понимает, почему все носятся вокруг этой безделицы.

— Право, прошу прощения, Витольд Львович, что так произошло, — Галахов выглядел растерянным и смущенным, — аховмедцы переусердствовали, охраняя мою жизнь.

— Вашу жизнь? — Меркулов убрал предоставленный ему платок от разбитой губы.

— Достопочтенный Маар То Кин и Его Высочество считают, что есть некто, кто может серьезнейшим образом навредить мне.

— Мы не просто считаем, а видели этого мерзавца. Он убил Лого... Рее Ол Дейна.

— Можете не таиться, Витольд Львович в курсе того, кем был Рее Ол Дейн. Не смотрите на меня, вы же не пришли сразу и не объяснили, в чем дело. Тогда бы я был нем, как рыба.

— Буду признателен, если вы и сейчас перестанете говорить загадками, — заметил Витольд Львович.

В квартире профессора наступило такое молчание, что Мих даже услышал, как прочие козлоногие, которых выпроводили наружу (иначе всем тут никак не разместиться), цокают копытами по дощатому полу подъездной площадки.

— Видите ли в чем дело, — сказал наконец Галахов, мельком взглянув на Маар То Кина, — после казни сына я был в очень подавленном состоянии. В Моршане меня ничего не держало, а тут как раз один из знакомых сказал, что Матарский королевский университет ищет специалиста по славийскому языку и истории. Похлопотали изрядно, сами понимаете, на каком положении я был после заговора, но спустя месяц я уже был в Аховмедии. Удивительная страна, скажу я вам, к примеру брать хотя бы их отношение к...

— Виталий Арсеньевич, если вас не затруднит... — вмешался Витольд Львович.

— Да, простите. Через некоторое время ко мне стали обращаться из высочайшей свиты Его Величества. По большей части они интересовались бытом и обычаями Славии. Тогда наши страны впервые за долгое время стали сближаться. Нет, не подумайте, я не говорил ничего такого, что могло навредить Славии. Чем дольше я оставался в Матаре, тем больше узнавал об Аховмедии, и тем теснее общался с разными людьми. Прошу прощения, прочими.

— Судя по всему, вы там на каком-то особом положении, — заметил Меркулов.

— Он тиир кан, — заметил пожилой аховмедец, долгое время сидевший молча.

— Мудрый старик, — перевел Галахов. — Довольно интересное звание, хотя это, скорее, неофициальное прозвище. Когда-нибудь я обязательно расскажу...

— Когда-нибудь обязательно, — с нажимом сказал Меркулов.

— Через пять лет я вернулся, опять стал преподавать. Постепенно общение с аховмедцами сошло на нет. Поэтому я совсем не удивился, когда делегация во главе с Его Высочеством, прибыв в Моршан, не искала со мной встречи.

— Если тебя называли тиир кан, то ты будешь им всю жизнь, — заметил Маар То Кин, — мы просто не хотели компрометировать Виталия Арсеньевича.

— Потом произошло убийство аховмедца, спустя несколько дней пришли вы с этим изображением, что увидели на теле мертвого. Я посчитал, что не будет дурным объяснить

вам его обозначение. И все. А сегодняшним днем это досадное происшествие...

— Какое происшествие? — Встрепенулся Витольд Львович.

— Я, признаться, толком ничего не понял. Послышался шум, когда я выглянул, никого уже не было. Позже явился Маар То Кин с подопечными. Он сказал, что моей жизни угрожает опасность. Некто пытался проникнуть ко мне, и аховмедцам надлежит некоторое время охранять меня. Право, какая-то чушь.

Орчук был согласен с Галаховым, вздор полнейший. И так едва поспевал за слишком быстрым разговором — Галахов, отец предателя и сам оказывается на короткой ноге с козлоногими. Но это ладно. Теперь и его некто убить пытаются, мало им своего душегубца, теперь что еще, за профессорским гоняться изволите? Вот только Меркулов в лице изменился, весь побледнел, да точно в пружину сжался.

— Простите меня, Виталий Арсеньевич, — чуть ли не заикаясь произнес титулярный советник.

— Ну что вы, Витольд Львович, это вы меня простите. Пришли ко мне в гости, а тут вам еще бока намяли. Кстати, если не секрет, по какому вопросу пожаловали? Вы ведь не просто так к старику чай попить зашли?

— Не просто так. И по всей видимости, именно я спровоцировал покушение на вашу жизнь.

— Какое покушение? — Галахов завертел головой: на Маар То Кина, на Меркулова, на Миха, снова на аховмедца. — Объясните хоть что-нибудь!

— Хорошо. Сегодня я неосторожно обронил в обер-полицмейстерстве, что мне необходимо навестить вас, Виталий Арсеньевич. Обмолвился, совершенно не подумавши о последствиях и о том, что это могут услышать не те уши... — Витольд Львович замолчал и вдруг повернулся к козлоногому. — Достопочтенный Маар То Кин, у меня к вам предложение о сотрудничестве.

Аховмедец и бровью не повел, будто сказанное его не касалось.

— Я знаю, что Виталию Арсеньевичу пытался навредить тот же самый субъект, что и убил Логофета. Ростом ниже меня, весь в черном.

Даже Мих заметил, что Маар То Кин стал реже дышать, а лицо его слегка исказилось. Но Меркулов и не думал выжидать, пытаясь склонить аховмедца путем душевных терзаний, он продолжал говорить.

— Знаю, что смерть Логофета связана со святыней, только из-за которой вы согласились на неравный мир с дрежинцами.

Маар То Кин с силой сдвинул кресло в котором сидел, копыто против воли стало постукивать по полу. Вряд ли козлоногий что хотел передать, скорее, не мог себя держать в узде. Орчук про себя даже усмехнулся, а хорошо бы этих прочих, так похожих на животных, по-настоящему в узде держать.

— Знаю даже, кто пообещал вам святыню, но не сдержал слово. Брат Императора, великий князь.

Теперь Мишу даже жалко аховмедца стало. Напоминал он шулера, севшего играть в полной уверенности, что уйдет домой с набитыми карманами, но попавшего на более искусного игрока.

— И я клянусь, что сделаю все, чтобы вернуть святыню и передать ее вам. Это дело даже не личных интересов, а государственной важности. Но и вы должны мне помочь. Расскажите, что вы видели сегодня.

Орчук головой покачал. На что им события сегодняшние ворошить? Даже он понял, Черный сюда прибывал не с добрыми намерениями, а старика ужокошить. Как и зачем? Так Витольд Львович сам признался, имел неосторожность сказать, что к Галахову отправится. Вот искариот, кем бы он ни был, и послал Черного вперед их. Теперь бы взять да козлоногого сразу о святыне спросить. Чего вокруг да около ходить? Тем паче вон, рот открыл, отвечает.

— Мы всегда в ответе за своих людей. Вернее, вы нас за людей не считаете. Как вы говорите, прочие? Так вот, когда убили Ло... Рее Ол Дейна, ко всем высокопоставленным чинам была приставлена охрана. Включая Виталия Арсеньевича. Не смотрите так, он тиир кан. Мы не могли допустить, чтобы из-за нас его жизни или здоровью угрожала опасность.

— Когда мы приходили в университет, ваш человек уже был там?

— Да, снаружи. И вас заметил. Он просил милостыню снаружи, копыта специально тряпками замотал, а сам робу накиннул, будто из нищих паломников. И за домом всегда смотрели, чтобы не дай Рогатый, — Маар То Кин вдруг осекся и, как маленький мальчик, ударил себя по губам, будто сказал нечто непотребное, — чтобы не дай Бог что не произошло. И вот сегодня, прямо посреди дня, Таал Ки Ри заметил человека в черном, который совершенно не таясь, направился к дому Виталия Арсеньевича. Ему пришлось вступать в бой.

— И он одолел Черного? — Изумился Витольд Львович.

— Не совсем, — уклончиво отозвался Маар То Ки, — но он спугнул убийцу. После этого отправил сообщение мне, и я прибыл сюда со своими людьми.

— То есть, решительно ничего нового мы не узнали, — подытожил Меркулов, — думаю, вам и нам, соответственно, повезло в том, что Черный был до того ранен. Иначе ни Таал Ки Ри, ни профессор бы ничего не рассказали.

Пожилый аховмедец собрался возмутиться, но Витольд Львович уже перебил его.

— Маар То Кин, скажите, что представляет собой святыня?

— Я, — аховмедец замялся. Было видно, что ему в высшей степени неудобно, — я... признаться, не ведаю.

— Как такое возможно?

— Все аховмедцы знают, что мы прибыли сюда за святыней. Но никто не представляет, как она выглядит. Только двое были посвящены в тайну, Его Высочество и Логофет.

— Лица первого круга, — задумчиво пробормотал профессор, — это нечто необычайно ценное, если информация охраняется подобным образом.

— И не такие разгадки разгадывали, — Меркулов не выглядел растерянным, — Виталий Арсеньевич, если вас не затруднит, дайте листок бумаги и перо, я изложу по какому вопросу к вам приехал.

— Конечно, конечно, — Галахов, не смотря на свои преклонные года, легко вскочил, бросился к письменному столу и достал бумагу, стальное перо и чернильницу. — Пожалуйста. Позвольте полюбопытствовать, — стал он смотреть, как Меркулов быстро набрасывает слова, — что это?

— Как вы знаете, — стал медленно отвечать Витольд Львович, не оставляя письма, — из Императорского музея были похищены экспонаты. Их нашли, большую часть даже перевезли, но случился пожар, и остальная часть была якобы уничтожена. Точнее, некоторые экспонаты действительно были уничтожены, но один, ради которого все это затевалось, по моему мнению, попросту забрали оттуда.

— Да вы Приклонский, а не Меркулов, — с восхищением посмотрел на список профессор, — все это запомнили.

— Для этого не обязательно иметь отличительную память, — улыбнулся Витольд Львович, — существуют различные техники. Я лишь сопоставил два списка и запомнил то, чего не было во втором. Итак, господа, всего одиннадцать позиций: нащитная бляха в виде фигуры медведя, золотая монета скифов, статуэтка женщины из бронзы Беллиронита, чаша Эльриты, Перо-вольница, мощи (копыто) умертвленного короля Пеел Ти Майла, глиняная табличка с низовьев Аракета, гоблинарский церемониальный жезл IX века, каменный нож с зазубринами, эллиитский наконечник и охотничий рог Его Величества Михаила Васильевича.

— Позвольте, — тут же выхватил профессор листок, как только Меркулов закончил читать, — очень занятный список, хотя и несуразный какой-то.

— Может, вам что показалось странным? — обратился к козлоному титулярный советник.

— Не может среди этого хлама быть святыни, — брезгливо отозвался Маар То Кин, — статуэтки, монеты, жезлы. Пустяки. А уж про проклятого Пеел Ти Майла я вообще молчу.

— А что это за Пеел Ти Майл? — Поинтересовался Витольд Львович.

— Майлы — род королей, что были до прихода к власти Вайлов. Закончили они весьма скверно, не то что в безызвестности, скорее даже в хуле. С ними связывают основные военные неудачи аховмедцев.

— Проклятый род, — согласился Маар То Кин, — слабый.

— Вся королевская семья Майлов погибла в решающей битве с объединенными силами дрежинского и славийского государств около четырехсот лет назад. Никто даже не знает, где они похоронены.

— Зачем же тогда нам выставлять какое-то копыто в Императорском музее? Чтобы еще раз позлить аховмедцев? — Спросил Меркулов. — Несколько недальновидно, не находите?

— Славийцы никогда не славились дальновидностью, — усмехнулся Маар То Кин, — как и образованностью. Все знают, что отрубить копыто — давний способ показать свою храбрость перед смертью. Хотели бы унижить, выставили голову с закрытыми глазами. А копыто — это же смешно. Сам Творец аховмедцев, когда в последнем бою его окружили превосходящие силы врагов, лично отрубил себе ногу и, насмехаясь, бросил в мерзавцев. Разве это...

Внезапно Маар То Кин замолчал, испуганно посмотрев сначала на схватившегося за голову профессора, а следом за встрепенувшегося титулярного советника.

— Подождите, подождите, — будто боясь спугнуть собственную догадку, сказал Галахов. Орчук хоть и не понимал, куда все движется, однако проникся общей тревожностью момента, — Императорский музей хранит как реликвию отрубленное копыто Пеел Ти Майла. Зачем?

— Потому что на самом деле это мощи не Пеел Ти Майла, — закончил Меркулов. — А судя по тому, что в информацию о святыне посвящены только лица первого круга, как вы выразились...

— То возможно, это мощи прародителя аховмедцев, — выдохнул профессор. — Самого Рогатого Бога.

— В таком случае, все сходится. Для аховмедцев, — Меркулов сказал это таким тоном, точно Маар То Кина здесь не было и они разговаривали с Галаховым промеж собой, — это

действительно очень важная реликвия. Даже если она не обладает какими-то магическими свойствами. Хотя если ее выставили в музее, то вряд ли обладает.

— Но почему ее открыли для всеобщего обозрения, я этого не понимаю? — профессор развел руками.

— Так тут все гораздо проще. Если хочешь что-то хорошо спрятать, оставь это на видном месте. Сколько экспонатов в Императорском музее? И недели не хватит, чтобы все обойти да рассмотреть. Тем более, кому какое дело до части тела какого-то аховмедца, если рядом самые настоящие мумии древних гоблинарцев? Кто не знает, в жизни не подумает, что это копыто Рогатого Бога.

— И что же, получается, реликвия потеряна?

— Нет, она представляет слишком большую ценность. Извините, Маар То Кин, но кто владеет копытом Рогатого Бога, тот владеет влиянием над аховмедцами.

Козлоногий скрипнул зубами, встряхнул седой гривой, но кивнул.

— Вы правы, любая частичка Рогатого Бога имеет для нас великую ценность. А уж копыто, которое он отсек себе перед смертью и в насмешку бросил в сторону врагов... — аховмедец затрясся, то ли как в припадке, то ли как зайдя с лютой стужи в натопленную комнату. Слов не нашел, понял Мих. — Мы пойдем на все, чтобы завладеть этими мощами.

— Вот вам и мотив, — ни к кому не обращаясь, сказал Витольд Львович. — За расположение аховмедцев некоторые могут пойти на открытую конфронтацию. Мне ясно пока одно, святыня в Моршане. В противном случае, те силы, которые стоят за ограблением музея и убийством Логофета, уже бы начали действовать.

— Теперь надо найти черного человека, — кивнул Маар То Кин.

— Нет, реликвия не у него. Он лишь инструмент, помогающий добиваться нужного результата. Признаюсь, инструмент универсальный и весьма сильный. Мне кажется, что копыто Рогатого Бога находится у того, кто помог Черному ограбить музей, а может, действовал и вместе с ним. Скорее всего, последнее, потому что тогда святыня была бы уже у Черного.

— И как нам выйти на этого мерзавца? — Набычившись, спросил Маар То Кин. — Мои ребята разорвут его на месте.

— Оставьте это мне. Думаю, предатель понимает, что удавка затягивается и ему остается не так много времени. От вас требуется лишь охранять Виталия Арсеньевича. Думаю, к завтрашнему утру все будет уже кончено. На этом позвольте откланяться. За сегодня необходимо еще многое успеть.

Несмотря на протесты Галахова и аховмедца, Меркулов двинулся к двери и уже там, в третий или четвертый раз попросившись, вытолкнул орчука наружу, а потом вышел и сам. Козлоногие, толпившиеся у двери, расступились, проводили пару, в особенности Муха, неодобрительными взглядами, но препятствий чинить не стали.

Вечереющее небо вкупе с набежавшими хмурыми тучами производило гнетущее ощущение. Будто надвигалось что недоброе, могущее повлиять не только на судьбу одинокого путника, попавшего под проливной дождь, но и всего города. Мих поежился, оглядел улицу со спешащими людьми и повернулся к Меркулову.

— Что, господин, домой поедем? Непогодится вона как, скоро ливанет.

— Поедем, но не домой.

Витольд Львович вскинул руку, но тут же помахал начавшей останавливаться открытой пролетке, мол, проезжай. А вот следующий экипаж, уже полностью закрытый, остановил. С

неба как раз первая капля упала, чиркнула по носу орчуку, пощекотала, да плюхнулась на пыльную мостовую. Отерся Мих да внутрь поспешил, пока хозяин извозчику последние наставления давал.

— До Мглинского вокзала. Да мчи так, чтобы за ушами свистело. Быстро довезешь, гривенник сверху получишь. Да что там, пятиалтынный дам.

И сесть не успел, как сорвались с места. Подумал орчук, плохо в такую погоду гнать, самое легкое убиться, но мысль про себя оставил. Лицо господина опять в задумчивость погрузилось, да не в обычную размышляющую, а тревожную, опасливую. Сидит, губы кусает, трость в руках вертит, как оглашенный. На тряску внимания вовсе не обращает, хотя даже Муха из стороны в сторону швыряет на поворотах. Снаружи ванька кричит, ругается на прохожих, порой и встречных извозчиков черным словом награждает. Уж очень хочется ему призовые деньги получить.

Уже и дождь всю забарабанил по крыше, совсем холодом пахнуло. И рад бы сказать орчук, что свежестью, так напротив, смочил лихоимец-ливень пыль, понесся над мостовой дух грязи, стоков, нечистот. Если долгий дождь будет, то к утру и правду легче дышать станет, но теперь...

— Господин, к чему мы на Мглинский мчимся? — Спросил орчук, не особо на ответ надеясь.

Но услышал Меркулов. Более того, повернулся к Мухе, посмотрел внимательно в глаза и ответил.

— Черного поймать надо.

— Так вы ж говорили, что не собирается он уезжать?

— Он и не думает о таком, а вот Аристов собирается. Даст Бог, успеем до отхода поезда.

Лучше б молчал. Теперь уже совершеннейшим образом непонятно все стало. Причем же тут рыжий дворянин, коли уже с ним все решено, и он общего с их делами более ничего не имеет? А ежели Черного ловить, тот тут надобно через искариота рыскать, так и про последнего еще ничего не понятно. Качнулся экипаж последний раз, сильно накренился вперед, да встал. Извозчик, запыхавшись, точно сам заместо лошаденки бежал, крикнул: «Прибыли, Ваше благородие». Пришлось выходить.

Дождь тут же надавал пощечин, нахлестал по шее, макушке, замочил мундир. Витольд Львович рассчитался с довольным извозчиком — тому хоть ливень, хоть град, знай, доволен, денгу себе заработал. Так еще и в месте прибыльном встал — судя по движению, аккуратно только что паровоз подошел дальнего следования, теперь и поторговаться можно, набив десять-двадцать копеек. Мокрый народ обычно гораздо сговорчивее...

— Состав только пришел, — тоже заметил Меркулов, — следовательно, минут сорок у нас еще есть, должны успеть. Идем.

И побежал к зданию, точно студиозус какой несерьезный. Пришлось и Мухе по лужам быстро топтать. Мглинский вокзал он особенный, непохожий на другие. Орчуку, конечно, нравился больше Столепольский, тот огромный, крестьянину, что первый раз туда попал, немудрено потеряться. Иных привлекал Таркийский, тот тоже изукрашен, а Мглинский... Посмотришь снаружи: прямых линий, в два этажа, темно-малахитового цвету, сейчас, под дождем еще темнее, словно грязью испачкали. Арки с двух сторон для заезда конных экипажей, но на то разрешение особое нужно иметь. Сверху, посередине, башня с часами. Ну и шпиль над ней высоченный, что издали видно. И все. Ничего особенного. Обычно еще

народ на площади толпится перед вокзалом, теперь лишь несколько ванек стоят, мокнут. Пассажиры внутри сгрудились, может, кто переждать решил, да только зря — теперь надолго, поди до самой ночи зарядило.

— Разрешите!

Орчук так рывкнул, что один из городских чуть за свистком не потянулся. Только потом разглядел мундир, понял, что за фрукт, да кивнул, вроде как приятелю. Не так много времени прошло, а Миха уже каждая собака в ведомстве знала, а если не знала, то слышала. Иной раз получалось, что он именитее своего господина был.

А Меркулов тем временем уже к перрону прорывался. С трудом, общему движению вопреки. Как оказалось, прибыло людей в разы больше, чем на запад решили отправиться. Да и правда, конец лета скоро, все обратно возвращаются. Да и какие на западе развлечения? По старым улицам Галии или Тимиши бродить? Велика радость. Что ж, интересно, сейчас на Таркийском происходит, когда большая часть моршанцев с купален да морей возвращается?

— Мих! — Крикнул Витольд Львович. Пришлось продираться, удавалось это не в пример легче, чем хозяину. — Мих, два паровоза стоят. Ты к тому, который поодаль, иди с того края, а к этому. Ежели найдешь Аристову, скажи, чтобы не отбывал, разговор у меня к нему серьезный есть. И за мной беги.

Орчук все понял, обошел паровоз с правой стороны. Засмотрелся на красавца — эх, кабы родился человеком, пошел бы в машинисты. Видит Господь, сдюжил бы, выучился, зато погляди, вся Славия у тебя под рукой, всю страну посмотришь. А повезет, так еще и дальним следованием в Дрежинию отправишься. Шел, любовался, не забывал, конечно, по сторонам поглядывать. Благо перрон весь укрыт крышей был, народ не торопился. Тем более рыжеволосых легко углядеть в такой толпе, все же Аристовы дворяне приметные.

До самого локомотива добрался. К тому моменту знал уже, что поезд скорый, едет всего лишь до Трубчевска, потому сам понимал, что никаких аристократов нужных ему здесь не встретит. Из столицы бежать в захудалую провинцию, но в Славию, опять же? Найдут, тем паче, если дело государственной важности. И двух дней не пройдет, как найдут. Это надо не меньше, чем в Тимишу. А еще лучше дальше потом, в малые государства: Пирту или Генерию. Там уж все едино. Только туда уже пересаживаться придется. Придумали ведь иностранные черти сделать дорогу железную уже, с гоблинарцев все пошло, сволочей. А может, и мы им ответили, дескать, не надобно нам ничего, сделаем лучше и почти на ладонь поболее построили. Точно Мих не знал, потому врать не собирался.

Хотел было еще котел повнимательнее осмотреть да с машинистом поболтать (больно словоохотлив стал в последнее время орчук, а Меркулов подобное любопытство только поощрял, мол, через разговор всякие детали можно заметить), но вспомнил о господине и поспешил к первому поезду. Не ровен час Аристов взбеленится да снова начнет магией шалить.

Слава Господу, обошлось. Поумерил пыл Мих, с бега на шаг перешел, когда двух дворян мирно беседующих обнаружил. К слову, оба уже договаривали, а за Павлом Мстиславовичем нетерпеливо переминались с ноги на ногу сыновья. От пламени волосьев рыжих у орчука даже в глазах зарябило. Вот и младшенький тут, что только в возраст магический входит стал, да уже бед успел натворить. Переменился с первой их встречи, тогда кричал, ругался, теперь же тише воды, ниже травы. Не всякий раз глаза поднять пытается. А увидел Миха, и вовсе краской пошел, точно изнутри огня добавилось.

— Михайло, — вместо приветствия кивнул головой Аристов-старший.

Орчук ничего не ответил, но поклонился. Чай спина не переломится, а Павел Мстиславович и так дурного мнения о кочевном брате, нечего лишний раз повод давать сквернословить. Может, и правда задумка Миха сработала, может, попросту серьезный очень разговор был, да только рыжий аристократ вновь повернулся к Меркулову.

— Хорошо. Только мне надо заглянуть прежде домой.

— Отец, — тревожно заговорил кто-то из старших сыновей.

— Я остаюсь, если все пройдет удачно, приеду к вам через неделю. Если нет, то дай вам Господь, хоть когда-нибудь вернуться.

— Пашенька...

Из вагона выскочила темноволосая женщина в платке. Ее лицо было уже в том возрасте, когда почти утратило последний блеск былой, ослепительной красоты. Множественные роды и года сделали свое гнусное дело, но все же Мих не мог отвести от нее взор. Скажи ему, как он видит обычную славийскую женщину, то орчук описал бы ее. Как представлял. И от этого внезапного сходства внутреннего образа с существующей, живой женщиной потомок кочевников вдруг застыл на месте.

— Ну будет, будет, — смущенно гладил прильнувшую к нему жену Аристов, — Меркулов голова, все образуется. Ему больше всего не хочется, как и отцу, опять на восток ссыльным ехать.

Орчук понял, что за этой наносной грубостью Павел Мстиславович старается скрыть свою неуверенность, и от этого ему стало еще более неловко. Мих чувствовал себя здесь лишним, внезапным свидетелем чужого, душевного разговора, коего никто вообще и слышать не мог. Оттого и Аристов не мог подобрать те слова, которые сказать хотел, а все больше хмурился.

— Дети, вещи заносите. Лидия..., - рыжий дворянин ласково погладил по голове жену и еще раз обнял. — Заходите!

Он насильно оторвался в сторону, даже сделав пару шагов. Неуверенно махнул и, отвернувшись, зашагал в сторону выхода. Меркулов с Михом, не сговариваясь, поклонились жене Аристова, хоть в спешке объяснений не были представлены, и двинулись за Павлом Мстиславовичем. Орчук решил, мысленно с дворянином согласился: долгие проводы, лишние слезы. Он даже несколько удивился поведению аристократа, промеж себя посчитав его суровым домашним тираном, а никак не смущенным любящим мужем.

— А если ваши догадки неверны? — Спросил Аристов уже прежним, слегка развязным тоном, к которому так привык орчук.

— По поводу?

— По поводу Черного. Вдруг он окажется не тем, кем вы думаете.

— Признаться, у меня до сих пор некоторые сомнения по поводу моих догадок. Но у нас есть кое-что в заглазнике.

— Ага, моя магия, — фыркнул Аристов, — только не у вас, а у меня.

— Но вы же с нами.

— Только из-за сына, вы знаете. Если все выйдет именно так, как вы говорите, то обвинения не просто будут сняты, некому станет их предъявлять.

— А как же ваши слова, что я могу обращаться к вам по любому поводу?

Наступившая за этим тишина, а следом грянувший хохот обоих аристократов, заставил Муху вздрогнуть. Он так и не понял, что тут было веселого, но дворяне смеялись (сам

Меркулов, что ходил вечно мрачнее тучи и редко когда улыбался, заливался как мальчишка) и успокоились лишь только к выходу из вокзала.

— Нахватались вы, Витольд Львович. Страшно думать, что с вами через год в Моршане будет. Такой акулой станете...

— Сегодняшнюю ночь бы пережить, — тихо ответил Меркулов.

— Ваша правда, ну, до скорого.

Они попрощались крепким рукопожатием. Так запросто, как ручкаются в конце рабочего дня два конторщика, проработавшие бок о бок более двадцати лет и полностью уверенные, что завтра встретятся. Аристов вышел под дождь, где от него тут же пошел пар, точно выскочил из горячей бани на крепкий морозец, и решительно двинулся в сторону стоявших извозчиков.

Меркулов сначала последовал за ним, но потом завидел знакомого ваньку и лишь махнул ему рукой. Тот улыбнулся, накрепко запомнив денежных пассажиров, и подкатил прямо ко входу.

— Садитесь, Ваше благородие. Садитесь быстрее, не ровен час застудитесь.

— Куда теперь? — Вместо извозчика спросил Мих.

— Теперь домой, — пожившись от налетевшего ветра, уселся Меркулов, — может, еще и поспать удастся.

— А что же ночью?

— Ночью, Мих, мне будет точно не до сна.

Глава 17, в которой Меркулов видит Черного в последний раз

Ладно вечером, хоть и в крохотной, но хорошо натопленной квартирке, когда за окном с упорством слабоумного барабанит по крыше дождь, а на столе стоит скромный, но сытный ужин. Втянул Мих носом дух отварной картошки, что маслом полита и чесноком рубленным обсыпана, пододвинул разрезанную жирную сельдь, что в бочках привозят, ветчину поставил.

Витольд Львович тоже в нетерпении прибывал. Оголодал за день, несчастный, поглядывал на котелок, как только Мих его занес, теперь уже за столом сидел. Едва последние приготовления орчук закончил да хлеб ржаной порезал, накинулись они на еду, словно волки на беззащитное стадо овец. Минут пять всего прошло, как Меркулов отодвинулся. Может, и тут свои способности использовал, а может, попросту быстро есть привык. Вот орчук, тут другое дело, он не торопится. Степенно картошку откусит, губы в масле испачкав, потом сельдь от кости отделит, на хлеб положит, прожует, подумает да и все же ветчинкой закусит.

Так бы и прибрал все, что на столе было, да только в дверь стукнул кто. Слабо так и неуверенно, будто ошибся. Витольд Львович махнул Миху, дабы не вставал, и сам отворил. А на пороге, страсти Господни, стоит фигура крошечная, мокрая как мышь, из-под наклепленных на лоб волос глаз совсем не видно. Хорошо, господин быстрее орчука опомнился, поволок Сеньку к ярко дышащей огнем печке да стал спешно раздевать. Натекло с дрожащего мальчонки, точно с утопленника, на берег вытащенного. Сам бедолага руками обхватил себя и дрожит как лист осенний на ветру.

Тут уже и Мих на ноги поднялся, отер руки да порылся в своих вещах — перебрался он к Витольду Львовичу третьего дня, да и как перебрался, всего вещей у него: несколько рубах, сапоги, мундир служебный. Где упадет, там и постель. Вот и теперь, взял безрукавку, что поменьше да почище, к мальчонке подошел, подал. Пока одевался, оглядел того — худой страсть какая. Хотя орчук понимал, что по малолетству все пацаны уличные, что не барчуки, сплошь жилистые, вертлявые, как угри, но у Сеньки и вовсе ребра проступают. Вот она, значит, какая жизнь воровская, вольная. Не дай Бог такой свободы голодной.

Витольд Львович меж тем одежду выжал да повесил рядом с печкой. Теперь должна быстро высохнуть, жар тут отменный, и пяти минут невозможно просидеть. Сам ручник схватил, на котором Мих котелок притащил, да вытер волосы мальчонке. Сенька, уже дрожать переставший, было рот открыл, только Меркулов его сразу остановил. Как ребенка малого посадил за стол, еду пододвинул. А паренька и уговаривать не пришлось, коршуном на картошку еще не остывшую накиннулся. Миху и не жалко, он и так почти наелся.

А вот уже после, когда мальчонка отодвинулся да об себя руки вытер (орчук нахмурился, но слова против не сказал, парнишка уличный, какие у него манеры?), Витольд Львович с другой стороны сел и стал неспешно спрашивать, что видел. Дознавался долго, усердно, со всеми подробностями. И ладно бы что выяснилось, так чепуха всякая.

По словам Сеньки, долгое время в кабинете вовсе никого не было. Он даже на крышу напротив залез, чтобы внутрь заглянуть. А вот после обеда подъехал к обер-полицмейстерству экипаж с двумя господами. Один старый совсем, толстый, другой

длинный как шпала, хуже намного. Вот после них в кабинете оживленное стало. Даже с улицы разговоры слышны были, негромкие, слов не различишь, но долгие, со спорами даже. Вроде, потом еще кто там появился, и совсем тихо стало. Хотел было Сенька снова на крышу слазить, поглядеть, да дворник его поймал, чуть метлой не отходил. А потом уже дождь зарядил, спрятался мальчонка под навес. Более ничего и не происходило.

Меркулов головой покачал, по всей видимости, на другой исход он надеялся. Но все же голос подал.

— Получается, зря мокнул. Ну ничего, тогда будем действовать в высшей степени нагло. Мих, прибери, я пока письмо набросаю.

Сходил Витольд Львович за бумагой, пером, самым обычным, а не таким, что у профессора дома было, и сел. Первое послание он закончил быстро. Как орчук успел подсмотреть, там всего несколько строк было, а вот второе более обстоятельно уже составил. Почерк у Витольда Львовича на загляденье был — ровный, красивый, с завитушками в заглавных буквах. Потому удалось подсмотреть Миху несколько слов «святыня», «Рее Ол Дейн», «обер-полицмейстерство». Далее Меркулов обернулся, потому орчук смешался и любопытничать перестал.

Сложил оба письма титулярный советник, адреса на них написал, в свою комнату сходил и принес самую настоящую печать и дешевый кусковой сургуч коричневого цвета. Склеил оба конверта, теперь поверх красовалась «М», орчук догадался, что это обозначение фамилии. Там еще какие-то вензеля были, махонькие совсем, по которым дворяне только и могли отличить от кого именно письмо. Этих «М» раскидано по Славии предостаточно, неграмотный какой мужик и вовсе не поймет, а вот образованный человек, ученый, запросто.

— Это письмо, — указал он Сеньке на конверт с несколькими строками, — отнесешь по тому же адресу, Его превосходительству обер-полицмейстеру Муханову Александру Александровичу. Да не робей, к нему тебя все равно не пустят. А тебе и не надо. Главное, скажи, что от Меркулова и срочным порядком. Теперь повтори.

Сенька оказался мальчишкой смышленным. Сразу все сказал, как титулярный советник требовал, хотя Меркулов его на всякий случай попытал еще немного, чтобы от зубов все отлетало, и отложил письмо в сторону.

— Теперь вот это. Его надобно отдать после первого. К самому, — Меркулов поднял палец вверх, — тебя не пустят, отдашь камер-фурьеру, обычно он подобными делами занимается. Нет, так хоть дворецкому. Тут главное опять, чтобы сказал: «От Меркулова по поводу утерянной аховмедской святыни».

— И что потом?

— Со второго места тебя вряд ли отпустят, но ты не пугайся. Вреда тебе там не причинят, в обиду тоже никто не даст.

— А что за сам? — Сенька тоже поднял палец, подражая Витольду Львовичу, и даже опасливо поглядел вверх.

— Это сам...

В этот момент что-то загремело на улице, и Меркулов молниеносно обернулся. Подскочил к окну, долго глядел в вечернюю мглу и потом вернулся обратно.

— Это сам... — Имя он уже сообщил Сеньке на ухо, и стало понятно по вытянувшемуся лицу мальчишки, выражавшему одновременно и страх и восторг, второе письмо было ему наиболее интересно.

— Далековато только, Ваше благородие. Долго бежать буду, — вовремя спохватился сияющий воришка.

— Кто ж тебя в такую погоду пешком пустит. Экипаж найдем. Ты, поди, под дождем пешком и шел сюда?

Судя по виноватому лицу мальчишки, Витольд Львович попал в яблочко. Мих даже не удивился. Дай пацану денег, ясно дело, не станет их тратить на пустое. Вот только в чем глупость молодости — не понимает, что простынет сейчас, потом всю жизнь тратиться будет. Сколько таких историй знал орчук, когда за пятак и ноги себе после Крещения морозили, и голос за понюшку табака, бирючом устроившись, на всю жизнь срывали. Хотя чего тут говорить, сам такой был. Ум, он часто с опытом и с годами приходит, и то не ко всем.

— Да уже и затихает, — отозвался Мих, — еле крапает.

Дождь и вправду поумерил свой пыл, теперь большей частью капало с крыши, бежали ручьи, смывая грязь (вблизи доходных домов, правда, ливневка была плохенькой), почти утих ветер. Мих подумал, что сейчас сойдет вода и самое время будет пройтись по пустым улицам Моршана, непривычно чистого, несуетливого. Да только некогда.

— Иди поспи пока, в той комнате кровать, — кинул Витольд Львович Сеньке.

Мальчишка в тепле да после сытного ужина и правда разомлел, водил осоловелыми глазами вокруг и медленно моргал. Второй раз его уговаривать не пришлось. Прошлепал босыми ногами по полу, залез прямо в Михиной рубаше (а можно было и по-человечьи под одеяло лечь) на кровать, поворочался немного и засопел. Меркулов потрогал сохнущую одежду Сеньки, быстро отдернул руку, явно обжегшись, и схватился за мочку уха.

— Теперь что, господин? — Задал свой самый нелюбимый вопрос орчук. Хотя, с другой стороны, он не спросит — хозяин не скажет.

— Самое трудное, Мих, ждать. Еще пару часов, по моему представлению.

Уж что-что, а ждать Михайло Терентьев с подобным хозяином научился. И раньше был неспешный, вдумчивый, теперь же вовсе стал обстоятельный. Да и ожидание — не слезка какая, тут можно хоть весь день провести в удобствах. Лишь бы не на ветру да еда под рукой была. Поел, значитца, он только что, ноги сами на топчан понесли, потому можно и «подождать».

Орчук долго не противился и задремал. Слух у него отменный, ловкость с реакцией, хоть и не Меркуловские, но всяко лучше, чем у обычных людей, потому быстро в себя прийти может. Причем странно произошло, нечасто с ним такое было: глаза закрыл и понимал, что видит сон, что не на самом деле все происходит, однако ж будто и наяву, навроде тех картинок, что Галахов в университете своем показывал.

Идет Михайло по улице, в районе незнакомом. Домов понатыкано незнамо сколько, все высоченные, не меньше трех этажей. И кажется ему, что с каждого окна за ним наблюдают, порой даже шепот слышится, но стоит остановиться, сразу все затихает. А вместе с тем боязно орчуку на одном месте оставаться, понимает он, что надо дальше двигаться. Замрет на минутку, и нагонит его некто, от кого спасения нет.

Станный город, и фонари газовые не горят, будто не ухаживают за ними вовсе, и окна все чернотой зияют. Мертвый город. Лишь впереди движение, едва глазу уловимое, малозаметное. Понял теперь Мих, что чуть ли не бежит теперь, да в полную прыть, на какую только способен. Сменяются одни дома другими, проносятся мимо глухие проспекты, мелькают темные вывески, но и фигуры приближаются.

Скоро понял орчук, что за странность его беспокоит. Впереди два человека, не один. Только первый прямо на мостовой, на холодных камнях неподвижно замер, а второй над ним склонился. Смотрит, наблюдает. И самое страшное, что второй этот в плаще и в маске.

— Черный... — только и вымолвил Мих.

Сказал негромко, про себя почти, только тот в плаще услышал. Поднял голову, загоготал. Понимает орчук, что смех ему больно знакомым кажется, точно слышал его прежде, а вспомнить, кому принадлежит, не может. Только и думать об том Мих перестал, потому что понял, кто внизу лежит — господин его, Витольд Львович. Лицо бледнее обычного, губы в невероятной муке искажены, лоб нахмурен. А Черный, знай, гогочет.

Хотел орчук руку протянуть, чтобы до злодея дотронуться, да тот только хохотать перестал, глянул, точно кочергой горячей прихватил, и тут же Мих с ног повалился. Навис над ним Черный и тем же бесцветным голосом, которым полицмейстеру жизни угрожал, молвил.

— Ты хоть знаешь, кто я? Хоть знаешь?

Взял двумя пальцами маску да от лица отнял. Раз — ударило орчука так, что искры из глаз посыпались, два — в висках застучало, три — завертело. И снова, раз-два-три. Раз-два-три.

— Сиди, Мих, открою я, — сказал Витольд Львович.

Разлепил глаза орчук, насилу понял, что все лишь сон, мираж привиденный, кривда. Задыхал часто, лоб утер, а у самого перед очами маска Черного, от лица отрываемая, и смех, смех.

— Ну что, господа, — показался на пороге Аристов, — пора начинать наше представление?

За экипажем Миху пришлось бежать аж квартал к стоянке извозчиков, шального ваньку ночью да в их районе поймать большая удача. Теперь после дождя зябко стало, хорошо, что Павел Мстиславович плащи принес. Он, конечно, больше от воды должен был защитить, сам по себе плохенький, тонкий, но все же лучше, чем ничего. Да и смотрелся в нем орчук грозно, устрашающе. Мундира теперь не видно, плотно он запахнулся, только фигура большая в черную материю укутанная. Ванька даже сначала испугался, но деньги увидел да понял, что зла ему Мих не желает, повез к самому дому, а там уже господа с мальчишкой у подъезда стоят.

Аристов ни слова про Сеньку не сказал, лишь бровь его изогнулась, и улыбка нехорошая на лице появилась. Видно, подумал что плохое, когда нашел паренька в одной рубашке на кровати у Меркулова (аристократы много чем дурным балуются). Но когда Витольд Львович растолкал воришку, одежду сухую подал, письма вручил да заставил заново все повторить, насмешливость с Аристова слетела. Понял он, Сенька тут по делу не менее важному, чем сам дворянин.

Усадили паренька внутрь, тоже в плащ обрядили — им теперь ни к чему, а мальчишке все же теплее будет ехать. Меркулов извозчику сам адреса назвал, деньги вперед выплатил, что делалось очень редко (дабы у Сеньки мысли не возникло опять экономией заняться, дело ведь важное), а чтобы ванька не баловал, Аристов после всего к нему подошел да еще лишнее убеждение проявил.

— Случится что с пацаном или вдруг не довезешь, найду... — Павел Мстиславович руку протянул и на пальцах уже знакомые лепестки пламени заплясали, — и накажу. Ясно?

— Ну что вы, милостивый государь, и в мыслях не было мальчишку обижать. Нечто мы не православные?

Выпалил возница разом, точно из ружья двуствольного враз все пули выпустил, не сводя глаз с руки. Теперь точно доведет, да еще своей шкурой, коли придется, рисковать будет, угрозай Сеньке опасность какая.

— Где место для засады выбрали? — Повернулся Павел Мстиславович, только экипаж с мальчишкой скрылся за поворотом.

— Туда, — указал Витольд Львович рукой. Он, как и Аристов, был одет повседневно, один орчук все еще оставался в плаще, — я предполагаю, что Черный пойдет с центральной части города. Перехватить его без лишнего шума можно лишь в одном месте. Вот сюда, пожалуйста, Павел Мстиславович.

Они уже перешли на следующую улицу и свернули в темный проулок меж домами, достаточно длинный, чтобы тебя тут ограбили, и недостаточно широкий, чтобы хоть как-то его можно было осветить. С двух сторон он был стиснут сплошными стенами, чему Мих не удивился — радости от окон тут никакой, к соседу, что ли, смотреть? Хотя вместе с тем проулок выполнял весьма важное предназначение, соединял две большие улицы. Для конных и экипажей, конечно, значимость невеликая, а вот пешему люду днем проходить здесь удобно. Ночью, само собой, дело другое. Подобное место лучше обойти, крюк дать, но живым и невредимым остаться.

Будто в подтверждении всего, на пути показались две фигуры. Они было направились к господам, позади которых орчук виднелся. Вот ведь рисковые, дело даже не в численном преимуществе дворян — видно, какая громадина за их спинами идет. То ли отчаяние татями двигало, то ли иной мотив, но один из них полез за пазуху, явно за ножом или другим аспидным оружием.

Аристов лишь рукой махнул, вспыхнуло под ногами у разбойников, осветив худые небритые лица. У одного глаз заплыл, у другого нос кривой, поломанный, но в целом похожи друг на друга, точно братья. Теперь же и на физиономиях одинаковые выражения застыли — страха, панического жуткого страха, что каждый холоп перед господской магией, впервые увиденной, испытывает. Павлу Мстиславовичу даже говорить ничего не пришлось, бросились прочь с такой скоростью, какой бы и любой орк удивился. Оно и понятно, нужда нуждой, а жить всякому охота.

Прошли теперь проулок до конца, Меркулов указал на одну арку без ворот вовсе, говорящих, что двор тут плохенький, своего дворника не имеющий. Аристов дошел до нее, внутри скрылся, потом снова вынырнул, вернулся.

— Подходит.

— Тогда по местам, Павел Мстиславович, когда Черный в проулок войдет, вы это сразу увидите.

— Увижу, главное, чтобы не делся никуда снова, ловкий черт по вашим рассказам. Уж я его за сына накажу.

— Не того наказывать надо, но не до разговоров сейчас. Если вопросов больше нет, по местам.

Аристов в арке скрылся, а Меркулов с Михом обратно к началу проулка вернулись. Вышли прямо на улицу, по бокам встали, чтобы видно их не было, и затихли. Снова теперь минуты считать. Только не то ожидание, что у господина в квартире, нервы натянуты, точно тетива лука, кровь бурлит, зубами скрипеть хочется. От нетерпения орчук даже

переминаясь с ноги на ногу стал, но получил от хозяина неодобрительный взгляд и замер.

Сколько времени прошло, Мих уж не знал. Ежели спросил кто его, сказал бы, что целая вечность, а к ней еще пару часов прибавленных. Вроде, что тут Сеньке ехать до обер-полицмейстерства, а потом Черному обратно бежать? Сущие пустяки. Однако ж...

Застучали наконец торопливо каблуки по мостовой. Бежит кто, только не опрометью, как на пожар, а в определенном ритме, ровно как заводной. Ток-ток-ток-ток, ток-ток-ток-ток. Узнал, ох узнал поступь Мих. Еще мгновение, и усилился звук — оказался злодей в проулке. Выждал Меркулов мгновение, когда каблуки совсем рядом послышались, да вышел навстречу, а за ним и сам Мих. Черный, всего в пяти шагах оказавшийся, замер лишь на секунду, может, чуть большее, и тут же со всей прытью повернулся и обратно кинулся.

Да только и с противоположной стороны уже Аристов появился. Черный остановился аккурат посередине, явно размышляя, как дальше поступить. А капкан тем временем стал сжиматься. Подходят с одной стороны орчук с Меркуловым, с другой Павел Мстиславович. Двигаются все неспешно, торопливость теперь дурную шутку сыграть может, противник опасный, не из простых разбойников.

Тут и Черный понял, что пора нечто предпринимать. Аристова он не признал, все-таки темно тут, а может, и вовсе никогда не видел рыжего аристократа, и скорее рассудил, что с титулярным советником встречаться желания у него намного меньше, потому к Павлу Мстиславовичу и кинулся. Не с добром или желанием лишь обогнуть дворянина на тот лад, как над орчуком перекувырнулся, показался в его руке короткий клинок. Видно, понимал, неслучайно его сюда загнали и теперь во что бы ни стало надо вырываться.

Испугался орчук, что больно резв окажется Черный для Аристова. По всей видимости, и Витольда Львовича подобная мысль посетила, набрал он воздуха, чтобы выкрикнуть, да не успел. Шагов шесть злодею оставалось, как вдруг так по глазам резануло, что не выдержал Мих, отвернулся. Светло стало, как и днем не всегда бывает, а может, лишь после темноты полной так показалось.

А когда смог орчук рассмотреть, что же там произошло, понял, некуда теперь Черному бежать, все пути к отступлению отрезаны. Окружен он был высокой стеной — ржаво-желтой, пылающей, живой, подбирающейся все ближе и ближе. Метался Черный, то вправо кинется, то влево, то наверх посмотрит, только тщетно все. Все ближе и ближе огненные тиски, все яростнее мечется лихоимец.

Уже и плащ опаляться стал, скукоживаться, к телу приставать, и одежда чуть ли огнем не пышет, однако не кричит Черный, молчит, стервец. Мих даже подивился выдержке. Он сам крепкого десятка был, но поставил себя на место преступника и решил, что орал бы как оглашенный. А этот ничего, молчит, терпит. Уже языки пламени подошвы сапог лижут, одежда, будто старая, на части распадается, но безмолвствует. Вот и звон послышался — распался от жара кошелек с деньгами, и покатались прочь монеты.

Застонал Павел Мстиславович, будто корова на убой идущая, негромко, протяжно. И так колыхнулся огонь в тот момент, что орчук снова глаза рукой прикрыл. Обдало Черного знатно, полезла с него одежда вместе с кожей, обнажая... Мих даже глазам своим не поверил — ярко сияющее посреди огня синее сердце. То не билось, скорее пульсировало, окруженное костями... Еще лучше присмотрелся орчук да рот открыл, не кости то вовсе, а лишь нечто, на них похожее, вокруг сердца тесно смыкающееся, вроде как защищая его. Вот только от огня оборониться подобное не помогло.

Сначала пламя лишь лизнуло синь в груди Черного, но быстро и по-хозяйски

подобралось вплотную, обняло, подчинило своей воле. Погас волшебный свет внутри злодея, превратилось сердце в кусок угля, тут и сам лихоимец рухнул безжизненно. Аристов еще подержал для верности огонь, потом руками взмахнул, и снова проулок окутала темнота.

Меркулов, явно сдерживая себя, дабы не бежать, проворно направился к телу Черного. Мих за ним, пот утирая, пышало жаром теперь от каждого кирпича в стене, от камней под ногами, от сгоревших останков Черного. А из самого проулка испарения поднимались, точно только что тут паровоз прошел. Аристов с другой стороны подошел, на господина поглядел, не сдержался и титулярного советника по плечу хлопнул.

— Вот ведь, Витольд Львович, вот ведь голова. Все правильно придумал. Только просчет вышел, не расплавился металл, интересно, из чего состоит?

— Выясним, — задумчиво ответит Меркулов, — Павел Мстиславович, подсветите немного.

Зарделась рука Аристова на манер факела, теперь и Мих все вокруг оглядеть смог. Лежал перед ними Черный голый, если можно было так говорить о существе, на которое орчук смотрел. На человека похож, да только общей схожестью тела все и заканчивается. И руки, и ноги, и тулово, и голова даже — все из металла, где поршнями что подкрепляется, где пружинами. Но сделано хитро, с множеством деталей. Большая часть из них, конечно, под таким жаром в негодность пришла, но все же общую картину составить можно.

Самое же забавное с этим сердцем. И правду окружено оно со всех сторон пластинами оказалось, видно, и было самым уязвимым местом. Хотел Меркулов потрогать черную труху, в которое то превратилось, да руку отдернул. Не остыло еще.

Заметил Мих и маску в виде человеческого фаса — крепилась она на завязках каких-то, потому отлетела от физиономии Черного. Само же лицо злоумышленника и на лицо вовсе похоже не было: ни рта, ни носа, ни глаз, отверстия лишь на их месте, без начинения, пустые совсем, будто тьма их выела. Не посмотришь на такое без содрогания, вроде и на человека похож, а не человек.

— Вы, Витольд Львович, так и не сказали, как догадались? — Тон Аристова стал приятельским, теплым. Видно было, доволен Павел Мстиславович как все вышло.

— Подозрения у меня разные были. Например, в первой драке мне Черный в скорости не уступал. Я, конечно, тогда значительно ослаблен был, но все же. Не каждый человек на подобное способен. Потом когда мы его на Краснокаменке преследовали, тоже ловок оказался. И стрелял в него, а все равно ушел, через Муха вовсе перепрыгнул, как акробат какой.

Орчук при этих словах согласно кивнул. На него, правда, никто и не посмотрел.

— Никак в толк не мог взять, как у него все получается?.. Про штурм его квартиры вы, наверное, слышали. Понятно, что в газетах не писали, но у вас свои источники в полицмейстерстве, — Аристов загадочно улыбнулся, но ничего не ответил, — тоже сбежал. Выпрыгнул из окна, под градом пуль проскочил, одного филера оглушил, второго убил и скрылся. Но повезло, что с нами тогда Николай Соломонович был.

— Чем же повезло? — Усмехнулся дворянин. — Глупый болван, дубина эдакая. Из-за него и упустили Черного.

— Так, да не совсем. Николай Соломонович вывод сделал, о пользе которого, наверное, и действительно сам не догадывался. Он сказал, что Черный нечто. Вы знаете об особенностях магии Истоминых?

— Вы уж меня, Витольд Львович, совсем не оскорбляйте, все же в Моршане живу, к

Большой книге допущен.

— Я не про главную особенность, а второстепенную. На союзников Истомины влияют воодушевляющее, а на противников наоборот...

— Удручающе, — кивнул Аристов, словами Меркулова не удивленный, и тут же хлопнул себя по бедру, — вон как! На Черного не подействовала истоминская магия. Вот вы и решили, что он не обычное существо.

— Именно. А вкуче с чертежами, найденными на квартире... Там было изображено внутреннее устройство Черного, именно на моем листке рука. Могу предположить, для самостоятельной починки после повреждений. Осталось потом самое главное — найти и, что не менее трудное, обезвредить нашего общего недруга.

— Невероятно, — с изумлением взглянул Павел Мстиславович на неподвижное тело того, что ранее называли Черным, — но он же всего лишь кусок металла. Как же...

— Он механоид, признаться, подобного я никогда ранее не встречал и даже не слышал о подобных, но гоблинарцы искусники. Понимаете, невозможность тарстоунцев использовать магию толкнуло их в объятия науки. Вы, наверное, и сами знаете, что большая часть открытий принадлежит именно им.

— Витольд Львович, полноте, вы мне про дирижабли, бороздящие просторы бескрайних островов, потом расскажете. Что с механоидом? Ведь мало просто собрать, хоть и искусно, из металла человека. Надо его наделить подвижностью, да еще какой, по вашим рассказам, способность слушать, говорить, понимать. Ведь он был не просто бездушной болванкой.

— Вот здесь и заключается главное достижение гоблинарцев. Я не представляю, каким образом, но Черному давал жизнь артефакт, тот самый синий камень. Он похож на симарильские осколки, но те были маленькие, совсем крохотные, а этот, поглядите, какого размера... был. Но именно артефакт превращал этого механоида во вполне живого человека. Он был своего рода сердцем. Посмотрите, как искусно защищено оно от механических повреждений со всех сторон.

— И сколько таких Черных ходит по Моршану? — Помрачнел Аристов.

— Вряд ли здесь их армия. Сомневаюсь даже, что есть еще один подобный. Все же производство самих механоидов, посмотрите, как искусно сделан, довольно трудоемко, а уж про артефакт я вообще молчу. Это рукотворное творение, едва ли конвейерное.

Витольд Львович осторожно потрогал грудь Черного, видимо, пробуя, остыл ли металл. Немного повозился, ощупывая пальцами каждую мелочь, куда-то нажал, и одна из пластин, подобно цветочному лепестку вдруг отошла, обнажив угольное, сгоревшее сердце. С великой опаской Меркулов прикоснулся к утратившему силу артефакту, но от легкого прикосновения «сердце» осыпалось на мостовую множеством мелких частичек. Титулярный советник вздохнул и поднялся.

— Боюсь, секрет этого артефакта потерян.

— Может, удастся хоть что-то сказать по его остаткам, — предположил Аристов, на что Меркулов лишь пожал плечами.

— Павел Мстиславович, у меня к вам большая просьба, оставайтесь теперь здесь. Нельзя допустить, чтобы кто угодно прикасался к Черному. Вы ведь знаете наш народ, растащат для бытовых нужд. А я, как смогу, к вам пришлю кого-нибудь.

— Как же вы? Ведь предатель, тот кто послал Черного, еще жив и вполне себе здоров. Думаю, вряд ли он будет сидеть и ждать. Именно теперь надо брать этого голубчика за грудки.

— Именно этим... — Витольд Львович отошел на несколько шагов и присел возле уроненного механоидом кошельком, и принялся собирать монеты. Некоторые были оплавлены, но другие оставались вполне пригодными для торга, — я и буду сейчас заниматься. Понимаете, Павел Мстиславович, в деле с Черным нужна была невероятная сила или мощная магия. По-другому его не победить. А вот чтобы одолеть предателя из полицмейстерства нужно нечто другое.

— Что же?

Витольд Львович улыбнулся, явно довольный собой.

— Немного хитрости и возможность заманить противника в его же ловушку.

Глава 18, в которой все узнают, кто стоял за Черным

— Витольд Львович, родненький, я уж приготовила все, — хозяйка встретила их на входе.

Каких усилий стоило Миху уговорить старую перечницу предоставить им комнату на втором этаже, только одному Господу известно. Ведь та что хотела, чтобы плату предоставили ей согласно недельному проживанию, дескать, посуточно она не сдает. Как уж с ней орчук не ругался, не отступалась карга. Поняла за недавнее время, хоть и выглядит Мих грозного, однако нрава самого смиренного. Человека почем зря не обидит, если не заслужил, даже слова бранного не скажет. Тем и пользовалась. Пришлось даже пригрозить, что съедут. На том и порешили, что сдаст она им квартиру, но денег как за два дня возьмет.

И то Бурдюков хотел «висельную» комнату взять, это где студент-бедняга себя кончил, она и через стену от них, но как назло туда уже другой постоялец въехал. Чиновник какой-то. Судя по месту жительства самой плохенькой руки. Потому пришлось напротив хорониться.

До того, как в «засаду» сесть, велел Витольд Львович топчан орчуковский свернуть, да и вообще в их квартирке прибрать. А то придут скоро... Мих на то лишь хмыкнул: смысл порядок наводить, коли все равно обыскивать будут? Но пока Витольд Львович в наемной квартире располагался, все исполнил. Даже окошко открыл, свежий ночной воздух впустить, а потом и за хозяином пошел.

Вот новая квартира ему не в пример старой больше нравилась. Комнат целых три: большая, господская, с мебелью дешевой, но добротной; крохотная каморка для прислуги, и общая, выступавшая и в роли гостиной, и обеденной. Понятно, что высокородным людям с хорошим жалованием подобные апартаменты клоповником покажутся, но Миху с господином в самый раз бы подошли. Надо будет со старухой сговориться, может, и выгорит что.

Подумал и сам себя поругал, тут такое закрутилось, выбраться бы, а он о пустом все. Хотя когда события с такой скоростью летят, по-другому и быть не может. Вот взять Черного, уж насколько опасен был, бед разных принес, казалось, будто черт из табакерки. А как его Аристов легко укокошил. Мих всю обратную дорогу мыслей тех из головы выбросить не мог, удивляясь всему: и силе магии Павла Мстиславовича, и сообразительности господина, и выдумке проклятых гоблинарцев, такую штуку придумавших.

Получалось ведь как, этот Черный вроде куклы заводной, лишь волей камня внутреннего оживленный. Но ведь поглядишь на него, как живой: и понимает, и говорит. Чуть не спросил было у Меркулова, может, в тот артефакт душа настоящая заключена, да вовремя рот закрыл. Знания подобные запретны, причем, что у орков, шаманы которых и не такие фортеля с «атманом», душой то бишь, вытворяли, что у славийцев от одних разговоров волосы бы дыбом встали, да и у самих людей. Ведь ежели сможет кто заключать душу в артефакт, да не в такой хрупкий, как у Черного, то сможет и вовсе бессмертным стать.

Но о том орчук вскользь подумал, даже размышлений своих испугаться не успеет. Столько хлопот тут сейчас было. Не до того. Витольд Львович же наоборот успокоился. Сел в кресло в дальней комнате, трость вовсе отложил, облокотился и глаза закрыл. Конечно, не спит, скорее в себя ушел, но не двигается. А Мих, напротив, места себе не найдет. Дверь

плотно притворил, а вот окно приоткрыл. Оно как раз на улицу выходило, потому слышно будет, если кто подъедет. Точнее когда.

— Мих, хватит метаться, — не открывая глаз, сказал Меркулов.

Орчук замер в нетерпении потирая огромные руки.

— Неужто вы не волнуетесь, господин?

— Очень волнуюсь, — таким безразличным тоном ответил Витольд Львович, будто не первый час занимался самой скучной и монотонной работой. — Но если я буду бегать сейчас и причитать, то что-нибудь изменится?

Не ответил Мих, лишь замер на месте, как истукан. Потому что послышался на улице шум экипажа, да не одного. Остановились они, как и следовало предполагать, у их дома. Люд высыпал, однако тихо, бесшумно, лишь скрип рессор послышался, да нечаянный стук сапога о мостовую. У орчука сердце в пятки упало, догадывался, по чью душу приехали. А господин, знай себе, улыбнулся только. Но хоть глаза открыл, посмотрел на Муха, палец ко рту поднес, мол, молчи.

Вот и остался стоять Бурдюков в самой неудобной позе, двинуться боится, вдруг услышат снаружи полицейские. Что те у подъезда все еще ждут, он не сомневался. Внутри они не зашли, по улице не двинулись. Иной, кто проснулся, подумал бы, что показалось, да только лошади изредка пофыркивали, обозначивая свое присутствие.

И ведь долго под покровом ночи укрывались, у Муха ноги затекли, и спина вся взмокла. Когда уже решил, что мочи больше нет терпеть, послышался еще шум подъезжаемого экипажа. По звуку легкого, двухколесного. Остановились рядом, слов опять же произнесено не было, только некто, кряхтя, грузно спустился на мостовую, и после послышался негромкий голос обер-полицмейстера: «Пошли».

К удивлению Муха, внутрь последовали не все. Орчук внимательно прислушивался к шагам: самые грузные, скорее всего, Александра Александровича, идет впереди, не таясь, за ним первый полицмейстер, его тоже Бурдюков легко опознал, потом еще двое, один полегче, другой тяжелее. Всего четыре человека. Странно, неужто остальные на улице остались? Но Его превосходительство, точно мысли Муха услышав, негромко сказал, поднимаясь.

— Дело деликатное, сами понимаете. До сих пор в то поверить не могу. Но если подтвердится... В общем, сами понимаете. Обойдемся своими силами. Право, я надеюсь, что поклеп то и наговаривают на Витольда Львовича. Но вот ведь, записка.

— Он и раньше мне не нравился, — отозвался Константин Никифорович, — тут и думать нечего...

Видимо, Его превосходительство дал помощнику какой-то знак, полицмейстер осекся и замолчал. Процессия поднялась на площадку, встала у противоположной двери, а у Муха сердце зашло. Меркулов теперь тоже последнее хладнокровие потерял, как ни старался храбриться, а кресло пальцами сжал. Раздался громкий стук, а после сразу скрип отворяемой двери, ее Витольд Львович нарочно не запер. Зашли господа-полицейские внутрь, помимо того, что сами с фонарями были (это Мих по отблескам, когда поднимались, понял), так и у них керосинку запалили для большего свету. Началась возня непонятная, шум передвигаемой мебели, ходьба.

Тут уже и титулярный советник на ноги поднялся, подошел к двери, Муху кивнул и револьвер в руки взял. Не скажи он о своем намерении орчуку прежде, так кинулся бы Бурдюков в ноги господину сейчас, креститься стал, просить не губить себя и его, теперь лишь вздохнул судорожно и кивнул. Отворил дверь Меркулов, бесшумно на площадку

выскользнул, орчук за ним. Шаг, два, три, четыре.

— Добрый вечер, господа.

Голос титулярного советника был негромок, но произвел должное впечатление. Все застыли в разных позах: Николай Соломонович — свернутый топчан отодвигая, Константин Никифорович — в вещах Меркулова копошась, Александр Александрович — спиной стоя и за всем наблюдая. Мгновение прошло, и в проеме хозяйской спальни показался третий полицмейстер, румяный Петр Андреевич, смущенно держа в руках смятую постель.

— Прошу вас не кричать, а слушать внимательно. В револьвере пять патронов, а вас всего четверо. Реакция у меня сами знаете какая, так что не советую рисковать. Если закончим разговор хорошо, то все уйдут отсюда своими ногами.

— Брешешь, черт, — негромко прорычал Константин Никифорович. — Аховмедец от тебя тоже своими ногами ушел?

— Давайте не будем препираться, — перевел титулярный советник револьвер на первого полицмейстера, — времени не так много, поэтому надо все выяснить как можно скорее.

— А ведь я тебе поверил, — чуть не застонал Николай Соломонович.

— Ну будет посыпать голову пеплом. Давайте уже говорить конструктивно. Петр Андреевич, возможно, мой вопрос покажется вам нелепым, но все же ответьте. Вы правда недавно выиграли в карты большую сумму?

— Да, правда.

— Я слышал, вы тогда играли среди коллег. Не скажете, кто там был?

— Ну кто... я, Константин Никифорович, Его превосходительство Александр Александрович, Серафим Лукич, из розыскного, несколько чинов из жандармского. А собственно...

— И дайте я угадаю... Александр Александрович крупно проигрался?

— Не так уж и крупно. Впрочем, к чему вы ведете?

— А вы, Николай Соломонович, — не удостоил полицмейстера ответом Меркулов, — месяца четыре назад были на приеме у его Императорского Высочества. Один?

— Один, — пробурчал «гусар».

— Александр Александрович же занемог в тот день.

— Занемог, — подтвердил Николай Соломонович.

— Куда ты клонишь? — Сурово взметнулись брови обер-полицмейстера. Он даже сделал шаг вперед, но тут же замер, глядя на направившийся в его сторону револьвер.

— Клоню я к тому, Александр Александрович, что именно вы и являетесь тайным осведомителем Черного и предателем Короны. Вы прибыли сюда как раз после того, как я написал вам, что отправляюсь к великому князю, потому что знаю, кто стоит за ограблением музея и убийством Логофета. Что он вам сказал, господа? Будто некто написал анонимку на меня? Думаю, вроде некто из соседей. Видели, как я встречался Черным и теперь Его превосходительство вынужден обыскать мою квартиру, с вашей помощью, разумеется, а после меня объявить в розыск. Так?

По удивленным лицам полицмейстеров Мих понял, что если и не подобным образом все было сказано, то очень близко к оному.

— Только, господа, не трудитесь, ничего вы здесь не найдете. Гоблинарское золото, которое должен был подложить Черный здесь, — с этими словами Витольд Львович вытащил монеты, подобранные после гибели механоида, и выложил на стол, — это должно

было послужить доказательством моей виновности, только Черный не смог добраться до моей квартиры.

— Мальчишка несет какой-то вздор, — хмыкнул Александр Александрович.

Обер-полицмейстер обернулся к своим подчиненным, ища поддержки, но те внимательно смотрели на Витольд Львовича. Даже Константин Никифорович, протеже Егс превосходительства, не посчитал нужным сказать ни слова.

— Если вы не против, я продолжу. На моем месте должен был оказаться первый полицмейстер, да, да, вы Константин Никифорович. Именно для этого вас повысили, выдернули из Сундыри и приблизили к себе. Чтобы в определенный момент повести на заклятие. Но вы сблизились с Павлом Мстиславовичем, его позже Александр Александрович тоже попытался вывести из игры. Хотя, прошу прощения, я довольно слаб в риторике, забежал вперед. Итак, по порядку...

Меркулов сделал паузу, будто ожидая возражений. Его превосходительство побагровел, однако сделать еще ничего не решался, а вот остальные точно были не против беседы.

— Начнем с того, что Александр Александрович взял меня на место господина Дашкова после всем известного инцидента. А ведь после дуэли мне грозила высылка из Моршана, ведь вы знаете о моем отце, — голос Витольда Львовича дрогнул, но Меркулов продолжил, — более того, по моей просьбе дал в помощники Михайло Бурдюкова, вам известного. С чего такая доброта? Все очень просто, сына изменника и полукровку обвинить гораздо проще, чем полицмейстера, хоть и провинциального.

Константин Никифорович залился краской при своем упоминании. Вон чего, понял орчук, стыдится своего происхождения. С другой стороны, большая часть Моршана такими провинциалами усеяна, «выскочками», наверх пролезшими, у которых амбиций поболее всех столичных будет.

— Потом обер-полицмейстер поручил мне дело убиенного Рее Ол Дейна, зная, что убийство Логофета и ограбление связаны, потому что именно он стоит за ними. Минуту, минуту, — увидел вновь открывшего рот Александра Александровича, — я не закончил. Таким образом, я вышел на дело о музее и похищенной святыне. Но я опять забегаю вперед.

— Витольд Львович, — Константин Никифорович спокойно обратился к титулярному советнику, — вы тут строите различные предположения и гипотезы, но так и не сказали, зачем это все Его превосходительству?

— Все очень просто. Александр Александрович игрок, об этом вы все знаете сами. Причем весьма неудачливый. Первый раз он обмолвился об этом на приеме у великого князя, когда отнекивался от партии. Потом я узнал о недавнем выигрыше Петра Андреевича, который и вовсе не любит раскладывать карты. И один весьма влиятельный ростовщик рассказал мне по секрету, что Его превосходительство внезапно рассчитался по всем долгам.

— Большов! — Гневно вскрикнул обер-полицмейстер, но тут же поняв, что выдал себя, вновь замолчал.

— Прошу у вас прощения, Александр Александрович. Нечестная игра не в мои правила, но тут пришлось... Большов лишь подтвердил, что некто, имевший большие долги, вдруг рассчитался по ним. Еще сказал, что уж с кем, а с обер-полицмейстером он встречается частенько. Только и всего.

— Это все улики косвенные, — задумчиво заметил Павел Андреевич, поправляя очки, — и вы все не сподобитесь рассказать нам полностью, как обстояло дело.

— Прошу прощения, вы правы. Итак, теперь постараюсь без отступлений. Александр

Александрович договаривается с неким тайным лицом о краже и передаче последнему копыта Рогатого Бога, аховмедской святыне. Только для этого надо ограбить Императорский музей. Задача не из легких. Потому и присылается в Моршан Черный, механоид, работающий на артефактном камне.

— Каком? — Почти разом все как один воскликнули полицмейстеры.

— Господа, прошу не перебивать, я и так легко путаюсь. Итак, Черный вместе с обер-полицмейстером грабят музей. Именно вместе, потому как святыня оказывается в руках у Его превосходительства. И Черному приходится продолжать помогать Александру Александровичу исполнять приказания, потому что в противном случае он может не получить святыню. Для начала убивается Логофет. Это должно было побудить аховмедскую делегацию разорвать переговоры о мире, после чего можно было, не боясь, передавать святыню и получать оставшиеся деньги. Но что-то пошло не так.

— Что же именно? — Не утерпел Николай Соломонович.

— Обеспокоенная аховмедская делегация давит на великого князя, а тот в свою очередь на обер-полицмейстера. Грозится, что уволит, а дело передаст Третьему отделению. Тогда Александр Александрович понимает, что попросту переждать не получится. Как раз ловко тут подворачивается свидетель, видевший Черного и успевший растрепать о том эльфарийцам. Механоид убивает его, перед тем нанимает склад и свозит туда все награбленное. А уже после Его превосходительство будто через тайных осведомителей узнает о помещении, набитом музейными экспонатами.

— А пожар? — Подал голос Николай Соломонович.

— Это стало уже следующей частью разыгранного представления. Святыня похищается обер-полицмейстером вторично, а склад сжигается. Черный, действуя по наводке Александра Александровича, подкупает младшего сына Аристова. Парень только входит в совершеннолетие, но фамильный дар уже проявляет себя. Еще, что более важно, молодой дворянин остро нуждается в деньгах, отец выдает ему только на малые расходы. Все удается лучшим образом. Склад сгорает, причем подложенное перо с почерневшими бриллиантами должно навести на Аристовых, что и происходит. Но, к сожалению, нам все же удастся выйти на след Черного, и обер-полицмейстеру не остается ничего, кроме как пустить полицейских прочесывать Краснокаменку, предварительно дав знать об этом Черному.

— Каким образом, Александр Александрович почти не выбирается из полицмейстерства?

— В этом и вся шутка. Помните ту самую подозрную трубу, которую нашли у Черного. По моему разумению, через нее он наблюдал именно за обер-полицмейстерством, точнее за окном Его превосходительства. Могу только догадываться о некоем предмете на подоконнике и его дальнейшем отсутствии или по отворенности самого окна. Черный увидел предупреждение, но слишком поздно. Александр Александрович пытался задержать штурм, специальным образом вызвав меня с Михом и навязав Николаю Соломоновичу.

— Все-таки, Витольд Львович, это слишком притянута за уши, — вмешался Петр Андреевич, — благодаря известной дуэли все знают, что вы достаточно опасный противник, а про орчука и говорить не приходится, мало кто может сравниться с ним в силе. Летучий отряд Николая Соломоновича лишь выиграл от вашего присутствия.

— Да, но вы не учитываете того, что Черного вовсе не должно было быть там. Пройди все удачно, мы бы попросту не обнаружили механоида. Он сжег все записи, уничтожил необходимые вещи и сбежал, несмотря на окружение.

— Господа, я устал слушать эту чушь!

Его превосходительство решительно шагнул к двери, тень грозы мелькнула в его глазах, когда он посмотрел на замершего Миха. Но тут произошло удивительное. Николай Соломонович, прихоронившись почти на голову выше Александра Александровича и стоявший за его спиной, попросту уронил свои кувалдоподобные руки на плечи начальнику. Колени обер-полицмейстера дрогнули, он боязливо обернулся, и даже уже было открыл рот, на что получил от «гусара» укоризненное мотание головы.

— Благодарю, Николай Соломонович, — сказал Витольд Львович.

— Все-таки как-то не сходится, — снял очки и потер переносицу Петр Андреевич, — всем известно, что великий князь вряд ли оставил бы в покое Его превосходительство. Он уже несколько раз высказывал неодобрение работой следствия.

— Да как вы не понимаете? Александр Александрович и не собирался оставаться в Моршане после передачи святыни. Более того, он хотел уехать в самое ближайшее время, не дожидаясь разрешения всей ситуации. Его превосходительство явился сюда позже вас? — Резко сменил тему Меркулов.

— Александру Александровичу необходимо было заехать домой, — ответил Константин Никифорович.

— Вряд ли в первую очередь, хотя туда он тоже заглядывал. Думаю, обитель обер-полицмейстера Черный проверил в первую очередь. Но Его превосходительство привез сюда кое-что очень важное.

— Святыню? — То ли удивился, то ли спросил Петр Андреевич.

— Именно. Скорее всего, она находится в саквояже или некой дорожной сумке, которую Александр Александрович оставил в экипаже. Боюсь, что после нахождения у меня гоблинарского золота, вы больше не увидели бы вашего начальника. Ведь не случайно Александр Александрович прихватил с собой все вещи.

— Вашу гипотезу хорошо бы проверить, — предложил первый полицмейстер.

— Конечно, прошу вас, Константин Никифорович, — Витольд Львович отошел от стола, стоявшего в середине комнаты, пропуская Его высококордие, — Мих, пропусти. Только у меня к вам большая просьба, поднимите его сюда.

Полицмейстер кивнул и, протиснувшись мимо орчука, поспешил вниз.

— К слову, тот самый прием, где вас, Николай Соломонович, Его Императорское Величество Святым Георгием пожаловали, обер-полицмейстером был пропущен нарочно, а не по причине болезни.

— Ну конечно, ведь Государь Император имеет высший дар, доставшийся от божественного Ковчега, читать мысли, — воскликнул Петр Андреевич, будто вина Его превосходительства была уже полностью доказана.

— Именно. Тогда я, собственно, и начал подозревать плохое в отношении... — Меркулов посмотрел на угрюмого обер-полицмейстера, на мгновение смутился, но все же нашел в себе силы продолжить, — не каждый день Император приглашает ко двору, тем более награждает орденом. Сослаться на болезнь мог либо смертельно немощный, либо человек, который не хотел, чтобы его мысли были прочтены.

На лестнице застучали сапоги, послышался было возмущенный визг хозяйки: «Растопались, ироды» (на дворе и впрямь стояла ночь), но Константину Никифоровичу понадобилось всего несколько слов, причем в них не было ни одного бранного, после чего старушка мигом успокоилась и скрылась у себя. Первый полицмейстер появился, оттеснив с

прохода Миха, не один, а с еще одним полицейским. Вместо саквояжа оказался старый, ровесник деда Его превосходительства, достаточно крепкий дорожный сундук, потому несли его с двух сторон.

— Вниз дуй, живо, — бросил первый полицмейстер подчиненному, уже с удивлением рассматривающему, как Николай Соломонович вроде и бережно, но все же цепко придерживает обер-полицейстера. — Сшибать замок или ключ дадите, Александр Александрович?

Его превосходительство с видом полным благородного оскорбления отвернулся прочь, не проронив ни слова.

— Позвольте, — оттеснил Петр Андреевич Константина Никифоровича, уже присматривающего в комнате предмет поувесистей.

Пухлый полицмейстер приблизился к замку, повисшему на сундуке, покопался в кармане и достал... пару отмычек. Мих удивленно посмотрел на полицейских, но они и сами пребывали в полном изумлении. Петр Андреевич, как заправский отверточник с Сигаревского района, повозился в отверстии навесного замка, нечто мягко поддел, и запор с глухим стуком упал на пол.

Витольд Львович бережно, будто перед ним стоял ларь для драгоценных камней, поднял крышку и стал аккуратно убирать беспорядочно сложенную впопыхах одежду.

— Прошу меня великодушно простить, Ваше превосходительство, — сказал он, — обычно не имею привычки копаться в чужом белье. Но долг...

Притом выглядел Меркулов не сказать чтобы сильно сконфуженным, а вот на Александра Александровича было жалко смотреть. Старик посерел лицом, оказавшись похожим на покойника, плечи его вдруг стали покатыми, сам он сморщился, съежился. Титулярный советник вдруг остановился и медленным движением выложил на стол тряпицу. Отвернул один угол, второй, третий, и вот уже лежит перед ними бурое, как шоколад, что на Верхнеилецкой продают, и усохшее копыто на отрубленной ноге.

Сразу видно, много времени прошло с тех пор, как мощи от тела отделили, они уж и сморщились все, потемнели. Может, и изначально аховмедец смуглый был, да кто теперь разберет? Единственно ясно — стати козлоногий был неопишущей. Сколько лет прошло, а даже теперь, истаявшее от времени копыто не в пример больше было, чем любая нога даже самого высокородного жителя Матара. Может, и правда прародителем аховмедцев был тот Рогатый?

— Вы уверены, Витольд Львович, что это, — Николай Соломонович пренебрежительно сморщился, — нужно козлоногим? Как человек с даром никаких магических проявлений в этом копыте я не чувствую.

Константин Никифорович и Петр Андреевич не преминули посмотреть на «гусара». Только один с плохо скрываемой завистью — хотелось, ох как хотелось первому полицмейстеру магией обладать — а другой с уважением, мол, вон среди нас какой человек работает.

— Я тоже не чувствую, — ответил Меркулов, — могу сказать точно, никакой магии тут нет. Если и была раньше, то истончилась и пропала, а может, и вовсе ее никогда не было. Но факт остается фактом: это мощи того самого прочего, которого при жизни прозвали Рогатым Богом. И аховмедцы пойдут на все, чтобы заполучить их.

— И что теперь?

Мих не сразу разобрал, кому принадлежал голос. Прозвучал он с надрывом, так

голодные чайки кричат над рекой, выронив рыбу. Но господа поняли, повернули головы к обер-полицмейстеру.

— Думаю, все зависит от вашего разговора с великим князем. Винитесь, Ваше превосходительство, перед ним.

— Не простит, — недобро усмехнулся старик, — да и в чем виниться? Что мне, герою Днегорской шипки, не у государя место дали, не губернаторствовать направили, а кость бросили: занимайся, Муханов, самой грязной работой? Знаете ли вы, сосунки, сколько я уже обер-полицмейстерствую? Двадцать шесть лет. Ты, Витольд, тогда и вовсе не родился. И что, да ничего. Забыли про меня. Откупились шестьюстами целковыми в год, будто то деньги.

Мих чуть не поперхнулся. Знал он, что живут иные мужики и на тридцать рублей в месяц, не жалуется, тут же...

— Вы правы, Александр Александрович, — согласился Меркулов, — зря вас на действительной военной службе не оставили, зря за порядком в Моршане следить поставили. Избаловала вас жизнь столичная. Вы ведь, держу пари, и взятки берете.

Его превосходительство гневно посмотрел на титулярного советника, а тот лишь в ответ покивал.

— Берете, берете, причем немалые. Это даже совсем не странно, у нас на вашем месте немногие не берут. Даже вроде странным это кажется. Но вы ведь злодей особый: вы мало того что подобной системой пользуетесь, вы еще и недовольны. Для вас и Император, и государство Славийское пустым звуком стали. Оттого и с гоблинарцами сблизились.

— Думаете, Витольд Львович, что за этим сплющеноухие стоят? — Вмешался в гневную отповедь Петр Андреевич.

— Чертежи, найденные у Черного, были на гоблинарском, золото, которое должен был подкинуть мне Черный, думаю, выдал сам Александр Александрович из своей оплаты.

— А аховмедские деньги, которым Черный оплачивал склад и жильё?

— Лишь отвод глаз. Причем довольно неумелый. Не будут же аховмедцы платить, чтобы ухудшить свое положение. О том, что за всем стоят гоблинарцы говорит и самый главный факт — Черный. Всем известно, кто лучшие инженеры в мире, поэтому конструирование механоида можно смело записать на их счет. Пока не представляю, как им удалось добиться заключение магической энергии, питающей Черного, в артефакт, но только гоблинарцам подобное под силу.

— В ваших словах, Витольд Львович, есть смысл, — согласился Петр Андреевич. — Вь кого-то ждете?

Вопрос был задан потому, что снаружи послышался шум подъезжающего экипажа. Кучер, в отличие от полицейских возничих, не хоронился, потому громким «тпру» сдержал лошадей. Мих поводил ушами: не меньше двух животных, значит, и коляска не простая, а из богатых. Что Витольд Львович и подтвердил.

— Да, господа. Я отправил два письма: первое Александру Александровичу, а второе великому князю. Ведь не нам же распорядиться судьбой этих мощей, этой аховмедской святыни. Не в нашей компетенции. Тут дело государственного порядка.

Торопливо застучали каблуки по лестнице. Орчук даже удивился. Он привык видеть Его Высочество в степенном спокойствии, сейчас же во всех действиях угадывалась удивительная поспешность, так несвойственная аристократам. Следом показался сам великий князь, взъерошенный, с горящими глазами и верным камер-фурьером за спиной.

Он мельком посмотрел на Миха, но и этого хватило, чтобы орчук вжался в стену, после Его Высочество скользнул внутрь квартиры и остановился, переводя взгляд с мощей на обер-полицмейстера. Внезапно великий князь подскочил к Муханову и отвесил такую хлесткую пощечину, что звон ее ударил по ушам почище ружейного выстрела.

— Ваше Высочество, держите себя в руках, — посуровел Витольд Львович.

Как ни странно, но именно это замечание возымело эффект. Брат Императора стал похож на себя прежнего, еще раз обвел всех многозначительным, не сулящим ничего благоприятного, взглядом, и обратился к титулярному советнику.

— Все, что вы изложили в своем письме, правда?

— Как вы изволите видеть, Ваше Высочество. Вот реликвия, которую мы так долго искали. Господа полицмейстеры выслушали мои доводы и не высказали решительного противления. Тем более Его превосходительство невольно признался в содеянном, хоть и не раскрыл полностью всего.

— Превосходительство, — презрительно выплюнул князь, — ненадолго он теперь в превосходительствах ходить будет. А уж о содеянном расскажет как миленький. Господа, об этом прошу ничего и никому... Скоро я со всеми вами поговорю. Теперь же, — Его Высочество аккуратно завернул мощи в тряпицу, — надо обговорить все с аховмедской делегацией. Николай Соломонович, Константин Никифорович, сопроводите... этого ко мне домой, никто не должен знать, что произошло. Не в тюрьму же его... Петр Андреевич, возьмите самых верных Императору людей и сделайте обыск в апартаментах бывшего обер-полицмейстера. До скорой встречи, Витольд Львович...

Когда они уже остались вдвоем, Мих тяжело уселся на пол. Ноги ходили ходуном, а тело точно перенесло горячку. Орчук поглядел на дорожный сундук Его превосходительства, оставленный в спешке, и его бережливая натура опять взяла верх. Стал он думать, куда приспособить теперь такую нужную и брошенную вещь.

— Ну и ночка, — сказал вроде сам себе Витольд Львович.

— И не ночка уже, господин, — кивнул в сторону окна Мих.

Там, освещая купола церкви Симеона Исповедника и частично сбитую черепицу ближайших доходных домов, далеко, почти за краем земли, алела в прорехах туч предрассветная полоса. Вздохнул орчук: вот и пережили ночь. Усталость, до того сидевшая в углу грязным стыдливым псом вдруг подскочила к Бурдюкову. Потяжелели веки, потянулся в широком зевке рот, зачесались глаза. Спросил он уже так, на всякий случай.

— Теперь что делать будем, господин?

— Думаю, Мих, что выражу общее мнение. Теперь мы будем спать.

Глава 19, что и не глава вовсе, а скорее эпилог

— Скучно, — пожаловался Мих.

— Займись чем-нибудь конструктивным, — отозвался из-за книги Витольд Львович.

Сам господин даже в их служебном бездействии находил для себя массу полезных занятий. Один день у него пошел на чистку револьвера и заточку клинка в трости. Другой на полную, или как выражался Меркулов, «генеральную» уборку (Мих сначала насторожился, ибо ожидал, что посмотреть, как они вычищают кабинет, явится некий генерал), потом вот сел за книги. А ему, орчуку, спрашивается, что делать?

Нет, пробовал, конечно, полукровка по примеру титулярного советника в чтение удариться. Но тягостно целыми днями над книгами корпеть, глаза устают, лоб затекать начинает, в висках стук происходит. Да и большей частью держал у себя Витольд Львович все труды бермудные, подкупая новые все с теми же замысловатыми названиями: «Воображаемая геометрия» Лобачевского, «Хирургическая анатомия артериальных стволов, с подробным описанием положения и способов перевязки их» Пирогова, «История государства Славийского» Карамзина.

Миху же нравились романы, обязательно с приключениями. Чтобы герой в них либо стрелял метко, либо силой обладал исключительной или ловкостью, а геометрии эти — муть одна сплошная. Вот и приходилось теперь орчуку сидеть подле Меркулова на крепком табурете (сумел у сослуживцев выпросить, ведь в самом кабинете выделенном только шкаф, стол да стул господский, а про полукровку вроде как забыли) и откровенно скучал. То потолок начнет рассматривать, то пальцем возить по стене начнет, то нос почешет.

Уж как хотел орчук, чтобы поскорее закончилась круговерть опасная, а вот завершилась она, и непривычно теперь. Едят как положено, по три раза в день (полденные перекусы тут не в счет), спят тоже по режиму особому, чтобы глаза с утра не продирались через силу, даже на службу пешком стали ходить неспешно, а все равно скучно.

За окном зашуршало, появилась сначала одна рука, потом вторая, а после внутрь влез и сам Сенька. За пазухой у него была спрятана свежая, но уже смятая газета с загнутыми углами. Мальчишка по-хозяйски огляделся, вытер вечно сопливый нос и кивнул орчуку.

— Дядя Мих, дай пирожок.

— Еще тебе чего дать? — Спросил полукровка с напускной строгостью. — Сколько раз тебе говорили, не лазить через окно. Двери для чего?

— Ой, там пока бумагу выпишут, пока вас известят, пока пустят, полдня просидишь, — стал вытаскивать газету мальчишка. — А тут по трубе взобрался, и все. Ну дядя Мих, дай пирожок, смотри чего принес.

Он протянул свернутые листы, но не орчуку, а сразу Меркулову. Витольд Львович оторвался от книги, взял газету, поданную не с первой страницы, а с четвертой и стал читать вслух.

— По причине здоровья моршанский обер-полицмейстер Муханов Александр Александрович, полный кавалер орденов и... — титулярный советник пробежал глазами менее любопытное и остановился на самом значимом, — подал прошение Его Императорскому Величеству о выходе на пенсию... Мих, да дай ты уже Сеньке пирожок... В ближайшее время Его превосходительство отправится в родовое имение под Охотском.

— Это ж у черта на рогах, — удивился орчук, вынимая из-под ручника купленные утром пирожки.

— Я думал, его в острог упрячут, — схватил грязной рукой угощение мальчишка и тут же кусая, — у... с капустой. Вчера лучше были.

— Вот ты вчера и приходи. Да и вовсе болтать тебе об обер-полицмейстере не положено. Смотри, у меня, разболтаешь кому...

— Дядя Мих, так я же свой, я ж ни в жисть!

Как ни странно, тянулся мальчишка к Миху, да и орчук Сеньку полюбил. Вихрастый, смышленный, шустрый, единственно только улица на нем уже отпечаток свой поставила: и манерами, и поведением. С жизнью прошлой и общением он не завязал, якшался с личностями всякими подозрительными. Через это у Миха с Витольдом Львовичем основные споры и шли. Меркулов упорствовал, что мальчишку к хорошей жизни надо через доброту и ласку приводить, Мих же упор делал на строгость и дисциплину.

— Дядя Мих, а ты возьми завтра с рыбой, уж они вкусные, жуть.

— Через дверь зайдешь, возьму.

— А как же ты возьмешь, ежели покупаешь утром, а я к обеду прихожу?

— Вот так. А научишься как человек являться, закажу большой орчий пирог с мясом и весь тебе отдам.

— Да ну? — Чуть не подавился капустой Сенька и задумался.

— А и вправду, господин, чего Его превосходительство в острог не отправили?

— Если арестовывать Муханова в открытую, то придется и статью раскрывать. А вы сами только подумайте, обер-полицмейстер столицы и изменник. Смута будет. К полиции, опять же, доверие утратится. Лучше Александра Александровича в ссылку отправить, да подальше, чтобы не разболтал чего. Думается мне, не вернется он оттуда уже, надзор за ним будет соответствующий.

— Дядя Мих, дай три копейки.

— На что тебе?

— Как на что, за газету отдать. Я же почти воровать перестал.

— Как же тебе газету отдали?

— Да я и не спрашивал. Знаю же, что обернусь с деньгами, а так лишний раз бегать придется.

Вздыхнул орчук, ну что с мальчонкой этим делать будешь, но все же деньги дал. Тяжело он теперь с каждой копейкой расставался. Поистрепало их положение плохая расчетливость Витольда Львовича: туда, Мих, денег дай, сюда выдай. Чуть крепко не поругались, но все же полукровка своего добился и теперь все вопросы, с тратами связанные, самолично решал.

— Идет кто, — прислушался Меркулов, — к нам.

— Ну я тогда побег. До свиданья, Витольд Львович, до свиданья, дядя Мих.

— Забегай уж завтра, возьму пирожков с рыбой, — сказал вдогонку орчук.

Только Сенька скрылся за окном, как в дверь постучали. Не для того, чтобы спросить позволения, скорее для порядку, потому как сразу после этого в их крохотный кабинет вошли двое знакомцев. Первым шагал великий князь, а за ним следовал румяный Петр Андреевич, смущенно поправляя очки.

— Добрый день.

Мих вскочил с табурета с такой скоростью, что его не опрокинул. Витольд Львович тоже поднялся и поклонился. Его Высочество с некоторой брезгливостью осмотрел кабинет,

а точнее крохотную комнатку, где четверым, один из которых был орк-полукровка, было тесно, и подошел к окну.

— Приехал я, Витольд Львович, по вашу душу. Ну и дабы прояснить кое-что. Думаю, вам любопытно будет узнать некоторые детали.

Великий князь с большим пренебрежением посмотрел на пододвинутый Михом табурет и остался стоять.

— Во-первых, разрешите мне познакомить вас с новым обер-полицмейстером Моршана.

Петр Андреевич покраснел как девка на выданье, его сил хватило лишь чтобы улыбнуться и поправить сказанное.

— Всего лишь исполняющий обязанности, как и Витольд Львович.

— Будьте покойны, Петр Андреевич, ваше назначение мой брат подпишет в ближайшее время. Что до Витольда Львовича, и ему в исполняющих более ходить не придется. Приказ о вашем назначении приставом следственных дел по особым поручениям уже должным образом составлен и лежит на столе у обер-полицмейстера. Осталось лишь подписать.

— За этим дело не станет, — кивнул Его высокородие.

— Я вижу в вашем взгляде некоторые вопросы, — усмехнулся великий князь.

— У меня множество вопросов, Ваше Высочество, — Витольд Львович задумался, н тут же оживился, — не считите за грубость, просто я человек прямой, с большим уважением отношусь к Петру Андреевичу и нисколько в нем не сомневаюсь...

— Но почему он? — Усмехнулся великий князь.

Новоиспеченный обер-полицмейстер покраснел еще больше, снял очки и стал утирать пот со лба. Понял Мих, что это скорее от волнения — погоды теперь стояли свежие, иной раз и озябнуть можно было с раннего утра.

— Да, Николай Соломонович герой войны с орками, а Константин Никифорович все же первый полицмейстер, его Александр Александрович очень выделял.

— Вот именно что выделял, а в нынешнем состоянии это сродни обвинению. Могли и вовсе выслать из Моршана, но оставили, даже должность сохранили. Не время еще до чисток. К тому же близок он Аристову, а обер-полицмейстер независим должен быть от чужого влияния. Потому же, кстати, и Николая Соломоновича не поставили. Не последней семьи будет, тут хочешь не хочешь, давить на него станут. Да и признаться, глуп. Не то чтобы совсем, на своем месте он хорош, но вот над всей столицей его ставить боязно. Вот Петр Андреевич всем хорош.

Великий князь промолчал, но потом добавил.

— Спрашивайте, Витольд Львович, спрашивайте. Для того сюда и прибыл, чтобы на все ваши вопросы ответить. Признаться, выручили вы не только меня, но и Государя Императора. Да что я вам говорю, сами все разузнали.

— А что с аховмедцами?

— Достигнуто общее согласие. Завтра они подпишут с дрежинцами мирный договор, а после уедут к себе в Матар.

— И все это из-за мощей Рогатого Бога, — скорее заключил, чем спросил титулярный советник.

— Из-за чего же еще. Аховмедцы со своей святыней носятся как с писаной торбой. Нам же она и вовсе без дела. Признаться, ее обнаружили только в прошлом году, случайно. Какой-то книжный червь наткнулся на копыто и стал думать, отчего музей хранит копыто одного из самых неудачливых королей Аховмедии. Да и почему, собственно, копыто,

отсечение перед смертью которого является у них признаком великой доблести. И разузнал такое, отчего у нас волосы дыбом встали. А тут вдруг война козлоногих с нашими давними союзниками, в ходе которой, последние потеряли три города. Вот тогда мы и достали из пыльного мешка то самое копыто...

Великий князь перевел дух, и с явным удовольствием (Миху тут пришло в голову, что не Его ли Высочеству принадлежит идея о заключении мира в обмен на святыню) потер руки.

— И гоблинару это вовсе не понравилось.

— Почему же гоблинару? — Слишком уж лукаво спросил брат императора.

— Механоид был произведен на островах, в том у меня нет сомнений, — решительно заключил Витольд Львович, — опять же, сам Александр Александрович пытался подсунуть мне гоблинарские деньги, а Черный для отвода глаз использовал аховмедские. Да и единственный славийский противник сейчас — гоблиарцы.

— Расширение не только наших границ, но и сфер влияний может задевать интересы разных государств, — мудрено ответил Его Высочество, — но вы правы, по нашим предположениям, за этим действительно стоит Тарстоун. Кто конкретно, выяснить не удалось, оказалось, что с этим дураком Мухановым встречались самые разные люди. Точнее, и прочие, и люди. Не знаю, местная ли это сеть или заезжие, теперь только предстоит выяснить. В связи с этим у меня к вам, Витольд Львович, предложение.

— Я весь во внимании, — кивнул титулярный советник.

— Затевадается нечто нехорошее, уж поверьте, я это нутром чувствую. И мне нужны люди. Хорошие, доказавшие свою полезность делом. Вас определяют в мои личные гоф-фурьеры. Официально, конечно. А так будете заниматься личными поручениями того щекотливого плана, что и встречались в работе с аховмедским делом. Покажете себя во всей красе, а в этом я не сомневаюсь, не за горами и камер-фурьерство, а это шестой чин по табели. Ну же, не молчите. Я намерен получить ответ прямо сейчас.

— Если прямо сейчас, — титулярный советник задумался, — тогда я вынужден отказать вам.

— Что?! — Брови великого князя против воли поползли вверх. — Потрудитесь объясниться.

— Вы немалый человек по силе в Славии. Да и в доброжелательности вашей в отношении Империи и Его Величества сомневаться не приходится. Но я боюсь, что мы не сойдемся характерами. Человек вы резкий, не привыкший слушать здоровую критику, даже Муханов в этом отношении был более терпеливым. Поэтому идти к вам и выслуживаться против воли, я не хочу и не буду. Уж простите, Ваше Высочество.

— Да что ты себе позволяешь мальчишка?! — Закричал великий князь. — Неужто думаешь, что тебе подобное каждый день предлагать будут? Тебе, сыну изменника, якшающемуся с полукровками?

— Ваше высочество, — чуть ли не дрожа, произнес Петр Андреевич, — будьте добры, держите себя в руках.

— Да ты выше титулярного теперь за всю жизнь не поднимешься, дурак, — отмахнулся от обер-полицмейстера гневливый брат Императора, — более того, я тебя на этой должности и закреплю. Только не как пристава по особым поручениям, а самого обычного. Станешь разбирать, как пьянь всякая друг дружку в подворотнях режет.

— Ваше высочество, — блеснул стеклами очков полицейский, — полноте.

— Нет, ты видел, Петр Андреевич, какой мерзавец? Я к нему с открытым сердцем, а он...

Пойдем отсюда, пока до греха не довел. Резкий я человек, видите ли...

Яростно стуча сапогами и все еще ругаясь, великий князь выскочил в коридор. Обер-полицмейстер, укоризненно покачав титулярному советнику головой, мол, что же вы так, голубчик, бросился за ним.

— Умеете вы, господин, все испортить, — вздохнул орчук и сел на табурет.

— Что же, я должен был врать и извиваться перед Его Высочеством?

— Могли хотя бы попробовать. Надо же понимать, с каким человеком разговариваете.

— Он сделал предложение, которое подразумевало два варианта ответа, — пожал плечами титулярный советник, — да и скажу тебе по секрету, ничего он с нами не сделает. Пользы от меня ему гораздо больше. А великий князь человек хоть и сомнительной нравственности, но в скудоумии его упрекнуть нельзя.

— Эх, Витольд Львович, бедовый вы человек, — вздохнул Мих, — редко кто в высоких чинах и титулах порядочности большой, но надо же и о завтрашнем дне думать.

— Надо, в этом ты совершенно прав, я вот с завтрашнего дня думаю физкультурой общей заняться для укрепления тела. Потом хочу попросить тебя подучить меня орчьему рукопашному бою, думаю, ты в этом смыслишь больше моего.

— Да не о том вы все, Витольд Львович, — вздохнул орчук и махнул рукой, вроде уж все про своего хозяина решив.

— Прочим же, что против совести велит идти, мы с тобой заниматься не будем. Если ты имеешь намерение и дальше со мной работать, то учти это очень важное обстоятельство.

— Да что, разве я спорю, — сдался полукровка, — я ведь теперь вас не брошу. Пропадете.

Мих скорбно покачал головой, поднялся и стал расставлять купленный обед прямо на письменный стол. Вообще Витольд Львович подобного не одобрял, но и дел сейчас никаких не было, да и укрыл прежде орчук поверхность полотенцем, чтобы не испачкать. Но не успел все сделать, как послышались шаги, торопливые, тяжелые, благие вести не предвещавшие. Постучался гость нечаянный и ждать ответа стал, уже хорошо, значит, по просьбе пришел.

— Войдите, — сказал титулярный советник.

— Витольд Львович, — с порога завел околоточный, Миху откуда-то знакомый, едва только увидев Меркулова, — я к вам, по службе. У нас давеча покойника убили.

— Говорите.

— Нашли убиенного утром в подвале кабачном, а хозяин божится, что вчера вечером его там не было. Увезли его в покойницкую, ибо следов насилия не нашли, так врач нам говорит, что тот уже с седмицу мертв.

— Ну что тут такого, — разочарованно пожал плечами Витольд Львович, — убили его давно, а после перетащили на место, где и обнаружили.

— Так я самого главного не сказал. Ноги у него нет, а в то же время она есть.

— Это как? — Даже повернул голову, точно лучше пытаясь рассмотреть околоточного, Меркулов.

— А то, что ноги нет, однако шупать начинаешь — на месте она.

— Частичная невидимость у покойного? — Поднялся на ноги Меркулов и взял трость. — А покойный высокого роду?

— Да нет, мужик самый обычный.

— Очень интересно. Пойдемте скорее, нужен экипаж... Мих, не отставай.

Орчук с досадой поглядел на еду — когда вернутся, если вообще до темна не

задержатся, все охолодеет, жирной пленкой покроется. Такое есть, только изжогой живот изводить. Ведь могли минут на десять задержаться да отобедать. Мих потрянул головой, усмехнулся и сказал вслух.

— Служба.

Накрыл полотенцем котелки, хлеб и вышел прочь, плотно затворив дверь. Надобно торопиться, его господин дожидается.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net